

**Владимир
Круковер**

2

**КРИМИНАЛЬНЫЙ
ПОПАДАНЕЦ**

Продолжение. В первых главах использованы тексты из "Профессора строгого режима". В частности, Бармалеенко тут - похититель бриллиантов, а Профессор - псевдоним работающего под прикрытием Овчаренко, выбравшего путь милиционера в МУРе. Идет 1961 гол...

Пишу "живьем", так что будьте терпимей к опечаткам

Человек из 21 века попал в 1960 год с потерей памяти. Его личность всплывает в памяти отрывками и снами.

Любопытно, что есть воспоминания, в которых он милиционер. И есть, в которых он вор.

Да и бессознательно он порой действует уголовно...

Глава 1

Для начала второй книги (так сказать - для разгона) использованы в первых главах отрывки из повести: "Профессора строгого режима". В частности, использован образ громилы и бандита Гоши Бармалея. В роли мошенника Профессора действует главный герой, попаданец из будущего и ГГ Овчаренко Владимир, собаковод и нынче сыщик МУРа 1961 года.

Криминальный попаданец 2

Тюремщики любят читать романы и больше, чем кто-либо, нуждаются в литературе.
О.Мандельштам

Как описать квадраты бытия,
в которых ныне обитаю я?
Квадрат цехов, а в них - ненужный труд:
мешки тут для картофеля плетут.
Квадрат асфальта под названьем "плац",
где каждый день подсчитывают нас.
Квадрат столовой... О, тут любят жрать
и у слабейших пищу отнимать.
Квадрат жилья. Там тумбочка, кровать,
на третий ярус надо залезать.
Квадрат санчасти. Жалкий аспирин
ждешь два часа: "ты в зоне не один".
Квадрат ШИЗО, а также - ПКТ.
Квадрат письма на маленьком листе.
Квадраты фото - память детских глаз
- они тоской изматывают нас.
И неба голубеющий квадрат,
А в центре - ты. И в чем ты виноват?

Глава 1

Потерпел фиаско, проводимый ЮНЕСКО опрос населения Земли с просьбой высказать личное мнение по поводу дефицита продовольствия в других странах. В Европе не поняли, что такое дефицит. В Африке не поняли, что такое продовольствие. В Америке не поняли, что такое другие страны. В Китае и в СССР не поняли, что такое личное мнение.

Я опять на зоне. Сложная операция по внедрению в банду Бармалея – Бермалеенкс Георгия, который в данный момент и чалится (отбывает наказание) на этой зоне в бараке №2. Через месяц подходит дата его освобождения («звонком» - по истечении семилетнего срока) и мне предписано наладить с ним контакт. Чтоб мы смогли выйти одновременно сделаны документы, будто меня перевели сюда с «крытки» связи с резким ухудшением

здоровья – вторая стадия тубика (туберкулеза). Частое явление, кстати, среди сидельцев в шестидесятых. А именно в «Кёнике - Кенигсберге, как часто кличут Калининград», заново отстроенном немецкими пленными, есть инвалидный отряд, где много разных больных. В том числе и с закрытой формой туберкулеза (без кровохарканья).

«Послужной» список сделан так, что на неопытный взгляд и не подкопаешься, на первое время должен сработать. Действительно, был такой зэк Курушин Виктор Викторович с погонялом Профессор: порочный интеллигент, мошенник высшего класса. Последний срок отбывал в Заполярье, в Норильске, где Бармалей – любитель южного климата стопроцентно не бывал. Ушел в побег и сгинул в тундре. Дело в том, что Заполярные зоны вовсе не огорожены забором, так – натянута колючая путанка из проволоки, чисто символическая преграда для воров: кинул бушлат и гуляй Вася! Так вот, в моей новой биографии я ни в какой побег не уходил, а был этапирован на материк по причине болезни и после лечения в тюремной больнице переведен в зону с инвалидным отрядом – досиживать, пока в Москве документы оформляют. Дело в том, что безнадежных больных в СССР освобождают, дает им возможность спокойно умирать на свободе. Вот такое у нас гуманное законодательство.

Конечно, если покопаться в биографии человека, которого я изображаю, поискать сокамерников, то разоблачить милицейскую задумку легко. Но предполагалось, что за короткий срок Гоша Бармалей такую проверку провести не успеет и мне хватит времени узнать, куда бандюган затырил похищенные им в последний раз бриллианты из коллекции Московского музея. Выставка там была драгоценностей Дома Романовых, вот Гоша и отличился со своей бандой. Половину налетчиков задержали, а похищенное не нашли.

Ситуация забавная, ибо я и есть в первой жизни тот самый интеллигент – порочный мошенник высшего класса. Правда, с разными кликухами. Но Профессор присутствовала. Хорошо хоть фильм: «Бриллианты для диктатуры пролетариата» еще не вышел на экраны, а то совсем комично было бы.

В общем о моей роли знали не многие, а я, пройдя этапом, прибыл в бывший немецкий город, отвоеванный нашими отцами у фашистов. Зона у них находится прямо в городе – такое огороженное пространство монастырского комплекса, который даже разбомбить не смогли, мощные постройки.

Как я в этом мире очутился? А так, перед самым Новым годом в 1960 год провалился после своей смерти в 2020. Умирать не страшно. Закрыв глаза, открыл глаза...

И в невесомой пустоте, себя переиначив,

Открыть глаза, закрыть глаза, о прошлом не скорбя,

Закрывать глаза, открывать глаза в какой-то Букачаче[1].

Вот и я закрыл глаза, намереваясь вздремнуть в госпитале на удобной кровати с колесиками и множеством хитрых приборов. Так и время такое – двадцать первый век, век сплошной электроники и кибернетики. Доктор сказал, что давление они уравнили, от спазма сердца нужные растворы ввели, а мне лучше вздремнуть, чтоб через пару дней поехать домой совершенно здоровым. Хотя, какое здоровье в 79 лет? Ну я и задремал, а глаза открыл в совершенно непонятном месте!..

Более подобно о том, где и в ком очутилось мое сознание, вы можете узнать у тех, кто прочитал первый том «Криминального попаданца». У тех, кто благожелательно отнесся ко всему бреду, изложенному мной в первой книги и у тех, кто даже попросил продолжить

нести эту фантастическую отсебятину.

Да, хочу пояснить, что сотрясение головы я пережил, всего три дня пролежал в госпитале. А тем временем проводник служебных собак (девушка Светлана Позднякова, сержант) нашла подход к моей собаке и с её «моральной помощью» при обыске в квартире Маневина (главаря грабителей) нашли МУРовцы доказательства совершенных грабежей раненного мной преступника. Переоценил я осторожность Олега.

Об этом радостно доложили Хрущеву и он возжелал еще раз со мной выпить на брудершафт. Но не удалось – я лежал в больнице с сотрясением. А потом подоспело это важное дело с затерянными бриллиантами, с преступной деятельностью отсидевшего срок Гоши Бармалеенко. И меня с фальшивыми документами отправили на зону. В следующей главе расскажу, сколь потешно это выглядело.

[1] Помню в древности поэт из Иркутска Сергей Иоффе написал (читать не обязательно):

Мне стало грустно просто так без видимой причины.

Из-за каких-то пустяков, какой-то чепухи

Когда грустят серьезные, солидные мужчины,

Они не сочиняют печальные стихи.

Они не едут на вокзал, что у аэродрома,

И не сидеть там три часа за рюмкой коньяка,

Им не приспичит улететь за триста верст от дома,

Без отпускных и багажа подняться в облака.

И в невесомой пустоте, себя переиначив,

Открыть глаза, закрыть глаза, о прошлом не скорбя,

Закрывать глаза, открывать глаза в какой-то Букачаче,

Где никому на свете нет дела до тебя.

Мне стало грустно просто так без видимой причины.

Так почему же не спешу я в свой аэропорт,

Вы рано улыбаетесь серьезные мужчины,

Вы рано крест поставили на имени моем.

«Да, - грустно сказала табуретка, - все люди на одно лицо!»

Сразу пересечем пустынный плац и спустимся по закопченным ступеням в полуподвал 15-го инвалидного отряда. Только осторожно. Колония располагается в бывшем Кенигсбергском монастыре, в этом подвале был когда-то монастырский погреб, водосборные и отстойные трубы не менялись с 17-го века, так что в отряде нынче небольшое наводнение.

Профессор спустился по тронутым временем каменным ступеням мрачного здания и остановился в недоумении. Под ногами, покрывая часть лестницы, весело плескалась темная жидкость. В жидкости мелькали какие-то продолговатые, проворные существа. Приглядевшись, Профессор узнал обыкновенных крыс, которые бойко плавали брассом по своим крысиным делам. Прямо от затопленных ступеней начиналась временная переправа. На табуретки были положены скользкие доски, чуть выступавшие над темным разливом. Пахло от этой жидкости в точности так, как пахнет из выгребных ям. В этом не было ничего удивительного – канализация в этом районе не обновлялась с семнадцатого века и в период дождей заливала болотистый район колонии, а в первую очередь, естественно, полуподвал инвалидного отряда № 15.

Раздумья Профессора прервало появление на шатких мостках фигуры высокого офицера в звании капитана. Ловко балансируя на досках, капитан сказал приветливо:

– Вы новый осужденный? Мне звонили о вашем прибытии. Я ваш начальник отряда, моя фамилия Свентицкий. Проходите, не робейте. У меня даже одноногие тут смело ходят.

Не вполне поняв репризу про одноногих, Профессор отнес ее в область черного юмора странного офицера и робко ступил на шаткие мостки. Табуретки кряхтели, покачивались, но выдерживали немалый вес нового обиталища бывшего преступника. Пройдя под сводчатыми потолками, Овчаренко в облике Профессора с изумлением заметил одноногого человека, который бойко прыгал по параллельной навесной дороге в глубину барака. Одним костылем он упирался, а вторым помахивал над головой для равновесия. Профессор посмотрел на плотную спину идущего впереди капитана с уважением. Зря он отнес его реалии к юмористическим абстракциям. Начальник отряда был, видимо, четким прагматиком, смотрел на жизнь трезво.

Они дошли по понтонному мосту до кабинета капитана и дружно взгромоздились на канцелярский стол.

– Рассказывайте, – с прежней приветливостью начал беседу офицер, – какая у вас профессия, где бы вы хотели работать, в каком классе учитесь?

– А что, – осторожно спросил милиционер под прикрытием, – у вас широкий выбор рабочих мест?

– Что вы! – радушно удивился капитан. – У нас же отряд инвалидный. Кто работает – тот только сетки вяжет, такие авоськи, видели в магазинах овощных. Очень хорошие сетки вяжут. А другой работы нет, откуда.

– А можно вообще не работать? – осторожно спросил Профессор.

– Почему нельзя – можно, конечно. Но скучно же. Да и на отоварку деньги ведь нужны,

правда?

Свентицкий смотрел на Профессора чистыми и ясными глазами.

– Можно узнать ваше имя-отчество? – спросил Овчаренко. Он просто не мог больше обращаться к этому приятному человеку официально - "гражданин начальник отряда".

– Конечно, – радостно ответил Свентицкий. – Меня зовут Олег Павлович. Можете ко мне в частной беседе так и обращаться.

– Спасибо, Олег Павлович. Вы, должен заметить, очень милый и приятный человек.

– Взаимно, – расцвел капитан. – Я буду рад, если мы подружимся. У меня как раз есть вакансия председателя КМС, это мы так называем культурно-массовую секцию. Выпуск стенгазеты, сотрудничество с клубом. Очень нужная секция, многие осужденные с удовольствием туда записываются.

Профессор помрачнел. Он имел твердые предубеждение против "козлов", в каких бы секциях они ни маскировались. Но в "козлиной" иерархии он, признаться, не разбирался. На северных зонах, где он в первой жизни тянул срока, ментовских прихвостней было так мало, что их даже не выводили в рабочую зону, боясь расправы над необходимыми для отчетности добровольными помощниками лагерного руководства. Профессор еще не знал, что попал в "сучью" зону, в которую ни один уважающий себя авторитет не поднимется, предпочитая гнить в ШИЗО. Он еще выйдет из барака и протрет изумленные глаза, узрев на каждом третьем зэке повязку или иную нарукавную эмблему, свидетельствующую о принадлежности этого зэка к многокрасочному племени сук. Но в данный момент сыщик под прикрытием подумал только о том, как бы не обидеть приветливого начальника и потому сказал сдержанно:

– Я, знаете ли, подумаю...

– Конечно, конечно, – фамильярно потрепал его по плечу Олег Павлович. – Как же иначе, на новом-то месте. Осмотритесь, обвыкните, а потом – сразу ко мне, в КМС.

Несколько смущенный таким обращением, Профессор вспомнил, весьма кстати, приемы своего прежнего «Я» и автоматически спросил:

– Вы учитесь, Олег Павлович?

– Да, на юрфаке, заочно.

– Может, дадите мне какую-нибудь работу, у вас же времени нет все эти контрольные и курсовые писать?

– Я подумаю, – ответил капитан, удивленный предложением. Он читал дело поступившего в его отряд мошенника. И не вполне понимал, как Профессор профессиональный аферист может помочь ему в написании контрольных работ для третьего курса юридического факультета. Но тем не менее, ему было приятно. Эти письменные задания отнимали у него все свободное от службы время, он с удовольствием спихнул бы их на какого-нибудь головастого зэка. Только не попадали в его инвалидный отряд головастые. И все же ему было приятно услышать предложение о помощи. И сам разговор с опасным бандитом, который вел себя столь вежливо, был Олегу Павловичу приятен. Он приписывал своему воспитательскому опыту уважительное обращение отпетого вора.

Дважды живущий облизывался, предвкушая обильные гонорары. Он не сомневался, что, имея учебники, сможет скомпилировать курсовую по любому гуманитарному предмету. Они с капитаном явно не понимали друг друга. Но, когда начальник отряда спросил: "намерен ли гражданин осужденный продолжать учебу в седьмом классе?" – Профессор заподозрил подвох и попытался торопливо исправить выдуманное прошлое.

– Вы не сомневайтесь, – заспешил он, – по научному коммунизму или там по уголовному праву за один вечер напишу. Были бы учебники, такую компиляцию сотворю – комар носа не подточит. Мы в студенчестве всегда подрабатывали у заочников. Помню, писал одному с четвертого курса по структурной лингвистике, так я в этом предмете вообще был меньше, чем дилетант, а сочинил на твердую четверку.

Свентицкий внимательно слушал зека и не верил ни одному его слову. Свентицкий вообще никогда и никому ни в чем не верил. Он уже с детства знал, что белорусов всегда обманывают, поэтому взял себе за правило – не верить. И не верил. Но его все равно обманывали. Он даже подумывал сменить в паспорте национальность на еврея, только не знал – как быть с различными анкетами, где указывается прежняя национальность. Могло же получиться разночтение, неприятности могли произойти.

– Отгадайте загадку, – сказал Свентицкий. – Мы ходим ночью, ходим днем. Но никуда мы не уйдем.

– Часы, наверное.

– А вот и нет. Это часовые на вышках.

– ?????????????????????????? – на большее Профессора не хватило. Внутренний голос советовал ему нечто более сочное, но вежливый в новой жизни Овчаренко сдержался.

Глава 3

Калининградским зоологам удалось обнаружить мальчика, воспитанного ехиднами. Такого мерзкого и язвительного пацана учёные ещё не встречали. Сейчас то, что из него выросло, работает в санчасти ИТУ-9 г.Калининграда

Первый день на этой зоне был для меня днем сплошных загадок. Я старался вести себя соответственно, и это мне пока удавалось. По беспроводному телеграфу информация о живучем мошеннике, который вскоре откинется по причине тубика, в зону была доставлена давно, так что мое странное поведение никого особенно не удивляло. Но я все равно смущался, был в некоторой степени шокирован порядками в этой зоне.

Шок – это по нашему и этот шок настиг меня после встречи с начальником медсанчасти майором Момот О.А. (Я, честно говоря, и с самого момента попадания в параллельный, столь похожий на мой мир, не принимал его всерьез. Сперва из-за амнезии, потом из-за абсурдности развитого социализма, в котором колбасу надо доставать. Нет, колбаса была вкусная, но дефицит многих необходимых вещей и продуктов в таком богатом государстве меня сперва смущал, а после контузии – смешил. и казался нереальным, больше похожим на сцену огромного театра абсурда). Судите сами!

Пришел в отряд "шнырь" санчасти и сказал, что осужденного Курушина (меня) вызывает начальник. Я и пошел себе. Санчасть застал в окружение строительного мусора. Битые кирпичи, сгустки окаменевшего раствора, известь – все валялось в беспорядке, напоминая о неукротимом желании дотошного начальника превратить это больничное учреждение в музейный экспонат.

На свежей побелке стены санчасти красовалась ни менее свежая надпись: "Момот – вшивый обормот".

Я осторожно пробрался сквозь строительные завалы и поднялся по лестнице, отделанной изобретательными зэками под мрамор. Потом пошел коридором, читая элегантные надписи, отделанные под старинную бронзу: "Не прислоняться!", "Не разговаривать.", "Не вставать с сидений без разрешения.", "Не сморкаться!", "Не испускать нестандартные звуки."... Самая красивая и большая надпись, свидетельствовала, что за дверью (отделанной под красное дерево) находится создатель этого уникального дизайна майор и начальник по фамилии Момот О.А.

Я постучал и, получив разрешение, вошел и представился:

– Осужденный Курушин Виктор Викторович, пятнадцатый отряд, прибыл по вашему приказанию.

Некоторое время майор и я в образе Курушина разглядывали друг друга. Момот сидел за сверкающим полировкой столом и соревновался с этим столом в сверкании. Он (майор) был чист и аккуратен до неправдоподобия. Мне почудилось, что педантичный начальник так и родился: в отглаженной чистенькой форме, с фуражкой и в майорских погонах. Его (майора) нельзя было сопоставить с пеленками, детским плачем, соской... Даже тот, вроде бы неоспоримый факт, что майор был рожден женщиной, представлялся сомнительным. Таких не рожают, таких производят на конвейере при участии лучших специалистов по часовым механизмам.

Майор тщательно выверенными движениями достал из верхнего ящика полированного письменного стола марлевый тампон и убрал с края столешницы какую-то микроскопическую пылинку. Использованный тампон начальник аккуратно положил в корзину для бумаг, достал из другого ящика новый тампон и бутылочку. Свинтив с бутылочки пробку, майор смочил тампон и протер им то же место. После этого майор достал из третьего ящика третий тампон, смочил его из той же бутылочки и аккуратно протер руки. В комнате резко запахло спиртом. Потом Момот поднял голову, внимательно посмотрел на меня и, тщательно выговаривая каждое слово, сказал:

– Вы можете сесть.

– Спасибо, – ответил я, присаживаясь на железную табуретку у самого входа.

– Я просмотрел вашу медицинскую карточку, – с монотонностью хронометра продолжил майор, – вы болеете туберкулезом. По данным фтизиатров больницы следственного изолятора города Калининграда вы до сих пор можете быть потенциальным носителем болезни, которая распространяется микробами, носящими имя доктора Коха. Их еще зовут – палочки Коха. Но это вам знать не обязательно. Вы меня поняли?

– Не совсем, – приподнялся я, офигевая от майора, – я не вполне понял, что мне не положено знать. Я хотел бы ут...

– Сидеть! – прервал меня майор. – Ни в коем случае не вставать и не приближаться, иначе я вызову конвой. – И, уже успокаиваясь, начальник добавил:

– Вы должны были прочитать указательные, рекомендуемые и предупреждающие надписи в коридоре и в точности следовать сути этих надписей. Когда я вас отпущу, внимательно перечитайте и запомните. Теперь вернемся к нашему разговору. Я задал вам вопрос, вы ответили, что вы не можете точно сказать – поняли вы меня или не поняли. Сейчас вы подумаете и попытаете ответить. Но ни в коем случае не вставайте со стула для осужденного контингента.

– Мое противоречивое сознание, озадаченное смертью в ином мире и недавней контузией, сотворило кульбит и передало управление речью неправедному спинному мозгу.

– Ты чего, начальник, мозги мне пудришь. Во-первых, это не стул, а табурет, во-вторых, чего я должен понимать. Ты мне чернуху не гони, если чего надо – так и прикалывай в открытую.

– Осужденные, согласно "Правилам содержания осужденных в местах лишения свободы", должны обращаться к администрации, сотрудникам конвойной и иной служб, а равно к другим представителям аппарата мест лишения свободы на вы, – равномерно сказал Момот.

– Простите, – торопливо вмешался разум, – я имел в виду, что не вполне вас понял.

– Тут понимать нечего. Я процитировал вам пункт седьмой из "Правил содержания осужденных в местах лишения свободы", который объясняет установленную форму обращения осужденного контингента к контингенту руководящему. После окончания ремонта избранные отрывки из этих "Правил" будут повешены перед входом в санчасть. Пока же я позвоню Вашему начальнику отряда капитану Свентицкому и попрошу ознакомить вас с этими правилами.

– Насчет правил я понял, – попытался я исправить положение. – Я не вполне понял по пункту первому нашей беседы, где вы упоминаете о чем-то, что мне знать не положено. (Я невольно начал строить предложения по момотовскому образцу. Этим я подсознательно хотел смягчить начальника, памятуя, что портить отношения с охранниками не выгодно).

– Что может быть не понятно по пункту первому? Объясняю вторично. Вы болели туберкулезом. По данным врачей следственного изолятора города Калининграда. Я просмотрел вашу медицинскую карточку. Туберкулез распространяется в виде микробов, которые по традиции носят имя ученого их открывшего. А точнее – Коха. Их иногда так и именуют – палочки Коха. Но это вам знать незачем. Вам надо знать, что вы можете быть потенциальным носителем инфекции. Теперь вам понятно?

– Не совсем. Вы меня, конечно, извините, но я хотел бы уточнить. Вы сказали, что тот факт, что я болел инфекционной болезнью под названием туберкулез. И что эти данные вы получили, ознакомившись с моей медицинской карточкой, по данным врачей следственного изолятора города Калининграда. Потом вы соизволили уточнить, что туберкулез вызывается определенной разновидностью микробов, которые носят имя человека их открывшего – доктора Коха. Все это мне вполне ясно. Мне не понятно по факту того, что мне не положено знать?

– Осужденный Курушин, – строго, но по-прежнему равномерно и чисто, произнес аккуратный майор, – в медицинской карточке есть копия экспертизы по поводу вашей психической вменяемости. Вы признаны дееспособным, что подтверждено решением суда, приговорившего вас к отбыванию наказания в колонии строгого режима. Следовательно, вы совершенно напрасно пытаетесь ввести в заблуждение начальника медицинского учреждения исправительно-трудовой колонии номер девять, то есть – меня. Я вынужден буду написать рапорт на имя начальника вашего отряда капитана Свентицкого о вашем дерзком поведении и несоблюдении "Правил", о которых я говорил раньше.

– Но позвольте... – привстал я возмущенно.

– Сидеть, – громко сказал майор, одновременно нажимая кнопку вызова внутренней охраны лагеря.

В кабинет вошли два санитаря из числа осужденных и встали по бокам от меня. Спустя несколько минут появился и прапорщик в лице Толи Ковшова под кличкой Толя-Жопа, приобретенной им благодаря неистребимой привычке бить осужденных по тугим задкам длинной табличкой из ДВП со списком осужденных, выводимых в рабочую зону.

– Пойдем, – сказал Толя-Жопа, не вдаваясь в подробности. Тревожные звонки из кабинета Момота стали для охраны делом повседневным, так как визит каждого второго осужденного в санчасть кончался ими.

Выходя с равнодушным прапорщиком я посмотрел на надпись, характеризующую майора Момота нелестным образом, поднял кусок кирпича, зачеркнул слово "вшивый" и крупно написал "стерильный". Толя-Жопа зевнул и прочитал вслух новый афоризм: "Момот – стерильный обормот", еще раз зевнул и сказал равнодушно:

– Иди в отряд, дурачина.

Если смотреть "Бриллиантовую руку" наоборот, то получится история о том, как простой советский гражданин борется с бандитами, за что получает от милиции награду золотом и бриллиантами, после чего едет бухать в Турцию, но пьяный падает на улице и ушлые турки отбирают у него все драгоценности.

Гоша Бармалей при всей своей ограниченности был к жизни приспособлен. Методом ошибок он выработал четкую линию поведения: никому не верить, бить первым и получать удовольствие пока не отняли. Поэтому он жил не просто одним днем, но порой и одним часом. Счастливый человек.

Где-то в глубине души Гоша ощущал себя ничтожеством и боялся, что об этом узнают окружающие. Поэтому он пил все, что горит. В пьяном виде он становился уверенным и решительным. Уверенность не синоним с решительностью. К примеру, Гоша в трезвом виде был решителен в добыче опохмелки, но уверенности в результате не испытывал.

Кроме того Бармалеенко любил нюхать собственный пот. Поковыряет между пальцами ноги и нюхает.

Мечты его были односложные и коротенькие: вот откинется (выйдет на волю), поканаает в кабак (зайдет в питейное заведение), накидается от души (выпьет и покушает), снимет шмару (найдет проститутку) и нахарится вдосталь (совершит несколько половых актов). А на другой день опохмелится и поедет выкапывать бриллианты... Дальше Гоша пока не планировал. Но вот эти четыре фактора в одинаковой последовательности часто гонял в голове. И чувствовал в себе сжатую пружину не свершенных действий.

И когда новенький из инвалидного отряда снес его со шконки ударом в живот и в голову, Бармалей только и успел ойкнуть и, уже вставая с пола, испытал радость от возможности кому-то навалить люлей – распрямить эту пружину.

А хитрому Овчаренко в образе Профессора только этого и надо было! Его ужасно раздражало (бесило буквально) то, что в самый разгар становления первого послевоенного Центрального питомника служебно-розыскных собак и будущей Школы кинологии, весь такой обласканный начальством герой МУРа – сыщик (почти волкодав) вдруг стал подсадным на зоне. Это вообще-то, хоть и негласно, самый низ в иерархии ментов. Вертухай и подсадки вообще суки среди вертухаев.

Нет, конечно ему внушали о высокой ценности редких бриллиантов, об уникальности некоторых из них, о том, что мало кто справится с таким заданием так как Бармалей недоверчив и осторожен. Правда Чванов – опытный сыщик МУРа не принимал участие в уговаривании. Да и контузия после удара по голове у Овчаренко толком не прошла, накатывало порой: будто приливы такие, когда тело чешется и горит, а голова не соображает. Но комитетчик Майоров был убедителен. Такое впечатление, что за тело и мозг простого военного, начинающего собаководом устроили борьбу две организации, из которых КГБ было неприятным, но более влиятельным, чем милиция.

После того, как вернулась память, сознание Владимира (и в прежней, и в нынешней - Владимира) колебалось между «да» и «нет»; между серостью окружающего мира и его первозданной, даже наивной красотой; между вседозволенностью уголовника и жесткими

ограничениями служивого; между желанием прогрессировать действительность и желанием построить яркую новую жизнь... Владимир просто не осознавал, что дуализм – вечное ярмо мыслящего человека и спасение от него мы постоянно ищем, упрощаясь с алкоголем, наркотиками, сексом, обжорством. (Порой официальные наркотики заменяют их суррогаты: фанатичная увлеченность футболом, религией, коллекционированием..).

И вот это растущее недовольство, раздражение навязанной ролью и привело нашего героя к простенькому решению, могущему принести быструю победу или к полному поражению. Он нашел в бараке бандита Бармалея и столкнул его со шконки.

Ну а дальше пришлось вытерпеть несколько ударов, подставляя лицо, чтоб заметнее, а потом выкрутить Бармалею мощную руку.

- Все, теперь ты себе еще срок намотал. За избивание новенького заключенного, который шел себе и никого не трогал, год получишь по 206-ой (хулиганство).

- Ты первый напал, - пропыхтел Гоша, баюкая руку.

- Кто это видел? А вот твои следы, - он показал на синяки, - через часик станут заметными.

- Что ты хочешь? – сообразил Бармалей.

- Пару бриллиантов.

- Откуда знаешь?

- Ты что – думал все забыли про твою удачу?

- Ах ты, фармазон, сямка бацильная!

- Так что, я иду к режимнику?

- Да будут, будут тебе наховирка (драгоценные камни).

- Ты из себя-то шопенфиллера не строй, ты вообще случайно в этом деле завяз. А я твоим другом могу стать, помочь и камушки продать так, чтоб не засветиться, и слинять на юг с новыми ксивами. А там, например в Грузии, никто про тебя не ведает: живи – не хочу. Ты ведь и не представляешь, сколько за брюлики выручить можно.

- А сколько? – заинтересовался Бармалеенко, усаживаясь поудобней. Он лично хотел их отдать каину (скупщику краденного) тысяч за пять (цена машины в это время[1]).

- Не меньше ста тысяч советских карбованцев. На всю жизнь хватит. Вот допустим начальник получает двести рублей в месяц, в год – 2400. За десять лет он получит 24 тысячи, а тут – сто тысяч.

Гоша был ошарашен. Он даже не очень представлял себе такие суммы. И теперь уже не алкал разорвать мошенника, а был в него влюблен.

Ну а милиционер под прикрытием торжествовал бескровную победу. А то, что пару синяков получил – так заживут, не в первый раз по чавке получает!

А тем временем Никита Сергеевич Хрущев поинтересовался, как идет обновление собаководства в милиции? Надо сказать, что успех Никиты, когда он выступил с разоблачением Сталина уже поумерился. Доклад Хрущева с разоблачением сталинских репрессий в 56-м на XX съезде потряс тогда и страну и мир. Тысячи и тысячи заключенных сталинских лагерей вышли на свободу, матери и вдовы расстрелянных и сгноенных в лагерях, получили денежные компенсации за убитых родных и давно уже проели эти горькие деньги.

Уже появились анекдоты, восхваляющие прежнего властителя. «На приеме в

американском посольстве, посол США похвастался, что, дескать есть у них в штате Алабама колдун - мертвых поднимает.

Присутствующий на приеме В.М. Молотов невозмутимо отметил, что и в СССР есть замечательный спортсмен, который бегом обгоняет самолет.

Н.С. Хрущев, прослышав про этот факт, вызвал к себе Молотова.

- Ты чего это, Михалыч, языком треплешь? А ну как - потребуют предъявить чудо-спортсмена?

- Мы сначала потребуем, чтобы они своего некроманта предъявили.

- А если предъявят?

- Потребуем проверки, пусть подымет... Сталина, к примеру.

- А ну как, - подымет?

- Тогда ты, Никитка, не то что самолёт - ракету обгонишь!»

В 61-м, за два дня до начала Второго Московского кинофестиваля, открывается кинотеатр "Россия". На Московском кинофестивале фильм Григория Чухрая "Чистое небо" с Евгением Урбанским получит Большой приз. Фильм - абсолютно оттепельный с классическими кадрами взламывающегося на реке льда. Но все это оттепельное время Сталин продолжает лежать в Мавзолее. Когда 14 апреля 1961 года под многотысячный восторг Красной площади Гагарин поднимается на Мавзолей, на фронте Мавзолея как ни в чем не бывало стоит "Сталин".

при Сталине. Страну ничего не отвлекало, ничего не может повлиять извне. Она восстанавливалась после войны, строилась. Нелегко, не быстро, но жизнь народа улучшалась, страна шла вперед. Создано ядерное оружие, что обеспечивает безопасность государства, начинается работа по освоению космоса.

У страны огромный авторитет в мире, с тем же Китаем, к примеру, никаких разногласий.

Развитие идет по давнишнему плану Сталина (который многие исследователи считают вполне реальным) - постепенно отодвинуть партию от власти, оставив за ней функции идеологические, воспитательные. А реальная власть должна быть в правительстве, у хозяйственников, у специалистов, у исполнителей.

Сталин не успел...

В борьбе за власть, Хрущев, как первый секретарь ЦК, стал пытаться перераспределять властные полномочия в пользу ЦК, забирая часть полномочий от Правительства. Он вернул партийцам былые материальные (чрезмерные) блага. Пленумы ЦК стали созываться регулярно, их решения постепенно стали становиться более значимыми, более весомыми, чем решения Правительства. В том числе по сельскому хозяйству. В результате, уже к 1961 году, в стране не стало хватать зерна, муки и, как итог, хлеба.

Овчаренко с сознанием человека, пережившего гниение государства в Брежневском застое и хаос кровавого распада СССР, прекрасно понимал порочность правления Никиты. Не потому, что был такой умный, а потому что историю падения союза давно разжевали и пресса его времени часто писала о том как Хрущев «строил» коммунизм. Поэтому ему не терпелось как-то прикоснуться к возможности пораньше удалить невежественного политика от власти. А он в это время занимался дурацкими бриллиантами и гробит здоровье в

затопленном бараке среди человеческих монстров.

В бараке имеются:

1) Юрка Слепой. Он действительно слеп, получил четыре года за кражу. Четвертая ходка (четвертый раз судим).

2) Адмирал Нельсон. Это инвалид, у него искалечено все тело, рука бездействует, пребывая постоянно скрюченной, нога волочится, глаз частично выбит и торчит из изуродованной глазницы наподобие маленького телескопа, за что ему и присвоена столь почетная кличка. Адмирал сидит за хулиганские действия. Они со Слепым закадычные друзья, третий срок тянут вместе на одной зоне.

3) Миша Бродяга. Здоровенный старик, в прошлом разведчик, удостоенный всех орденов Славы. Ему далеко за 60, но он еще крепок. По ночам занимается онанизмом, от чего весь ярус, внизу которого он спит, трясется, как во время шторма. Получил третий срок за драку в автобусе.

4) Маэстро. Имеет десять лет за угон теплохода-гостиницы "Ганса" вместе с отдыхающими иностранцами.

5) Григорий Бармалеенко, в народе – Гоша Бармалей. Семь лет строгого режима.

В камере еще несколько человек, но они не представляют для нас интереса: так, мелкая шушера, серятина с "детскими" сроками до двух лет.

Профессор. Он взволнован. Под левым глазом обширный синяк – знак проникновенной беседы с Бармалеем...

[1] В 1961 году «Волга» стоила 5600 руб., новый «Москвич-408» — 4500 руб., а «Запорожец» — 2200 руб.

*...Я выбираю Свободу —
Пускай груба и ряба,
А вы — валяйте, по капле
Выдавливайте раба!*

*По капле и есть по капле —
Пользительно и хитро,
По капле — это на Капри,
А нам — подставляй ведро!*

*А нам — подставляй корыто,
И встанем по всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!*

*Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!
...И мне говорит «свобода»:
— Ну что ж, — говорит, — одевайтесь,
И пройдемте-ка, гражданин.
Александр Галич*

Ну что ж, мы с Бармалеем, неожиданно для окружающих, сдружились. И пили чефар (крепкий чай) по местному ритуалу – два глотка, конфетка и передать товарищу. И анекдот попроще, чтоб сам Гоша оценил:

- Что делаешь?

- Засыпаю.

- Без меня?

- Трупы земель засыпаю! Хочешь к ним?

Ржет, вот сука! Или приходилось ему засыпать-то. Трупы?

Капитан Свентицкий не решился поручить мне свои курсовые, но я не унывал. На зоне как раз проходил чемпионат по шахматам и я выступил от инвалидного отряда. С успехом, разделил первое и второе место с мужиком из 12 отряда. Сильно играл тот мужик, не ниже первого разряда.

Надо сказать, что в СССР этого времени шахматы были вполне общественной, массовой игрой. Я это и помнил по первой жизни, прожитой в уголовном режиме, заново вспомнил при второй, пока в роли милиционера.

Мне довелось белыми, ну я и начал королевским гамбитом. Который, конечно, дает быстрое преимущество над слабым игроком, но ослабляет твою позицию в схватке с сильным. Противник мгновенно отыграл защиту Фишера! А я и не подозревал, что тот уже проиграл Спасскому и выдумал свою защиту[1]. Нет, я знал, конечно, это оригинальное продолжение дебюта, но в истории, как и в датах, хромаю. С громадным трудом удалось

уравнять позицию. В миттельшпиле (в середине партии) я предложил не рисковать и поделить призы. А призами были конфеты, тушенка и плиточный чай – ценные продукты на зоне. Так что пожали друг другу руки, поздравив с ничьей. И Бармалей, жадно болевший за меня, принялся делить навар. Но я его оборвал:

- Ты что ж, Бармалеюшка, воров позоришь. На глаз прикинь и споловинь. А мы пока чефир организуем.

Замполит, довольный проведенным массово-просветительным мероприятием, не стал придирааться к нашему пикнику прямо в клубе. Так что посидели клево (в смысле – фартово)

Так, за делами и без них, и настал день свободы. Мы, естественно, сходили в баньку, помылись и сменили белье. Ни у меня, ни у Бармалеенко родственников не имеется, так что никто нас и не встречает за решеткой. Только замполит провожает нас, говорит положенные слова и вручает Памятки от администрации:

"Наказ-памятка администрации учреждения освобождающемуся.

Товарищ Бармалеенко. Сегодня вы становитесь полноправным гражданином советского общества, перед вами открываются широкие возможности для честной трудовой жизни. Мы надеемся, что вы пересмотрели свои жизненные понятия, серьезно обдумали совершенные ранее ошибки. Администрация всемерно стремилась помочь вам осознать свою вину перед обществом, повысить политический, общеобразовательный и культурный уровень, приобрести специальность. Мы выражаем уверенность, что вы будете добросовестно трудиться на благо нашей любимой Родины, строго соблюдать советские законы и правила социалистического общежития. Всегда помните, что где бы ни пришлось вам жить и трудиться, вы обязаны дорожить честью советского гражданина.

В день вашего освобождения даем вам несколько добрых советов. В пути к месту следования ведите себя достойно, не употребляйте спиртные напитки, будьте выдержанным, не заводите случайных знакомств. Прибыв к месту жительства, сразу же обратитесь в милицию. Здесь вы получите паспорт, решите вопрос о прописке, вам окажут помощь в трудовом и бытовом устройстве. Если встретитесь с трудностями при решении этих вопросов, обратитесь в местную юридическую консультацию, где вам помогут выяснить некоторые правовые вопросы.

Стремитесь к знаниям. Используйте имеющиеся возможности в повышении своей трудовой квалификации и общеобразовательного уровня. Любите книгу, искусство, занимайтесь физкультурой и спортом. Добросовестно выполняйте общественные поручения. Будьте самостоятельны и честны в своих действиях, учитесь разбираться в людях, оценивайте их не только по словам, но и по делам. Если ранее у вас были сомнительные приятели, не восстанавливайте с ними связь. Помните, что хороший друг – это добрый советчик и наставник. Он всегда предупредит от неверного шага.

Будьте хорошим семьянином, воспитывайте детей достойными строителями коммунистического общества. Не омрачайте недостойным поведением своих близких, не лишайте их радостей жизни.

Поддерживайте с нами письменную связь. Сообщайте о своей жизни. Желаем успехов и большого настоящего счастья!

Администрация учреждения".

Звонко щелкнули железные створки первого КПП, сержант наружной охраны проверил

документы бывшего зэка, с жужжанием отодвинулась вторая металлическая калитка и Профессор вместе с Бармалеем вышли с территории исправительно-трудовой зоны № 9 на территорию советского города Калининград. У нас на руках было по 42 рубля наличными (неработающим выдавали прожиточный минимум) и предписание на ж/д билеты: Бармалею - в Подмосковьё, мне – в Вязьму. По месту прописки. Я был одет более-менее прилично, но жарко, так как на зону прибыл зимой. А Гоша красовался в отличном костюме (воры подогнали) и плаще. А вот шапка была на нем не по сезону – ушанка. На мне же головного убора не было вовсе, в этом времени и сезоне моя голова выглядела экстравагантно.

- Пойдем в кабак! – заявил Бармалей. – Выпить надо.

- В дороге выпьем, в поезде отличный вагон ресторан, - сказал я. – Если ты опьянел от воли, то прости-прощай, я один поеду домой. А ты не успеешь до брюликов добраться, снова сядешь. За хулиганку или ограбишь кого.

Я, вроде, неплохо изучил примитивный психопортрет этого увальня: он, доверившись мне, теперь боялся потерять жожака. Гоша по жизни не был лидером, а похищение бриллиантов – слепая удача неопита.

Я взмахнул рукой и такси, дежурившие у ворот зоны (знаю, черти, когда на волю выпускают), подкатило к нам.

- На вокзал. Но неспешно, хоть город посмотрим. – Я сунул таксисту трояк. О деньгах не волновался – на почте должен был ждать перевод, оговорено.

Бывший Кенигсберг был почти полностью восстановлен и выглядел красиво. Готика, мрачная по определению, в советском окружении выглядела интересно. Понравились натуралистичные быки из металла около какого-то учебного вуза. Как пояснил таксист, студенты перед экзаменами красили этим быкам яйца.

Невольно вспомнился Юз Алешковский:?

Там красят яйца в синий и зеленый,
А я их крашу только в красный цвет,
В руках несу их гордо, как знамена
И символ наших радостных побед.

Таксист оказался потенциальным гидом и в неспешной поездке по городу рассказал и о могиле Канта, и о музее янтаря. А в отношении быков объяснил, что это не быки, а зубры. Называется скульптура «Борющиеся зубры». Установил её в 1912 году, ещё в Кёнигсберге, немецкий скульптор Георг Август Гауль. о время Второй мировой войны, Кёнигсберг неоднократно подвергался авианалетам наших британских союзников. И хоть город основательно разрушили, скульптура сохранилась нетронутой. Повезло рогатым, потому как британцы знатно утюжили город. Особенно центральную часть.

После войны Советская власть перенесла зубров в Калининградский зоопарк. Зубры — это же животные, вот им и место среди подобных. Вероятно, руководствовались такой логикой. Но, со временем скульптуру вернули на историческое место. Только в здании напротив располагался уже не суд немецкой администрации, а Калининградский государственный технический университет.

Ну наконец доехали до вокзала. Я – сразу на почту, а то Гоша уже ноет, что денег мало. Гульнуть хочет мужик. Да и я, хоть отсидел всего ничего, памятью прошлой жизни трогаю свободу с восторгом, праздника душа требует. Но потерпим. До поезда. В Подмосковьё Гоша

где-то зарыл свою мечту о красивой жизни. И не ведает он, что отберут у него эту мечту злые дяденьки в синих фуражках.

Получил 270 рублей оперативных денег (с понтом – от друганов). Купили билеты. Переиграли с плацкарта на купейный. Всего лишь 22 рубля 40 копеек за билет. Но места верхние и купе неудобное – у туалета. Сунул в кассу червонец, сразу нашлись нижние места в вагоне, следующим за рестораном – бригадирском. Пошли на посадку. Купе чистенькое, соседей нет, но Гоша рвется за выпивкой. Вот нажрется – что с ним делать?

«Здравствуйте дорогие товарищи! – ожил репродуктор над окном. – Наш поезд отправляется в 14:03 и прибывает в 08:54. Ваш путь от Калининград Пасс Южный до Москва Белорусская займет 18 ч 51 м. Средняя путевая скорость поезда — 75 км/ч. По классификации РЖД это Скорый поезд. Вы проедете 1286 км. На этом маршруте будет 8 остановок. Самая продолжительная стоянка поезда на станции Черняховская - 10 минут. Провожающих просим выйти из вагонов!».

- Потерпи полчаса, - упрашиваю Бармалея. – Мы же не быдло какое, не крестьяне, чтоб нажраться в купе водярой и отрубиться. Надо получать удовольствие от жизни и от выпивки.

- Это как? – наивно спрашивает Гоша.

- Ну вот, представь себе, зайдём мы минут через пятнадцать в ресторан, сядем за чистый, скатеркой покрытый столик. И к нам подойдет девушка и вежливо подаст меню. А там чего только нет! И мы с тобой возьмем всего самого вкусного и графинчик выпивки. Тоже самой лучшей. И будем неторопливо кушать, выпивая порой рюмочку – другую. А за окном будут мелькать города и деревни, леса и поля, реки и озера. А мы с тобой сидим за столиком и неспешно так смакуем разные вкусности.

Гоша сглотнул слюну.

- Ну ты, Профессор! Ты в самом деле профессор?

- Ну, ежели в аферах – то да, профессор! Только мы с тобой скоро уедем в другую страну и до самой смерти нам не надо будет не мошенничать, ни воровать. А сможем мы на твои бриллианты жить и бухать сколько пожелаем. Как сказал поэт:

Мы рождены чтоб пить и веселиться,
Чтоб жизнь прожить не хуже королей,
Чтоб 300 раз напиться и свалиться,
Поднявшись снова закричать – налей.

[1] В 1960 году юный Фишер потерпел поражение от Бориса Спасского, применившего против американского оппонента Гамбит Кизерицкого. Раздосадованный Фишер приступил к анализу позиции в партии, стремясь После того как Бобби Фишер проиграл партию 1960 года в Мар-дель-Плате Борису Спасскому, в которой Спасский играл Гамбит Кизерицкого, Фишер ушел в слезах и быстро приступил к разработке новой защиты Королевского гамбита. А в 1961 году в журнале American Chess Quarterly[en] опубликовал статью «Опровержение королевского гамбита» (англ. A Bust to the King's Gambit), где рекомендовал ход 3. ...d7-d6. Статья приобрела широкую популярность, а за дебютом утвердилось название «Защита Фишера».

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блеклыми...
Александр Блок

Не пойму я этого аферюгу, Профессора, думал Бармалеенко. Откуда взялся так неожиданно? Нет, конечно, он по жизни сечет получше меня. И что на брюлики мои нацелился – ежу понятно. Так и не жалко поделиться, ежели маклака[1] годного найдет и цену поднимет. Я не жадный, а он за меня мазу тянуть[2] обещал. Он по жизни, как рыба в воде, профессор он по жизни!

В тоже время Гоша испытывал сомнения. Все время, при общении с новыми людьми. Этот порок - урок он получил еще в детстве, а детские «шрамы» болят до смерти.

Когда Георгий был маленьким, с ним случилось одно происшествие. За гаражами было место, куда можно было сбегать пописать. Впритык к загаражному закутку находился кусок забора, отделявшего двор от больницы. Как-то Гоша, застегнув штанишки, посмотрел в щель этого куска забора и увидел, что там играют двое мальчишек. Один чуть помладше Гоши, а второй - чуть постарше.

Тогда он залез на этот кусок забора и высунул голову над его верхушкой.

Мальчишки его заметили.

Здорово, - сказал младший.

Перелазь к нам, - сказал старший.

Бармалеенко перелез. И они начали играть, будто были давным давно знакомы.

Они играли в выжигалы, вдвоем это можно. Они играли в прятки, на больничном дворе было где спрятаться. Они играли в «замерь» - пристенок. Задача - бросить монету в стену так, чтобы после отскока она легла настолько близко к монете ранее бросившего игрока, чтобы поставив большой палец руки на свою монету, смог любым другим пальцем этой же руки дотянуться до чужой монеты. старыми монетками. Потом немного устали, уселись в больничной беседке и стали играть в города.

Гоша выиграл.

А потом стемнело и мальчишки стали торопиться домой. И Гоша вновь перелез через кусок забора в свой двор и тоже побежал домой. Где, конечно, получил лупку от мамы за то, что так поздно пришел и не откликнулся на ее призывы из окна. Не мог же пацан объяснить, что он маму не слышал, потому что во дворе его не было. В своем дворе.

На другой день Георгий собирался снова туда пойти и наиграться от души, но мама в наказание его не пустила на улицу вовсе. Пришлось сидеть дома. Это было не столько

скучно, сколько обидно.

Вырасту, думал мальчик, и никогда своим детям не буду запрещать гулять сколько они хотят.

Лишь через два дня пацан смог вырваться на улицу (родители загуляли) и сразу побежал в загаражный закуток, вскарабкался на кусок забора и прыгнул в больничный двор.

Мальчишки были там. Но они не хотели играть. Они сидели под деревом, так, что их из окон больницы не было видно, и курили.

Курить будешь? – спросил младший.

Не-а, - сказал Гоша. Он с детства испытывал отвращение к курению, так как отец и мать курили отчаянно и вся квартира была пропитана желтым налетом от табачного изобилия.

Что так? – спросил старший.

Неохота. Недавно курил уже.

У нас хорошие сигареты, с фильтром, - сказал младший. – В этом фильтре все вредное остается, он потом такой желтый становится.

Нам больше останется, - сказал старший.

Странно, подумал Бармалеенко, столько играли, а я не знаю как их зовут. А они – как меня зовут.

Он хотел спросить, а потом передумал. Потоптался с ноги на ногу и сказал:

Я пойду, наверное...

Иди себе, - сказал старший.

А младший ничего не сказал, только головой мотнул – иди, мол.

Гоша медленно пошел к забору. Он все надеялся, что его окликнут. Но его не позвали. Он перелез через забор в свой двор и пошел домой. Расхотелось ему почему-то гулять.

Такие вот печальные мысли преследовали Георгия, пока они молча сидели в купе и ждали открытия ресторана. Купе было роскошным, ездившим поныне лишь в плацкартных вагонах, но его мозг еще не приспособился к обилию информации. После стольких лет зоновской серости воля не столько опьяняла, сколько смущала, притупляя чувства.

Наконец пошли кушать. Оголодали всерьез. Но больше всего Бармалей хотел заглотнуть стакан водки и немного притушить калейдоскоп новостей, захлестывающих неповоротливый мозг. Однако Профессор не дал ему этой возможности.

- Так, - сказал он толстенькой официантке, - наработаем с вами, милая девушка, хорошие чаевые. Во первых, вот тут вижу, солянка сборная и какой-нибудь салатик на ваше усмотрение. Рыбку сегодня брать не будем, а возьмем азу по-татарски. Кофе, надеюсь, без цикория? Тогда кофе с мороженым? Нет мороженого, ну давайте кексы вот эти – Московские. И - да ты успокойся, Гоша, - и горячительных. Есть хороший коньяк? КВ? Пойдет, несите бутылку. И пиво с собой пару бутылок.

Как-то этот новый дружок уговорил Гошу не пить первую рюмку на голодный желудок, а сперва съесть салатик и несколько ложек супа. Суп оказался вкуснющим. Профессор объяснил, что готовится такое блюдо хитро: в мясной бульон сыплют разные мясные копчености, соленые огурцы и еще всякие разности, про которые Гоша и не слышал. Вот что такое, например, каперсы или маслины?

И лишь потом они вместе выпили по рюмке коньяка. Гоша всегда считал, что коньяк пахнет клопами. Да и тот, который они с корешами как-то пили, был противный – три звездочки на нем были. А этот вообще без звезд, наверное еще хуже.

- А чё на нем звезд нет? – спросил Георгий.

- «КВ» означает «Коньяк Выдержанный». Не менее семи лет выдержки. А те, что с звездами, те только до пяти лет. Да ты пей, только не залпом, а поболтай во рту, почувствуй вкус.

Гоша не понял, какой такой вкус у выпивки, но послушался. Во рту немного пожгло, а когда проглотил напиток, то появился вкус. И не просто появился - взорвался на языке праздничной неопределенностью. Не было обычного с водкой жжения, горечи, сладости, кислоты, посторонних привкусов и запаха, а была память про орехи и шоколад. И еще откуда-то пахнуло дымком от костра.

- В этом и заключается разница между водкой, большинством алкогольных напитков и хорошим коньяком, - заговорил Профессор, тоже смакующий послевкусие (да Гоша и слов таких не знал). Спирт здесь не главный, он не ощущается, просто разливается потом приятным теплом по телу, как хорошая острая специя, добавленная к блюду. Тёплый, насыщенный с мотивами черного шоколада, ореха, дуба – вот это и есть хороший армянский коньяк, семь лет проживший в дубовой бочке.

Потом принесли азу, которое тоже оказалось совершенно не похожим на столовское. Нет, Бармалеенко знал, что азу по-татарски представляет собой картошку с мясом и огурцами. Но оно в столовых было совсем другим по вкусу.

- А чего оно не такое, как в столовой? – спросил Бармалей.

- Дело в том, что классическое «Азу по-татарски» готовится в двух посудинах, - объяснил напарник. - Чаще всего это казан и сковорода. В первом мясо обжаривается и тушится. Во второй жарят овощи в растительном масле, причём каждые отдельно и до полуготовности. И по очередность все складывается в казан с мясом, такое приготовление не даст блюду быть излишне жирным да и вкусы каждого составляющего сохраняются.

- Ты что, еще и поварить умеешь?

- Конечно. Мужчина должен уметь готовить.

Профессор открывался Бармалеенко с другой стороны. Уже не как хитрый мошенник, знающий жизнь, но и как интересный собеседник и личность более высокого ранга, чем сам Бармалей. Он это не понимал, но чувствовал. К тому же Бармалей впервые встал из-за стола не пьяный с раздутым животом, а слегка выпивший (и добавит не хочется), сытый и довольный. Он даже кофе отхлебнул, чтоб запить ромовую бабу (которой оказался Московский кекс) и ничего, не так уж и горько оказалось.

В общем, Гоша даже передумал хитрить с Профессором и выдавать ему бриллианты по частям, чтоб не обманул.

Они зашли в купе, где народу не прибавилось. Гоша просто не знал, что Профессор выкупил все купе, чтоб не рисковать с соседями, могущими напоить напарника. А пьяный Бармалей... это пьяный Бармалей.

И вот еще что удивляло Георгия. Выпили всего ничего, а больше не хочется. Хотя вот и пиво стоит на столе, принесли с собой. А не хочется не пить, не бродить (как он всегда поступал после выпивки) в поисках приключений.

- Толкнем брюлики, - сказал засыпающему Бармалею Профессор, - баб снимем. Нахаримся досыта...

[1] Скупщика краденного

[2] Поддерживать

В наш подлый век неверен друг любой.
Держись подальше от толпы людской.
Тот, на кого ты в жизни положился, —
Всмотришься-ка лучше, — враг перед тобой.
Омар Хайям

Несмотря на удачно завершённую операцию меня томила тоска. Чувство гадливости, направленное на самого себя – эта страшно утомляет. Гоша – бандит, но для меня он уже не бандит, а неуклюжий мужик с глазами доверчивого ребенка. Он считал меня другом... напрасно. Как там у старика Хайяма:

Вчера, желанный друг, кто мне принес тебя?
В мой одинокий круг — кто мне принес тебя?
Несчастный без тебя пылал в огне, но свежим
Пахнуло ветром вдруг!.. Кто мне принес тебя?
Старинной дружбы храм раздором осквернен.
Я другу доверял. Сегодня предал он.
Осталось только встать, покинуть это место...
Нет, не помню, что дальше.

Скверно все это. Скверно, что поверил в благородство начальников 1961 года, что полез в эту долбанную Москву, где интриги, предательства, злоба... Чего, спрашивается, не сиделось в уютной квартирке в Вязьме! Да и для Хрущева я лишь очередной собутыльник, живая игрушка. Заводя такие игрушки для застолий он пытается компенсировать ту унижительную роль, которую исполнял для Сталина лично. Так что агентом влияния мне при Хруще не стать. А организацию сети питомников по Союзу поручают хозяйственникам, а не кинологам, так что и в этой роли мне не проявлять себя. Понятно, что меня просто оттесняют от денежных потоков, брошенных Хрущевым с привычной безалаберностью на собаководство. Но собаки – не кукуруза...

Но наверно читателю интересно, как происходило изъятие ценностей? Спешу разочаровать – банально и без стрельбы. Когда мы вошли в село Немчиновка и собрались заглянуть в сельсовет, чтоб снять комнату, появились в поле зрения оба молодца, не одинаковых с лица. (Подполковник Замятин МВД и майор Майоров КГБ). Оба в партикулярном. Предложили остановиться в дачном комплексе, цены назвали. С понтом, что приняли нас за отдыхающих. Гоша купился, а я только раздраженно поморщился. Разместили и правда в приличном домике с верандой.

Своим возникновением Немчиновка обязана Московско-Брестской железной дороге. В 1870 году был открыт участок Москва-Смоленск. После проведения железной дороги вдоль неё возникают пристанционные посёлки. В 1875 году М. А. Немчинов получает разрешение на строительство платформы на 16-й версте Московско-Брестской железной дороги. При станции возник посёлок.

Место совершенно очаровательное. Через Немчиновку протекает речка Чаченка, на

которой в черте села расположено два пруда. Немчиновка окружена серебряноборским лесным массивом. С севера к Немчиновке примыкает Ромашковский (Рублёвский) лес, в где произрастают редкие виды растений, занесённые в Красную книгу. С юго-запада находится Немчиновский лес и природный рекреационный комплекс «Подушкинский лес».

Немчиновка — историческое дачное место. В разное время в Немчиновке проживали Фёдор Шехтель, Мариэтта Шагинян, Игорь Рейснер. Уроженцы села — Герои Советского Союза Анатолий Иевский и Алексей Чикин,

А теперь отдыхаем мы. В сельпо отоварились тушенкой и портвейном. Кстати, марочным — «Портвейн красный Южнобережный». Производитель — Массандровский винзавод. Аромат плодовый, с классическим послевкусием — шоколад, вишня и немного чернослива.

Ждем ночи. Гоша терзает гитару, которая стояла сироткой на веранде. Точно знает три аккорда. Но голос приятный, чуть хрипловатый. И мелодия угадывается.

Я так тебя люблю! Люблю тебя, как брата.

В объятья страстные о, не зови — молю!

Тебе принадлежать, что в жизни так хотела,

Об этом знаешь ты, как я тебя люблю.

Странная песня. Я, вроде, поэт да и по хазам блатным пошатался, по малинам, но таких слов не знаю.

Я так тебя люблю. Усталая, седая

К тебе пришла о, не гони — молю!

Пусть я преступная, но пред тобой чистая я.

Об этом знаешь ты, как я тебя люблю.

Вечер был томным. Подтянулись отдыхающие с других дач, на песню подтянулись. Оба молодца тут как тут. Подполковник Замятин тоже порадовал нас древним блатным шансоном.

Там, где Ганг стремится в океан, Где так ярок синий небосклон, Где крадется тигр среди лиан И по джунглям бродит дикий слон, Где судьба гнетет великан-народ, Там, порой, звучит один напев, То поет индус, скрывая гнев: Край велик, Пенджаб! Там жесток раджа, Там, порой, его приказ Кровь и смерть несет тотчас, Для жены своей, для пустых затей Весь свой народ магараджа гнетет. Лесть придворных сделалась гнусна И тоска властителя томит. — Эй, позвать ко мне сюда раба, Пусть хоть он меня развеселит! Бледный раб предстал И раджа сказал: — Все вы мне верны, слышал не раз! Что ж, тогда исполни мой приказ: Край велик, Пенджаб! Так велит раджа: Ту, что любишь всех сильнее, Для меня ее убей. Так уж я сказал, так я приказал, Слово — закон, или будешь ты казнен! Ждет три дня, три ночи весь Пенджаб, Ждет властитель, опершись на трон... Вдруг к нему подходит бледный раб, Чью-то голову бросает он.

И глядит раджа на нее дрожа,

В ней черты знакомы и нежны...

Он узнал... лицо своей жены.

Край велик, Пенджаб! Ты жесток, раджа.

Ту, кого сильнее любил,

Для тебя, раджа, убил.

Так уж ты сказал,

Так ты приказал.

Верность слепа, прими же дар раба...

На первый взгляд песня отдает мелодраматическим примитивом, сентиментальным раешником, да еще с привкусом социальной демагогии, но ведь в ней есть эмоциональный заряд: недаром милиционер ее пел с подлинным чувством. А я по причине грусти нашел в тексте не только слезливую сентиментальность, но и следы философской проблемы Господина и Раба по Гегелю[1].

Грусть возникла от тайного переговора с сопровождением. Я настаивал на том, что просто возьму все ценности и пропаду их якобы продавать. А Бармалея оставлю обманутым, но свободным.

Комитетчик Майоров настаивал на другом варианте. Проследить и взять на месте захоронки.

- А если он в разных местах закопал, - спорил я. – А если он не любит хранить яйца в одной корзине. – И даже добавил для убедительности: - Don't put all your eggs in one basket. – Но понял меня, вроде, только комитетчик.

- Мы не можем рисковать! – твердил подполковник Замятин. – Там ценностей на несколько миллионов, сам Никита Сергеевич под контролем держит операцию.

Но тем временем вечер плавно перетек в ночь, гости раззевались и я выпроводил гостей.

- Ну что, Георгий, - сказал, - подождем часик, да и на охоту.

- Ага, - сказал он вяло. – Пойдем на кладбище.

- Почему на кладбище? – удивился я.

- Так я там брюлики затырил, на бабаниной могилке.

Хорошо весенней ночью на сельском кладбище. Главное, все спокойно и пахнет приятно – свежестью

Только Бармалей, припавший на миг к неогороженной могиле с простым и темным от старости крестом, вдруг взвыл раненым вепрем – утробно и глухо. Начал рыть, сминая просевший холмик, вырвал крест и сел на слежавшуюся землю.

- Все, нету-ти. Кто-то скрысячил!

Я знал, кто скрысил, но промолчал. Эта майорская крыска гебешную подслушку где-то заныкала в избе. Скорей всего еще до нашего заселения. Впрочем, что зря пену пускать – задание выполнено. Можно возвращаться на работу, получить зарплату за несколько месяцев, премиальные. И наконец определиться – чем я должен заниматься в МУРе. Если так и будут совать подставным, то я лучше рапорт подам и построю свою новую жизнь более самостоятельно.

И тут на меня бросился Бармалеенко, размахивая обломком креста. В полной луне его фигура выглядела апокалиптически.

[1] Смотрите Г. В. - Ф. Гегель «Феноменология духа»

*неловкий взгляд прощальной встречи,
навек растворились лица.
все говорят, что время лечит, —
никто не знает, где больница.*

© Кисычев

Как бы там не было, но я готов подать рапорт на увольнение. И даже не из-за неприятного осадка после выполнения задания, а по сути возможного будущего. Не мое все это! И карьерный рост мне не нужен, да и с преступностью бороться не хочу. А кинологию у меня нагло отобрали, какие-то генералы или полковники делят там крупные суммы, выделенные азартным Хрущев на это, а я пролетел, как фанера над Парижем. Ну и ху сим!

Даже получка за два с лишним месяца и премия в размере оклада немного порадовали, 447 рублей получилось после вычета налога на бездетность. Хорошие деньги в 1961 году!

А оба молодца, не одинаковых с лица, которые бросили меня наедине с взбешенным Бармалеем, встретили в МУРе как ни в чем не бывало.

- Мы, - говорят, - не сомневались, что ты справишься, а сами поспешили сдать ценности в Гохран да и доложить Хрущеву о выполнении задания. Тебя не забыли, награда последует.

А я едва убежал от этого ненормального. И в избу он уже более спокойным заявился. То, что я мог уехать, но не уехал, почти убедило Гошу в моей невиновности. А то, что я почти все деньги присланные на оперативные нужды, ему отдал, себе оставил только на автобус до Москвы, окончательно успокоило.

- Как пришло на халяву, так и ушло, - сказал он равнодушно. Ничего, к корешам поеду в Одессу, как раз денег на билет хватит и покушать. Спасибо тебе, Профессор!

Ну вот. Пришел я в МУР, а дежурный говорит:

- Иди в кассу, там получи деньги с премиальными, а потом тебе три дня отдыха положено. Место в гостинице за тобой забронировано, начальник сказал, чтоб отдыхал, приводил себя в порядок.

Что ж, гостиница так гостиница, да и время на подумать появилось. Пошел пешком, весна. Хорошо в старой советской Москве – воздух чистый, машин мало. Регулировщик на Манежной площади стоит...

Розовые лица.

Револьвер жёлт.

Моя милиция,

меня бережёт.

Жезлом правит,

чтоб вправо шёл.

Пойду направо,

очень хорошо...[1]

И продолжение народ придумал: "Моя милиция меня бережёт: сперва посадит, потом стережёт». А в школе мы переделывали вот так:

Бьёт дубинкой,

чтоб обратно

шёл.

Пойду обратно.

Очень хорошо.

Манежная кажется незавершенной без памятника Жукову и фонтанов. Да и скульптур Церетели, слава Господу, еще нет. А вот регулировщик в сапожках, белом кители и белых перчатках хорош! Голенища гармошкой, стоит на специальном дощатом круге...

Но так то я к гостинице с тыла подошел, с фасада. Надо обходить. Ну, это не слишком долго. Благо, ноги без артрита ступают бодро, несут новое туловище как им и положено, без качки. Сердце стучит ровно, легкие сдуваются и раздуваются без напряжения – нет повода для грусти. А хочешь быть свободным, так запишись в писатели. Тем более поэтическая жилка наличествует. Да и сюжет успешных в этом времени произведений известен, так что перспективы есть. В конце концов человек, после своей смерти давший мне новое тело, вполне советской биографией обременен. Профессиональный военный, попавший под Хрущевское сокращение, проявил себя и на оперативной работе в МВД. Кандидат в КПСС. С такой биографией хоть на завод – в цех, хоть в вуз – повышать грамотность, хоть в писатели... В «Юности» сейчас основатель его Валентин Катаев или либеральный Борис Полевой. А в «Новом мире» друг Хрущева Твардовский. как раз, наверное, восхищается Солженицыным, его «Иваном Денисовичем» - лагерным мужичком, что по жизни не рыба – не мясо, а так, рядом с опущенными. Хотя сам Солженицын отсиживался в «шаражках» и к настоящим лагерям имеет косвенное отношение[2].

Ну а мне про лагерную жизнь рассказывать – как за чаем внукам свою молодость описывать. Даже в фантастике могу себя проявить...

Все эти рассуждения привели к тому, что я, сделав несколько кругов вокруг гостиницы, направился прямо в редакцию «Юности».

Ну как направился? Сперва купил в киоске сам журнал и уселся его изучать в ближайшем кафе-мороженом, попивая вкусный чай с пирожными.

Сперва, естественно, ознакомился с содержанием:

«Страниц: 112

Описание: На 1-й и 4-й стр. обложки фрагменты работы Н. Воронкова из серии «Жилищное строительство»; внутренние иллюстрации Г. Калиновского, Б. Тальберга, Е. Бачурина, Е. Медведева, Л. Мильчина, Ю. Вечерского, Ю. Цишевского, В. Грибко, В. Чижикова, К. Борисова, И. Оффенгендена; репродукции картин Н. Ярошенко, В. Сурикова В. Перова, И. Крамского, И. Репина, В. Маковского

Содержание:

Анатолий Чусляев. Большой разговор в Кремле (статья), стр. 2-3

Элегий Ставский. Всё только начинается (окончание повести, иллюстрации Г. Калиновского), стр. 4-

Борис Шаховский. Встреча со Сталинградом (стихотворение, иллюстрации Б. Тальберга), стр. 28-29

Роберт Рождественский. Реквием (поэма), стр. 30-35

Д. Кабалевский. О «Реквиеме» (статья), стр. 35-36

Ю. Буряковский. «Личный представитель» (рассказ, иллюстрации Е. Бачурина), стр.

- Владимир Амлинский. Музыка на вокзале (рассказ, иллюстрации Е. Медведева), стр. 40-47
- Инна Варламова. Прогулка в лесу (рассказ, иллюстрации Л. Мильчина), стр. 48-51
- Лев Смирнов. Баллада о солдате (стихотворение), стр. 52
- Лев Смирнов. Со двора (стихотворение), стр. 52
- Лев Смирнов. Беглец (стихотворение), стр. 52
- Леонид Волынский. Лицо времени. Книга о русских художниках (продолжение репродукции картин Н. Ярошенко, В. Сурикова, В. Перова, И. Крамского, И. Репина, В. Маковского), стр. 53-68
- Заметки критика
- А. Гурвич. Человек учится жить (рецензия, рисунки Ю. Вечерского), стр. 69-74
- Николай Масолов. Тайна Зои Кругловой (Быль военных лет), стр. 75-82
- Так мы живём. Невыдуманные рассказы
1. А. Кряжевский. Победа (рассказ, иллюстрации Е. Бачурина), стр. 83-85
  2. Х. Апсалямов. В овраге (рассказ, иллюстрации Е. Бачурина), стр. 85-87
  3. Н. Ангарская. Надька (рассказ, иллюстрации Е. Бачурина), стр. 87-89
- Ю. Цишевский. У берегов Северной Африки (путевые зарисовки, рисунки Ю. Цишевского), стр. 90-92
- Наука и техника
- Глеб Анфилов. В предверии биовека (статья, рисунки В. Грибко), стр. 93-96
- Заметки и корреспонденции
- М. Сланская. Друзья книги (очерк), стр. 97-98
- Подвиг Оли Скопцовой (очерк), стр. 99
- М. Черненко. Школа будущего (очерк), стр. 99-100
- Зарубежные встречи
- Ф. Александрова. Молодая Италия борется (очерк, рисунки И. Гричера), стр. 101-104
- Спорт
- В. Фролов. Размышления о хоккейной славе (статья), стр. 105-108
- «Пылесос» (Страницы сатиры и юмора)
- Вл. Масс, Мих. Червинский. Нет повести печальней... (стихотворение, рисунок В. Чижикова), стр. 109-110
- З. Обуховской. «Самбисты» (микрорассказ, рисунок К. Борисова), стр. 110
- Р. Киреев. Бог и ракеты (стихотворение), стр. 111
- Мысли вслух, стр. 111
- В. Князев, В. Шикунев. «Кому хоровод, а кому товарооборот!» (фельетон, рисунки И. Оффенгендена), стр. 112

Лев Смирнов... помню его стихи еще по прошлой жизни. Особенно врезалось небольшое: «Баллада о солдате

Встал солдат, как штык прямой,
 На пороге...
 Он с войны принёс домой
 Руки-ноги.

На подошвах у него
Грязь да глина
Из-под самого того
Разберлина.
Он устал... Ему бы лечь
В этом разе!
Он мешок солдатский с плеч
Скинул наземь.
На виске его седом
Бьётся жилка,
На плече его крутом
Бьётся жинка.
Первачи вокруг стоят
Лучших марок...»

Вроде даже песня была такая на его слова:
«Эх, закончилась война
Мировая,
Жизнь пойдёт теперь, жена,
Мировая!»

Да я, если вдуматься, и Льва Васильевича помню, слушал его по ю-тубу. Хорошо пожил человек, был успешен и как поэт, и как поэт-песенник, и как юрист. Скончался на 93-м году жизни, не смог побороть ковид.

(Вот он читает это стихотворение в гостях у Л. Смирнова. Запись 24 октября 2017 г. - <https://youtu.be/M1r8KMc9rbs>)

- Вы еще что-нибудь заказывать будете? – оторвал меня от размышлений женский голос.

Я взглянул на стол, потом на часы. Все съедены, выпито – больше часа балдею в прошлой жизни. Мощный толчок получил от журнала, явно читанного мной раньше. Но я, собственно, журнал купил, чтоб адрес посмотреть и коллектив редакционный, уяснить к кому обращаться. Хотя я даже с чем обращаться не определился, надо же хоть стишок какой принести или рассказ... Ладно, три дня отпуска имеется – разберусь.

[1] Владимир Маяковский, "Хорошо! Октябрьская поэма"

[2] В августе был направлен в лагерь Новый Иерусалим, 9 сентября 1945 года переведён в лагерь в Москве, заключённые которого занимались строительством жилых домов на Калужской заставе (сейчас — площадь Гагарина).

В июне 1946 года переведён в систему спецтюрем 4-го спецотдела МВД, в сентябре направлен в закрытое конструкторское бюро («шарашку») при авиамоторном заводе в Рыбинске, через пять месяцев, в феврале 1947 года, — на «шарашку» в Загорск, 9 июля 1947 года — в аналогичное заведение в Марфине (на северной окраине Москвы). Там он работал по специальности — математиком.

В Марфине Солженицын начал работу над автобиографической поэмой «Дороженька» и повестью «Люби революцию», которая задумывалась как прозаическое продолжение «Дороженьки»

*По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.
Путешествие в обратном
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мутить...
Геннадий Шпаликов*

Вечер в гостинице наступает быстро. Тем более, что номер мне нынче сняли не такой роскошный, как в первый раз. Ну, так тогда им от меня было нужно, а нынче я свои задачи выполнил. Подробное описание возможных использований собак разных пород, суть и техническое обеспечение собачьих питомников, возрождение науки о запахах – одорологии... Я много там чего написал. Да и бриллианты представил на блюдечке с голубой каемочкой.

Так что номер скромный. Вместо телевизора – радиоприемник с длинными и короткими волнами настройки, кровать явно одноместная, в туалете всего лишь душ. Да и мебель пожиже: кресло, стул и круглый столик у окна. Зато из окна вид! Вид на закатную Москву. Покуролесил я в ней в прошлой жизни, покуролесил! *Вот, покуролесивши так с неделю, выходит он однажды ночью, и прямо в дом к тестю, а в руках у него по пистолету...* Откуда цитата? А я помню: *Салтыков-Щедрин М. Е., Губернские очерки, 1857.*

А закажу-ка я себе ужин в номер. А чё, деньги есть. Галкина в будущем номере журнала «Юность» на вопрос «Что делать, если нельзя, но очень хочется?» «Дорогой друг! Если нельзя, но очень хочется, то – можно». Но это позже, при Полевом.

Звоню по внутреннему телефону, сообщаю о своем намерении поужинать в одиночестве. Через несколько минут появляется халдей. Что это я – не халдей, а скромный советский официант в манишке под черным фраком и во всем черном: туфли, носки, брюки и бабочка. В руках два меню, одно винное. Так сказать парень исполняет и должность сомелье[1] по совместительству. Откуда знаю? В прошлой жизни работал одно время в Ялте на этой должности, делал рекламу крымским винам. О том, что в конце этого биографического этапа продал погреб коллекционных вин заезжему американцу, умолчу. Потом несколько лет не решался в Крым приезжать.

Но что же выбрать из богатого меню? Оливье брать не буду, жирный – спать будет тревожно. Возьму-ка я осетрины на вертеле, пиалу царской ухи с сухариками да алма-тинских яблок на десерт, благо зубы пока не шатаются, да и желудок у нового тела вполне мужественный, на перловке армейской натренированный.

-А из выпивки? – спрашивает халдей.

Что пьет на ночь уважающий себя афери... тьфу – милиционер? А пьет он на ночь кагор. И вкусный, и по мозгам не бьет.

Только не тот кагор, что производят в СССР, не то крепленное десертное вино темно-красного цвета, которое производится в любой стране методом тепловой обработки. Нет, вечером надо пить кагор или, правильнее, каор из Франции - красное сухое вино, которое производится в окрестностях Каора в долине реки Ло. Когда своего вина в России еще не производили, эту алкогольную продукцию импортировали. Священный Синод признал кагор в единственным вином, которое можно использовать для церковных нужд.

Даже уважаемый мной Петр I, страдавший от заболевания желудка, стал пить каор по настоянию врачей. Еще одна причина того, почему в храмах России стали использовать для служения этот сорт напитка: вино разбавлялось водой, но даже после этого напиток сохранял своей насыщенный вкус, аромат, цвет – настольно он был густым, экстрактивным.

- Что, нет каора? Есть Бордо. Какое? Мерло? Пойдет, несите бутылку.

Ожидаю тележку с расторопным служащим и думаю о том, что у богатого человека и в СССР есть возможность жить, как я привык в прошлой жизни – ни в чем себе не отказывая. Да, я - сибарит! Люблю вкусно поесть, мягко поспать. Но в целом я скромн, особых запросов не имею. Не нужны мне яхты или замки, мне вполне хватит трехкомнатной квартиры и хорошей машины. Только квартира пусть будет Сталинской постройки, а авто немецкого производства.

Огромное окно возможностей. Даже в СССР, не говоря уж о покупке акций технологических гигантов, таких как Microsoft, Amazon и Apple. Например, «изобрести» банальные костыли из металла – локтевые. Аппарат Елизарова подсказать (если он еще не существует) хорошему хирургу. Чайник с кофейником сделать по принципам двадцать первого века. Но в СССР копейки заплатят за изобретения, а возиться с патентами, время тратить – только в убыток.

Тем ни менее попробую себя в писательстве. Они в СССР живут по местным меркам роскошно. Да и комфортно мне в их среде, как было комфортно в среде журналистов, когда я еще пытался жить честно...

Но тут в дверь постучали и тележка, крытая белыми салфетками, въехала в номер. И я, еще род впечатлением тюремной баланды, на полчаса забыл о реальности. Ну так вкусно же!

Утром я принял душ и голышом подошел к окну. Красива Москва, но видал и покрасивше. Прага, Стамбул, Рим, Флоренция... Мирный мир очень красив и безобразен, повидал. А вот не растерять впустую новую возможность в новом и здоровом теле... Надо постараться!

Взял журнал, изучил последнюю страницу:

Адрес редакции: Москва. Г-69 БЛ- Воровского 52.

Телефон: Д 5-1783Ру1101111с11 не возвращаются.

А 00126. Подписано 1: 110111111 24 I--1010 г. Тираж 100 000 1-1113.

Над. Мг 241. Заказ N; 3032.(I)(р:.1а1 ' бумаги 84X10811ь. 133 м. :1. 8,-3.1.

Псч..1.1.'3,53.

Ничего себе – тираж аж 100000. Гигантская цифра для журнала в будущем. Так это еще при Катаеве, а вскоре Борис Полевой придет, фронтовик. Все нормальные люди моей эпохи читали его «Повесть о настоящем человеке»! И тираж в восьмидесятые достигнет трех с лишним миллионов, 3 100 200. И будет раскупаться мгновенно.

Еще с вечера я набросал свои черновые предложения редакции.

Конечно рассказ, даже – этюд про Последнего Волка.

Где-то так начать:

Он подошел к шелестящим на морозном ветру флажкам, понюхал их, тяжело втягивая худые бока. Флажки были обыкновенные, красные. Материя на ветру задубела и пахла не очень противно: человек почти не чувствовался. Он пригнул остроухую морду и пролез под заграждение. Флажок жестко погладил его по заиндевевшей шерсти. Он передернулся брезгливо и рысцой потрусил в лес, в бесконечно знакомое ему пространство.

Лес глухо жужжал, стряхивая лежалые наишлепки снега с синеватых лап. Тропа пахла зайцами и лисой. Все наскучило. Где-то подо льдом билась вода. Он присел около сугроба, приоткрыл седую пасть и завыл жутко и протяжно, сжимая худые бока. Ребра туго обтягивались шкурой, и казалось, что кости постукивают внутри. Он лег, перестал выть, прикрыл тусклые глаза, проскулил по-щенячьи. Мягкими иголочками взметалось в снегу дыхание. Мохнатая ветка над головой закачалась укоризненно, стряхнула пухлый налет снега. Тогда он встал и, тяжело ступая, ушел куда-то, не озираясь и не прислушиваясь.

И закончить трагически:

Мужественный человек заверещал по-заячьи и, как его пес? упал в снег. Тогда волк остановился. Остановился, посмотрел на человека, закрывшего голову руками, на пса поодаль, сделал движение к черной железине пистолета - понюхать, но передумал. Повернулся и пошел в лес, устало, тяжело. Он снова был худым, и снова гремел его скелет под пепельной шкурой.

Он шел медленно, очень медленно, и человек успел очнуться, успел притянуть к лицу пистолет, успел выстрелить, не вставая. Он был человек и поэтому он выстрелил.

Ну еще стихотворение, чтоб до костей пробрало – на грани фола. Свое прошлое о том, как пропаганда исказила образ Ленина.

Вода живая – выдумка и сказка,

Мозг заспиртованный никто не возродит...

Заходишь в это здание с опаской,

Там мумия великая лежит.

И подступает к горлу горьким комом

Величие печальное его...

Что-то в этом роде. Не опубликуют, конечно, но заинтересуются.

А для публикации что-нибудь простенькое, душевное. Вот это, например:

Стою на берегу залива

и сам себя понять боюсь.

Рыбачьи лодочки тоскливо

мою вычерпывают грусть...

И предложить объемное произведение. Главное, чтоб в план поставили, а я напишу к сроку. А пока – синопсис: «Сознание бывшего уголовника после смерти попадает в тело погибшего при ограблении демобилизованного военного, капитана. И он, восстановив память, идет работать в милицию...». Где-то так. И название: "Криминальная история бывшего мертвеца"

Ну, пора собираться. Интересно, кто будет дежурным в редакции, кто меня встретит?

[1] Сомелье́ (фр. *sommelier*, [sɔ̃mɛljɛ]), или виночёрпий (устар., не используется)

Ветер милый и вольный,
Прилетевший с луны,
Хлещет дерзко и больно
По щекам тишины.

И, вступая на кручи,
Молодая заря
Кормит жадные тучи
Ячменем янтаря.

В этот час я родился,
В этот час и умру,
И зато мне не снился
Путь, ведущий к добру...

Николай Гумилёв

В 1961 году «Юность» лишилась своего главреда — создателя журнала Валентина Катаева. Принято считать, что его сняли с должности из-за публикации романа Аксенова «Звездный билет», который вызвал широкий общественный резонанс. Из-за особенностей стилистики (Аксенов вложил в уста персонажей много жаргона) произведение называли похабным, а самих героев нарекли диссидентами. Одной их претензий, которую предъявили героям романа, было то, что «комсомол для них даже не существует». Журнал «Литература и жизнь» со своих страниц обвинил редакцию «Юности» в том, что та «мало поработала с Аксеновым».

Но я еще успел, встретился и с Катаевым, и с дежурным по редакции Евгением Евтушенко.

В прошлой жизни я был с ним знаком, ибо один срок отбывал в Иркутской ИТК (Исправительно-Трудовой Колонии), а Евгений там читал свои стихи. Я после концерта подошел к нему, попросил отзыв на пару своих стихов. В частности, про Ленина и про зеков: «Сижу на нарах, Лампа светит. Святая лампа Ильича... Еще тюрьмы три года светит...»

Ну что, Женя парень компанейский. Стихи похвалил, посоветовал после освобождения к нему наведаться. Вот я и наведался... в другой реальности и в другой оболочке.

В шестидесятые годы в «Юности», как я выяснил (не поленился сперва заглянуть в библиотеку), были опубликованы: «Братская ГЭС» Евгения Евтушенко, «А зори здесь тихие» Бориса Васильева, «Отель “У Погибшего Альпиниста”» братьев Стругацких и другие знаковые для эпохи тексты. Так что на благожелательный прием с новой по форме прозой

Очень скоро в «Юности» появится юмористический отдел, и журнал включится в то, что Петр Вайль и Александр Генис называют «смеховым переворотом» шестидесятых — впервые после долгого перерыва стал приветствоваться смех без причины, смех ради смеха. Ну просто потому, что настроение хорошее.

А вот тема попаданчества в СССР мало исследована. И, надеюсь, будет бешен

популярна. Сужу так не потому, что жил в эпоху сплошного попаданчества 16044 было книг. Грешен, читал. А по успеху уже имеющихся в этом времени книг. Хэнк Морган из романа Марка Твена «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса (1950), где целая семья Пэвенси переносится в мир, населённый сказочными существами.

Добавлю, что самый известный герой из прошлого получился у Лазаря Лагина — Старик Хоттабыч из повести-сказки «Старик Хоттабыч», и в её одноимённой экранизации 1956 года. А в 1966 году выйдет роман Лагина «Голубой человек», где советский студент Юрий Антошин ментально переносится в Россию 1894 года, в тело молодого рабочего Егора Антошина. Ещё на подходе «Попытка к бегству» — фантастическая повесть советских писателей Аркадия и Бориса Стругацких. Последний высказывался, что именно с неё стоит начинать знакомство с их творчеством "опытному" читателю...

Так что (опять надеюсь) "Криминальная история бывшего мертвеца" будет принята благосклонно.

***

Появление в редакции перед обедом странного милиционера было заметным. Ибо пришел он не только перед обедом, но и с таким количеством вкусняшек, что на обед никто и не пошел. Кроме занудного зав.отдела писем, который сослался на язву и диету, за стол сели все. Включая Евгения Евтушенко, который как раз хвастался публикацией своих стихов в библиотечки «Огонька». (Книжки «Библиотека «Огонек» выходили с 1925 по 1991 год раз в неделю и продавались отдельно от журнала, их выпуск не прерывался даже во время войны). Ещё бы не радоваться – гонорары в Издательстве «Правда» покруче, чем в «Юности»!

Девочки строгали буженину и колбасу, Андрюша Вознесенский уделил внимание нежному балыку семги, а Женя открывал бутылки. Армянский коньяк «Двин» вызвал восторг. Армянский коньяк «Двин» действительно особый напиток. Он относится к напиткам, в которых градусная составляющая выше обычной. А началось все с экспедиции полярников в 1937 году. Путешественников снаряжали всем Союзом, Армянская ССР в числе прочих снарядила исследователей севера коньяком. То ли в шутку, то ли в серьез, полярники прислали фото с бочкой коньяка, под которой написали: за полярным кругом настолько холодно, что 40° напиток их не согревает. Виноделы СССР превзошли сами себя, колдуя над «Двином». Несмотря на крепость напитка в 50°, он был достаточно мягок, сочетал приятный вкус и аромат[1].

Сели за стол.

- Чем же, позвольте спросить, - спросил Вознесенский, - мы заслужили столь дорогого и неожиданного угощения? Неужели в милиции повысили оклады?

- Да нет, - ответил капитан Овчаренко. – Просто я в Москве недавно, знакомых мало. А тут неожиданно премию получил. С кем её пропить? Конечно с коллективом любимого журнала. Я и сам немного пишу, так что вы все хоть и косвенно, но коллеги.

- Ну, ежели так, - сказал Женя, - то вместо тоста прочти свое стихотворение. То, что покороче.

Гость слегка задумался и хорошо поставленным баритоном прочитал:

Вновь меня в дорогу рок мой гонит,
Надоел и сам себе и всем,
Унесут растерянные кони
Панцирь мой, мой меч кинжал и шлем.
Без доспехов, со стихом и скрипкой
В мир пойду под рубищем шута,
С навсегда приклеенной улыбкой
На обрывке старого холста.

Стихи оказались неожиданно зрелыми. Непривычными для советской поэзии, даже какими-то старорежимными. Но в них была пыль дальних дорог, в них были рыцари, опоясанные мечами, в них были бродячие музыканты.

- Здорово! сказала редактор отдела писем Елена Дмитриевна, мне нравится. Потом обсудим ваше творчество, вы ведь принесли нам что-нибудь?

- Ну да, - ответил капитан. – Принес немного. Но потом, очень вкусно пахнет. Пахло действительно офигенно.

Выпили коньяк. Для тех, кто пил его впервые, вкус оказался приятным. Очень насыщенный, с примесью чернослива, шоколада и ванили.

Коньяк «Двин» выпускался недолго и в небольших количествах. Он считался элитным, коллекционным напитком, не предусмотренным для широких масс, и достать его даже в Москве было трудно. Так что редакционный коллектив пил и ел с удовольствием.

Потом был чай и неожиданный гость извлек откуда-то настоящий шоколадный набор. С оленем, бегущим по коробке. С непременно ромовыми конфетами в составе остальных.

***

Люди этого поколения очень любили эпиграф поэмы Евтушенко Братская ГЭС:
«Ах ты, сука-романтика, ах ты Братская ГЭС,
Я приехала с бантиком, а уехала - без».

Это как раз строчки из Петра Пиницы, из его поэмы Брезентоград. Тем более, что Пиница и сам работал на строительстве Братской ГЭС и брезентовские армейские палатки, в которых жили рабочие, для него не аллегория.

Ой ты, град – Брезентоград.
Если молод – жить в нём рад!
Чемодан – и стол, и стул,
Кружка – вся посуда...
Ветерок бельишко сдул..

СССР недооценил поэта Петра Пиницы. Вот он и грустил, и пил горькую. Я встречаю его в молодежной газете Иркутска, где некоторые стихи его публиковались, Те, кто были не слишком вызывающими.

*Неужто так и дальше жить –
Среди чиновных повелений,
Свой ум от мыслей сторожить
И ждать удачных изменений?*

Воскликнул он, подвыпив.

И умер рано.

Чего мне это вспомнилось, сам не знаю. В этой реальности еще и не написаны ни поэма, ни «Брезентоград».

Да, первый гидроагрегат станции еще не пущен, иначе о пуске бы трубили во всех СМИ. Когда пустят последний – помню: в 1966 году. Вот так-то по прошлому/будущему ничего в деталях не помню, а этот факт почему-то помню. Ну, по сравнению путешествия моего сознания в прошлое, это в принципе и не важно. Не помню, значит тому, кто совершил этот перенос, не нужно было, чтоб я помнил.

Даже когда Чикатило творил свои изуверские преступления, не помню. Но собираюсь выяснить. Надо вообще перечитать прессу за прошлый год, понять чем живет страна, что вокруг творится, что людей тревожит, волнует. Но память почти восстановилась, а все, что происходит в новой жизни помню дословно.

В редакции остались довольны моим визитом. И не только потому, что премией поделился, вкусно накормил – напоил, а по сути. И суть такова, что капитан МУРа, пишущий зрелые стихи и прозу, не столь частое явление в этой реальности.

Синописис тоже взяли, обещали обсудить на редколлегии. А стихи про Ленина я так и не решился предложить. Ленин для них пока еще очень ценен и обсуждать его неэтично. Вознесенский написал: «Уберите Ленина с денег»: Я не знаю, как это сделать,

Но, товарищи из ЦК,
уберите Ленина с денег,
так цена его высока!

Понимаю, что деньги – мера
человеческого труда.

Но, товарищи, сколько мерзкого
прилипает к ним иногда...

Ну так это совершенно лакейское, заказное. А мой стих кончался словами:

«...растерзан он
партийной жадной ордой
и хорошо, что чуть несет душком.
А то, что называется свободой,
лежит в спирту,
в том здании,
с вождем!»

Странно тогда выглядела русская поэзия. Анной Ахматовой (Горенко) дела не поправишь. К тому же мужа ее большевики расстреляли, а сына посадили. Да и писала она не то, что им было надо. А второго Есенина, увы, не было. То есть был Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, но писал он такое...[2]

Андрюша Вознесенский был сыном многократно проверенного директора Гидропроекта, а также Института водных проблем АН СССР. С 28 лет Андрей начал ежегодно выезжать в западные страны. Надеюсь, не надо пояснять отношение к нему КГБ.

Роберт Иванович Рождественский в свою очередь был сыном сотрудника ОГПУ-НКВД

поляка Станислава Петкевича.

Евгений Гангнус, которому мать поменяла фамилию на Евтушенко, по их анкете был полунемцем, а где-то и украинцем, но уж точно не евреем. Род Гангнусов ведет свою родословную с XVII века. Будучи в Германии и Австрии, Евтушенко встречался со своими немецкими родственниками[3].

Так что не считал я возможным прочитать стихи про Ленина. Ограничился лирикой. Приняли антиклерикальное:

Каким вы служите богам?
О, как убога служба богу,
Чтоб снять о будущем тревогу,
И тупо верить чудесам...
Каким вы служите богам?

Каким вы служите богам?
Вместо того, чтоб человеку
Служить разумности от веку,
Который в вечности нам дан...
Каким вы служите богам?

Ну и так далее. Выкопал из памяти, прочел, заставили написать. Присел к машинке, быстренько напечатал. Пишущая машинка Эрика - чудесная работа немецких товарищей.

В рассказе «Волк» сочли необходимым удалить «милиционера», заменив его «охотником».

«Он шел медленно, очень медленно, и охотник успел очнуться, успел притянуть к лицу пистолет, успел выстрелить, не вставая. Он был охотник и поэтому он выстрелил».

Часть энергии рассказа поэтому пропала, но я уже понял, что быть в СССР писателем – сплошные компромиссы. А нет – так в отличие от Солженицына многих не высылают, а печат.

В психушках.

[1] Название коньяку дали в честь древней столицы Армении.

[2] Я ещё вчера резвился на полянке,
Засыпая я не думал про тюрьму,
И, однако, я очнулся на Лубянке,
До сих пор не знаю – почему.
Не сказали мне солдаты, в чём причина,
И допрос не состоялся поутру...
Так за что же угрожает мне кончина –
Неужели за пристрастие к перу?..

[3] «Установить с ним дружеские конфиденциальные контакты, ни в коем случае не вербовать его в качестве осведомителя» П. А. Судоплатов «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930—1950 годы».

Каким вы служите богам?
Я псалмы пел прекрасным дамам,
Я ставил памятники мамам,
И познавал себя я сам...
Каким вы служите богам?

Каким вы служите богам?
Чтоб на себя одеть оковы,
И к разуму привесить шоры,
И сбросить разум в общий хлам...
Каким вы служите богам?

Владимир Круковер

Владимир Федорович Чванов и оба молодца, не похожих в звании и ведомстве, встретились в кабинете. Еще там присутствовал неприметный капитан из кадров.

- Ну нет у нас мест по штатному расписанию. Что ж мне, опытного инспектора уголовного розыска увольнять и заменять этим провинциалом, который в нашем деле не разбирается. Он в собаках разбирается, вот и пошлите его в УВД, там как раз кинологическую службу организуют. Есть вакансии в Управление «А» (агентурное управление), так у него тоже опыта нет, надо учить. Вот, в Четвертом управление (управление по раскрытию преступлений, совершенных несовершеннолетними) есть место. Но согласится ли он с малолетками возиться?

- А с жильем что? – спросил Чванов.

Ему было неловко. Демобилизованный старлей, так приветливо встреченный его начальниками и даже удостоенный брудершафту с Хрущевым, вдруг оказался никому не нужен. А просто отправить его в Вязьму после выполнения такого сложного оперативного задания по поиску бриллиантов было неприлично. Но вот беда, сокращения коснулись не только армии, но и милиции. Еще бы, Никита Сергеевич четко сказал, что следующее поколение будет жить при коммунизме. А в коммунистическом обществе не нужны раздутые армейские подразделения. Да и воров с убийцами в таком обществе не бывает, тогда зачем милиция!

Кураторы - подполковник Замятин и майор Майоров молчали, но переглядывались. Чванов вопросительно повернулся к Майорову, но тот замотал головой:

- Нет, для службы у нас надо два года учиться. Да и староват он для учебы, мы обычно после вузов берем и сразу в школу КГБ.

- Ну что ж, - развел руками Чванов, - предложу должность участкового надзирателя... тьфу – участкового уполномоченного. Их у нас все время не хватает. Сразу и с жильем вопрос решится, на участки положена казенная квартирка. Как раз в Красно-Пресненском районе участковый надзиратель, ну в смысле уполномоченный, на пенсию собрался. Он и в курс капитана введет, он же принят со званием на одно выше. А его вскоре и наградят за операцию по внедрению. Так что будет у нас на важном участке серьезный человек, с

боевыми наградами. У него же и по службе что-то есть.

- А как же, - отозвался кадровик. – Есть две медали: «За безупречную службу» и «За боевые заслуги».

***

Остался последний день моего отпуска. День и ночь, а утром – на службу. Маловато после двух с лишним месяцев тюряги. И я до сих пор не принял решение: подавать рапорт об увольнении и удариться в литературный бизнес или совместить оба направления.

Есть такие писатели, про которых знать биографию совершенно необязательно. Какая нам разница, сколько любовниц было у Жюль Верна и был ли он кутилой? А вот про Дюма это знать интересно, это помогает понять, сколь много от себя он внес в Портоса. Пушкина мы, слава богу, начинаем любить в раннем детстве, до получения информации про всяких Керн в стог и ранений в бедро. Мне даже кажется, что разочарование взрослеющего человека в Пушкине идет параллельно с получением информации о его печальной биографии.

А писателей, совмещающих творчество со службой, даже я много знаю. Шикарный фантаст Юрий Брайдер заседал рядом с великим Шекли в жюри конгресса фантастов России – мало кто знает! Кстати, писательская карьера абсолютно не мешала Юрию Михайловичу работать в МВД – он дослужился до звания майора милиции и вышел на пенсию.

– А что выгоднее: быть майором милиции или литератором? – спросили его.

– Мне нравится писать уже хотя бы потому, что никому не подчиняюсь и никем не командую. А что касается денег – судите сами. Дом я построил на милицейскую зарплату, а вот ремонт затеял на писательские гонорары. Чтобы его завершить, нужно писать два романа в год. Я даже журнал специальный веду, в котором ежедневно регистрирую, сколько страниц написал. Это дисциплинирует.

Да, в те годы именно так и было – два романа в год...

Или взять Адамова. В 1952 году он обращается с просьбой к руководству МУРа дать ему возможность изучить работу уголовного розыска и подготовить на основе собранных материалов ряд литературных произведений. Писателю не отказали, хотя никто его книг не читал, да и имени Адамова прежде не слышал. Оперативки, засады, обыски, ночные дежурства, облавы и прочие прелести тяжелой и опасной работы милиции писатель пережил лично...

Леонид Словин — советский, российский и израильский писатель (в будущем, естественно) и сценарист, 20 лет проработавший в советской милиции, в транспортном отделе Павелецкого вокзала. Считается мэтром «железнодорожного детектива».

Братья Аркадий и Георгий Вайнеры — знаменитые советские писатели-детективщики, соавторы множества книг и киносценариев. Георгий Вайнер избрал для себя карьеру журналиста, а Аркадий начинал оперуполномоченным 21-го отделения милиции Москвы, которое находится неподалеку от ВДНХ.

Леонов Николай Иванович, создатель «сыщика Гурова». Работает сейчас в Московском уголовном розыске, где начинал с оперативной работы. Окончил Всесоюзный заочный юридический институт. В 1963 году в звании капитана покинет органы МВД и займется только литературным творчеством. «Трактир на Пятницкой», «Вариант „Омега“»)

«Агония» (экранизация — «Один и без оружия»)... Кто помнит – тот знает.

Да вот, хотя бы мой начальник нынешний. Чванов Владимир Федорович

Полковник милиции, легендарный сотрудник МУРа, автор ряда детективных и документальных книг. Когда же он их напишет? Или уже написал? Да, вроде читал, что он начнет литературой заниматься уже на пенсии. Ну так образ его выведен в романе «Эра милосердия» — детективный роман братьев Вайнеров о борьбе московской милиции.

Вот с такими мыслями я прошел, показав удостоверение, в приемную начальника. Впрочем ждать почти не пришлось. Из кабинета вышли два молодца... сожалеюще взглянули на меня (причем подпол подмигнул) и пригласили меня.

- К сожалению, товарищ капитан, в МУРе сейчас нет свободных должностей именно среди сыщиков. Но мы не хотим лишаться такого опытного военного, вы просто подходите для работы в милиции. Поэтому пока предлагаю поработать участковым инспектором. В самом центре Москвы, рядом с зоопарком. Да и квартира участковому положена. Сейчас там живет старый работник, он выходит на пенсию и уезжает с семьей на дачу. Месяц он будет вас учить, знакомить с участком. Кстати, вот – прочтите, чтоб составить представление о своих обязанностях. Ну, если согласитесь...

Выполняя функцию охраны правопорядка, участковые уполномоченные осуществляют следующие действия:

- поддерживают правопорядок, обеспечивают сохранность государственного и общественного имущества, а также личного имущества и безопасности граждан;

- охраняют социалистическую собственность и борются с уголовной преступностью, выявляют и задерживают лиц, уклоняющихся от воинской службы, и нарушителей правил воинского учета;

- наблюдают за выполнением должностными лицами и отдельными гражданами паспортного режима;

- оказывают содействие должностным лицам при исполнении ими служебных обязанностей, когда отдельные граждане отказываются подчиняться законным требованиям этих должностных лиц;

- наблюдают за осуществлением правил разрешительной системы;

- наблюдают за выполнением обязательных постановлений исполкомов, принимая к нарушителям меры административного воздействия;

- при чрезвычайных ситуациях принимают меры к спасению людей, скота и имущества;

- оказывают помощь лицам, пострадавшим от преступлений и несчастных случаев, а также находящимся в бедственном состоянии;

- наблюдают за содержанием в чистоте и порядке колодцев, водоемов и других объектов общего пользования; докладывают начальнику РО КГБ о начавшихся эпидемиях, обеспечивают реализацию карантинных мероприятий;

- оказывают помощь госавтоинспекторам по надзору за движением транспорта и принимают меры к водителям, нарушившим правила движения, составляют акты о нарушении и оказывают помощь пострадавшим[1].

- Видишь, сказал начальник. – Много работы, а уж компетенция участковых уполномоченных по охране правопорядка на вверенном им участке максимально широка. Не соскучишься. Да и жилье в центре столицы!

- Могу подумать? – спросил я.

- Конечно. Только не долго. Должность вакантная и желанная для многих. Есть сотрудники, которые до сих пор по общежитиям живут с семьями.

«Ты чего кочевряжишься? – сказал внутренний голос. Пока в литературу пробьешься, жить где-то надо. Да и кушать привык каждый день. Опять мошенничать пойдешь, рисковать?..»

- Что тут думать, - сказал я. – Не то, что ожидал. Но раз уж так сложилось, то согласен.

- Вот и хорошо! – обрадовался Чванов. – Мы все рады, что вы с нами остаетесь. Да и за участок я теперь спокоен. Участок сложный, там последнее время щипачи распоясались... Ну об этом потом поговорим. А пока идите в кадры, оформляйтесь и заселяйтесь. А я позвоню Петру Николаевичу предупрежу его, что сменщик подъедет. Вместе пока поживете, семья его уже съехала, на даче обитает.

[1] Понимаю, читать это скучно. НО, сие – реальный текст обзанных участкового того времени.

...Отчего так в России берёзы шумят,
Отчего хорошо так гармошка играет,
Пальцы ветром по кнопочкам в раз пролетят,
А последняя, эх, западает.

А на сердце опять горячо, горячо,
И опять и опять без ответа,
А листочек с берёзки упал на плечо,
Он как я оторвался от веток

Любе и Сергей Безруков.

- А как там наш собачник? – спросил подполковника Замятина Чванов. – Что-то давно о нем в МУРЕ не слышно?
- Так, Владимир Федорович, он теперь по другому ведомству. Но слышал, что выговоры нахватал, скоро могут уволить.
- Это за что? Мне она показался достойным офицером, военная косточка.
- Говорят, помещение какое-то захватил. Молодежь заставляет территорию патрулировать, повязки им, как у эсеров повязал.

Краснопресненская баня находится по адресу: Столярный переулок, дом 7 в Пресненском районе Центрального административного округа города Москвы. Небольшая дверь в подсобное помещение украшена там была совсем не банной вывеской:

*Опорный Пункт Милиции Отдела МВД России по Пресненскому району г. Москвы
Участковый инспектор милиции капитан милиции Савко Петр Николаевич
Приемные дни: вторник и пятница - в зимнее время - 17.00-19.00
- в летнее время - 18.00-20.00*

В 1960 годы произошло определенное смещение акцентов в сфере борьбы с преступностью. Работники органов внутренних дел были ориентированы на устранение причин преступности и предупреждение преступлений использованием прежде всего правоприменительных мер. Важнейшими причинами преступности в это время определялись пьянство, хулиганство, бесконтрольность за антиобщественными элементами. Но введение прежних «бригадмилиц» еще не произошло. Да и участковые имели помещение в районных отделах милиции, а чаще – комнату в домоуправлениях.

Новый участковый сидел за письменным столом и безмятежно напевал песню Безруков из сериала про участкового, до появления на свет которого было еще сорок два года.

А на сердце опять горячо, горячо,
И опять и опять без ответа,
А листочек с берёзки упал,

Он как я оторвался от веток.

Появление в помещении офицеров из МУРа его не смутило. Но встал, кивнул и опять уселся. Был он по гражданке в куртке и брюках, откуда выглядывали ботинки с верхом, явно импортного вида, судя по апельсиновому свету и застежки молнии.

- Вы что творите? - сказал подполковник, - зачем помещение захватили. Если собрали комсомольцев для добровольной помощи, надо было во-первых поставить их на учет в райотделе, во-вторых договорится с комнатой на фабрике.

- Ну знаете ли! Вон, в конце этого переулка ворота в бывший «Московский аэротехнический завод №8». Нынче называется по другому: «Московский машиностроительный завод «Рассвет», но суть не изменилась. Секретное предприятие. А рабочие этого завода и составляют ядро моих добровольных помощников. Мой возрожденный осодмил. Иначе как я один на таком оживленном участке справлюсь? Тут и метростанция серьезная, и зоопарк, да и магазинов полно. Площадь района - 11,2 кв. км. на Пресне - 165 улиц. Тут всего пять участков на 165 улиц.

Овчаренко даже встал и выражал возмущение замечанием подполковника стоя и жестикулируя:

- К ноябрю 1928 года относятся первые официальные сообщения о деятельности ячеек добровольных обществ содействия милиции (осодмил) на Нижнетагильском металлургическом заводе. Осодмильцы дежурили в клубах, боролись с хулиганством, пьянством, самогоноварением. Инициативу тагильцев подхватили в Свердловске, Челябинске и Перми, в течение года движение распространилось по всей стране.

Некоторым дружинам, например, на «Красном путиловце», выдавали оружие. А теперь, тридцать лет спустя мы, повинувшись намекам главы правительства, сидим сложа руки и боремся с пьяницами и хулиганами, упуская контроль над настоящей преступности. Которая, видимо, вместе со всеми советскими людьми благополучно перейдет в коммунистическое далеко. Когда нам обещано там пожить? Дет через двадцать, когда дети вырастут!

- Об этом не принято говорить, - тихонько сказал Чванов. – А дружинников надо все же оформлять официально, через отдел, поименно. Как в бане комнату вышиб?

- Да очень просто – пошел в райком и поставил вопрос ребром. Не в квартире же моей собирать парней? - И добавил горько: - Поманили квартирой, оказалась дворницкая под лестницей. Кровать да стол, а удобства во дворе. Только раковина с краном. Хорошо не зима, потом замучаюсь в сортир бегать. Вот в Вязьме у меня приличная квартира была, а тут и собаку отобрали, и используете, как последнюю шваль. А когда новинки в работе применяю выговора лепят. Все, вот дослужу месяц до получки и подам рапорт на увольнение.

Чванов горько взглянул на министерского подполковника, он тоже хотел оставить офицера у себя в МУРе, полагая сделать из бывшего военного хорошего сыщика. Да и с осуждением действий Хрущева он был согласен. Все были согласны. И все молчали.

— А что там с задержанием невинного? – продолжил упреки Замятин.

Я тогда был в форме, поэтому мальчик подбежал ко мне. А так как я знал в будущем о «Мосгаз» даже фильм сняли, то запомнил Владимира Ионесяна. И даже проследил, где он живет.

Мне было известно, что маньяк по кличке Мосгаз с декабря 1963-го по январь 1964 года

убил пятерых москвичей. Это было в Ионесян проникнул в квартиры под видом контролера из Мосгаза или сотрудника ЖЭКа. Можно было подумать, что он убивает ради наживы, но с мест преступлений пропадали сомнительные ценности: несколько десятков рублей, свитер, три пары носков. Мальчик, выскочивший во двор вослед за потенциальным преступником кавказской внешности, бросился к милиционеру в форме капитана милиции (участковых вынуждают делать обходы в форме) с криком:

- Боюсь. - А потом добавил: - Он спрашивал, кто в квартире, я соврал что все...

В моем будущем первую зацепку следователи получили благодаря свидетелю этому мальчику. Девятилетний мальчик Владимир Теплов на вопрос «контролера Мосгаза» соврал, что в квартире присутствуют все домочадцы, хотя, кроме него, в ней были только бабушка с грудным ребенком. Преступник испугался и выбрал другую жертву — в том же доме. Мальчик сообщил следствию две важные детали: «контролер» был кавказской внешности, а еще завязывал шапку-ушанку на затылке, а не на макушке, как было принято у москвичей. Возникла гипотеза: убийца — иногородний.

Попался маньяк, когда изменил своей привычке и решил своровать по-крупному: после пятого убийства вынес из квартиры телевизор «Старт». Человека «южной наружности» с телевизором в руках заметили местные и обратились в милицию. Следователи нашли машину, которая подвозила Мосгаза, и узнали у водителя, где тот высадился. Опросив жильцов близлежащих домов, они вышли на армянина Владимира Ионесяна, который переехал в столицу из Оренбурга. Совсем недавно он принес домой телевизор и продал его соседу.

Мотивы преступника остались не раскрыты до конца — Ионесяна казнили через 20 дней после ареста. Власти спешили избавиться от серийного убийцы, ведь таких в Стране Советов не должно было существовать.

В моем случае я подал рапорт, ссылаясь на агентуру, в котором предположил, что иногородний Ионесян может представлять опасность, как потенциальный преступник. Такую формулировку современная милиция не поняла, но проверила указанного. Регистрация оказалась в порядке, а то, что человек приехал в столицу подработать, тоже не удивляло.

Я подал второй рапорт и написал в нем, что если Ионесян совершит преступление, то виноват будет мой начальник — начальник службы участковых при горотделе милиции. (Куча начальников у бедного участкового. Косвенно он подчиняется райотделу, в котором работает и получает зарплату. А формально он подчинен еще и городскому отделу, где сидит руководство всех участковых города. Есть еще руководство участковых сельской местности, но уже в другом отделении. В то же время при розыске преступников участковый должен работать в связке с московским уголовным розыском и косвенно ему подчиняется.)

Рапорт не сработал, но вчера было совершено убийство в квартире № 95 на четвертом этаже дома № 4 на Балтийской улице, в районе Сокола. В том самом доме, во дворе которого ко мне кинулся испуганный мальчик и где я начал слежку за армянином. Жертвой оказался 12-летний Константин Соболев. Убедившись, что дома никого нет, Ионесян нанёс мальчику топором большое количество рубленых ран и забрал детский свитер, 60 рублей, флакон одеколора «Шипр» и пляжные очки. Под видом работника Мосгаза он вновь прошёлся по нескольким квартирам дома, в которых под предлогом профилактического осмотра газового оборудования высмотрел наиболее удобную жертву.

Я чувствовал, что мой визит к начальству по поводу рапорта будет бесполезен.

Появление Замятина и Чванова только подтвердило тот факт, что попытка жить честно и успешно работать не удалась. Такова судьба, как и в прошлой жизни обстоятельства не способствуют честности и новаторству. Что ж, профессия афериста с опытом прошлой жизни ничуть не хуже, а главное в ней надо мной не будет никаких начальников!

Но тут в комнату вошел новый посетитель. Он был в форме летчика, но вполне узнаваем – товарищ Майоров из КГБ. Он сухо поздоровался с милиционерами и сразу обратился к участковому:

- Скажите, Овчаренко, у вас родственники за границей есть?

- Да я все время в анкетах пишу, что нет, - удивился Овчаренко.

- Оказывается – есть. Фамилия Марк Шеппард. Миллионер из Великобритании. Вам фраза: A German shepherd, ничего не говорит? Переводится как: Немецкая овчарка. А вы, голубчик, Овчаренко.

- Ну и что? Распространенная украинская фамилия? Пастух означает, пастух овец.

- Ну, ну. Вы в себя пришли с потерей памяти, так?

- Ну да.

- А теперь выясняется, что вы родственник английского миллионера.

- Даже если так. Я тут причем?

- При том! – как-то торжествующе сказал комитетчик и даже отошел к двери для пуцевого эффекта. Помер ваш родич. Помер и оставил вам двадцать с лишним миллионов футов по завещанию. Там еще дома, яхта, фабрика какая-то. С правительством связались нотариусы, мне поручили курировать этот вопрос. Готовьтесь ехать в Лондон, вступать во владение наследством...

Встретиться с представителем адвокатской конторы, ведущей дело моего неожиданного родича из Англии, пришлось под контролем куратора КГБ майора Майорова.

А перед этим я весь день ловил крушителя стекол с группой пацанов.

У Чарли Чаплина был замечательный фильм о том, как надо делать стекольный бизнес. Надо бить стекла. В фильме подобными шалостями занимался приемный сынишка героя в исполнении Чарли Чаплина. Таким нехитрым семейным подрядом парочка добывала свой хлеб насущный.

Вот и спустя годы возродили этот бизнес хитрованы Москвы.

Информацию я собрал легко от прикормленных мальчишек из соседних домов. В этом времени он не бояться мифических (и реальных) педофилов и не требователен к сладостям. А мороженное нынче стоит копейки, да и в кино билеты на детский сеанс дешевле мороженого. Но следовало взять умельца на месте преступления.

Невольно вспомнилась восточная притча:

Однажды стекольник сказал сумасшедшему:

— Все сумасшедшие бьют стёкла, а ты почему-то ленишься и сидишь без дела. Иди и ты бить стёкла. Ты мне этим очень поможешь: у меня будет больше работы.

Сумасшедший послушался. Он побежал к дому стекольщика и, весело приплясывая, до тех пор швырял камни, пока в окнах не осталось ни одного стекла.

Когда стекольник вернулся домой и увидел это, он набросился на сумасшедшего с кулаками.

— Почему ты на меня сердисься? — спросил сумасшедший. — Ведь ты же сам сказал мне: «Иди и бей стекла».

— Но я же велел тебе бить стёкла в других домах, чтобы у меня было больше работы! — в отчаянии воскликнул стекольник.

— Если бы я разбил стёкла не в твоём доме, — возразил сумасшедший, — то хозяева могли бы пригласить другого стекольщика. А уж тут-то я спокоен: ты никого не будешь звать и сделаешь эту работу сам.

Притча хорошая и помогла мне определить дом, в котором жил стекольник. Один из моих дружинников имел забавный (для человека, познавшего смартфоны) заводной вручную киноаппарат Кама. В нём использовалась 1х8 мм. плёнка в специальной кассете, вмещающей 10 м. Одной заводки хватает на 2 м. плёнки.

Под видом туристов, снимающих красоты столицы парни отсняли все же и мальчишку, и стекольщика. Ну а я сделал обход пострадавших и взял у них заявления. Потом, вместе с проявленной пленкой и данными пацана и его «наставника» передал ребятам районного отдела. Закрыв, как говорится, всяк. Да и палку им на угро подарил.

Конечно, мог и себе записать в успех, но моя репутация на службе давно подмочена всеми новшествами, естественными для меня и неясными для чиновников из администрации. Впрочем, будущему миллионеру не стоит озадачиваться столь мелкими проблемами.

«Надо уволиться из органов», - думал я, заходя в шикарное здание МИДа.

«А вот хрен тебе!», - думал чиновник этого министерства.

Выяснилось, что я служил в секретном воинском подразделении и на двенадцать лет со дня демобилизации являюсь невыездным. Ну то, что вся советская армия, включая дисбаты и стройбаты, очень секретная я догадывался, но такой подлянки не ожидал. А я еще хотел подбросить для МВД пару миллионов или закупить им хорошие полицейские машины!

Мы с адвокатом вышли из министерства и пошли пешком в сторону посольства Великобритании. По бокам не выпуская нас из вида следовали псы майора Майорова, а сам он ехал сзади на неприметном «Москвиче».

Обложили, суки!

- Ну, мы будем настаивать на выдаче вам разрешения на выезд, сказал адвокат. Эдриан Абрамсон имел очень респектабельный вид. Он был в твидовом пиджаке поверх полосатой жилетки с вязаным галстуком и темной накидке, скреплено под шеей шнурком, а на ногах имел добротные коричневые ботинки на микропористой толстой подошве. Ну и, конечно, английская фуражка из теплой ткани с ушами. Которые сейчас по причине солнечного дня были завернуты наверх. В левой руке Эдриан держал толстый портфель явно из крокодиловой кожи.

- Давайте зайдем в это кафе, - сказал я. – В Метрополе вкусные миндальные пирожные делают и кофе тут приличный.

Зашли. Метрдотель, вычислив иностранца, подогнал к нам сразу двух официантов, хотя обычные посетители сами затоваривались в буфетной.

- Coffee and almond cakes, - сказал я, впервые демонстрируя свой американизированный английский.

- Oh, do you speak our language?

- Oh, do you speak our language?

Сам Абрамсон говорил на русском с небольшим акцентом, но свободно.

- Запоминайте, - продолжил я на английском в полголоса, - вы откроете мне счет в Старой леди на Треднидл-стрит[1] с тем, чтоб я мог пользоваться им прямо из СССР. Фабрика пусть работает в старом режиме. Как новый председатель совета директоров я буду давать распоряжения, если понадобится, по телетальпу. Озабочусь этим вопросом. Ну и телефонную связь никто не отменял. У меня есть революционная задумка алюминиевого изделия, которая принесет предприятию не миллионы – миллиарды. Давайте, встретимся завтра в вашем посольстве, надеюсь проблем со входом не будет. И надо, чтоб дали мне пока вид на жительство. *(ВНЖ в Англии – это документ, дающий иностранному гражданину право продолжительное время находиться в британском королевстве. Таким документом обычно является долгосрочная виза, которую в отличие от визы гостевой британское иммиграционное ведомство выдает на несколько лет).*

Абрамсон кивал, забыв про кофе. А я с удовольствием съел пару пирожных.

- В общем, если не посадят, завтра буду у вас в посольстве.

Я встал и пожал адвокату (скорей всего представителю МИ-6) пухлую руку. Даже, если наш столик слушали (возможно в этом времени уже есть направленные микрофоны), то никаких секретов я не выдал. Да и не знал я ничего секретного. Хотя, в этой ситуации, чтоб подставить, могут объявить секретной даже мою комнату под лестницей!

На улице я попал в дружеские объятия Майорова.

- Ну и что вы там решили с этим бриттом?

- Ну так я выехать не могу. Оказывается моя служба полна секретов. А я хотел вас с

собой взять, вы же говорите на английском?

- Говорю. Мы рассмотрим вопрос. Возможно со мной вас и выпустят...

- Но придется поделиться? Так я готов.

- А фабрика, фабрика?

- А что фабрика? Работает, доход приносит. Она всякие изделия из современного металла выпускает, из алюминия. Я, как владелец, могу озадачить совет директоров и советскими заказами. Разве нам не нужны качественные изделия из такого металла?

- Правильно рассуждаешь? Когда следующая встреча с адвокатом?

- Завтра, в посольстве.

- Проводим. Ну, чао!

И соглядатай удалился, но приставленных ко мне сексотов не отозвал. А я, пересчитав наличку (шестьдесят два рубля семьдесят пять копеек с недавней полочки без премии) и заглянул в гастроном, где разорился на «Пшеничную» и палку «Краковской» (как раз выбросили).

А дома сразу жажнул полстакана, зажевал и уселся писать, что запомнилось, про локтевые костыли[2]. Не сомневался, что спрос на них будет бешеный. Достаточно подержать в руках наши, натирающие подмышками кровавые раны. Да и замена тяжелой конструкции на легонький алюминий понравится инвалидам. И не только им, ибо люди достаточно часто получают травмы, ограничивающие возможность ходьбы.

Но работа не спорилась, а тут пришли оперативники из отдела, которым я сбросил готовое дело по крушителю окон. Не просто пришли, а с двумя пузырями московской и ливерной колбасой. Заметив у меня дорогую водку и «Краковскую» восхитились шикарным бытом участковых.

Как мы бегали за добавкой не очень помню. Но проснулся с пересохшим горлом и, узрев на столе бутылку «Жигулевского» возрадовался чуть ли не больше, чем наследственным миллионам!

Так что к посольству добрался лишь ближе к обеду. С незаконченным чертежом и в отвратительном настроении. Как ни странно перехватили у самого входа. И, ничего не объясняя, повезли куда-то за город.

[1] Штаб-квартира Банка находится в главном финансовом районе Лондона, Лондонском Сити, на Треднидл-стрит, с 1734 года. Старая леди - неофициальное название Банка Англии.

[2] Костыли с упором под локоть по-другому еще называют «канадками». Впервые их изобрел Томас Феттерман в конце двадцатого века. Стимулом для этого была длительная болезнь и невозможность передвигаться при помощи традиционных опор, из-за которых у него возникло воспаление плечевых суставов. Поэтому создатель отнесся со всей серьезностью к разработке удобных и снимающих нагрузку с конечностей и плечевых суставов приспособлений.

...На нём полосатые злые порты, В кармане краюшка вчерашнего хлеба. Мальчишки так разевают рты, Что можно подумать – проглотят небо. Они сбегаются с дач к нему. Им ящик – забава. Но что с мальчишек? Прослышал старик, что в каком-то Крыму, Люди заводят стеклянные крыши. Он флигель оставил. Свистя на ходу, Побрёл ноздреватой тропой краснотала... Стекольщик не думал, что в этом году В лондонских рамах стекла не хватало.

Николай Майоров Стихи про стекольщика

- Давайте мы вас с багажом, с диппочтой вывезем, - сказал посол, сэр Фрэнк Робертс, Рыцарь Великого Креста ордена Святых Михаила и Георгия (1963, рыцарь-командор 1956, кавалер 1946). Рыцарь Великого Креста Королевского Викторианского ордена (1965).

- Мысль интересная, - ответил новоиспеченный миллионер, владелец фабрики и пока несостоявшийся лондонец участковый милиционер Овчаренко. – Но если перехватят, то посадят. А из советской тюрьмы можно и не выбраться.

В посольство он попал лишь к вечеру. Гбешные псы отвезли миллионера на дачу к Хрущеву, где он добрых три часа сидел в приемной, ожидая кукурузника. «Я кукурузник», — любил шутить Хрущев, общаясь с партийцами и вспоминая, как в 1949 году, когда он был первым секретарем Компартии Украинской ССР, ему удалось спасти вверенную ему советскую республику от голода именно благодаря кукурузе. Уже на февральско-мартовском пленуме ЦК КПСС 1954 года Никита Сергеевич впервые поднял вопрос о необходимости широкомасштабного распространения посевов кукурузы. Производство кукурузы, уверял Хрущев, должно снять сразу две проблемы советского Агропрома — нехватку зерновых и нехватку кормов для животноводства. Хрущев поставил задачу интенсификации сельскохозяйственного производства и повышения его товарной рентабельности с целью приблизить сельхозпроизводство к производству промышленному...»

Правда, на просьбу Овчаренко принести пива охранник/секретарь среагировал положительно и достал из финского холодильника пару бутылочек «Двойного золотого».

Наконец, появился и виновник задержания. Приехал и сразу - в кабинет.

- Ты знаешь, сколько комбайнов можно купить на миллион английских тугриков? – заявил он, увидев Владимира. – Я что тебя к себе пригласил - слышал, что ты невыездной, служил-де в секретной части. Херня это все, просто тебя выпускать не хотят – боятся, что не вернешься. А я говорю – как он может не вернуться? Офицер, ныне служит в милиции, наш советский человек, кандидат в ряды коммунистической партии. Как он может не вернуться?!

Он усадил насильственного гостя за приставной столик вдали от письменного и нажал кнопку. Мгновенно обслуга внесла водку и закуску, отдельно поставили небольшой скворчащий электрический самовар.

- На подмосковном заводе изготавливают, от электричества работает, - кивнул на самовар Никита Сергеевич. – Так о чем это я? Да, а зачем тебе ехать? Нет, ты, конечно, съезди, посмотри как англичане живут. Но делами пусть лучше опытный человек займется. Ты ему доверенность напиши, а мы тебе квартиру на набережной, дачку и сто тысяч чеками или сертификатами наменяем. Как раз в Москве магазин «Березка» открылся, чего там только нет. В Лондоне твоим паршивом того нет, что есть в нашей «Березке»! Со всего мира товары. И дешево. Ондатровая шапка всего 25 рублей чеками. «Волгу» хочешь, машину?

Семь тысяч чеками и получай «Волгу». Сто тысяч отнять семь сколько будет? Ну, ну, сколько?

- Девяносто три тысячи, - посчитал ошарашенный «миллионер».

- Вот, девяносто три тысячи у тебя на руках останется. Еще правнукам твоим хватит роскошно пожить!

- Ну правнуки, допустим, - подумал Овчаренко, - будут жить при капитализме. И что это Хрущев так раздухарился. Он что – думает я миллионы с фабрикой на сто тысяч чеков поменяю?

- Никита Сергеевич, - сказал он осторожно. – Я попросил адвоката положить наследство в Лондонский банк и я средствами буду распоряжаться прямо отсюда. И фабрикой руководить, так как меня в совет директоров ввели. Мне бы разрешение телетайп дома поставить. Поможете?

- А вот хер тебе, а не телетайп! – подскочил со стула Хрущев. Хер тебе Лондон с миллионами и хер тебе телетайп. Сгною, сука!

Не ожидавший такой вспышки Овчаренко тоже вскочил, а потом вдруг зарядил Хрущеву кулаком по уху. И замер, ожидая жестокой расправы.

Но Никита Сергеевич неожиданно развернулся и выдал «миллионеру» хорошую оплеуху. Рука у Никиты Сергеевича оказалась твердая, удар мощный.

От неожиданности Овчаренко споткнулся и упал на ковер. Сразу встал и посмотрел на ухмыляющегося Хрущева.

- В молодости, - сказал тот, - я любил на кулачках. Стенку на стенку ходили, помню.

И присев, заметно успокаиваясь, добавил:

- Садись, выпьем давай. Но ты обнаглел, первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР и председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР по мордасам бить!

- Я и сам растерялся, как так получилось, - окончательно смутился Овчаренко. Вы уж простите меня, Никита Сергеевич!

- Да ладно, я и сам переборщил. Такое тебе предложил. Что там сто тысяч, хочешь миллион сертификатами без синей полосы и дачу в Ялте?

В общем, от Хрущева новоиспеченному миллионеру удалось вырваться только вечером. Благо, на машине охрана довезла прямо до посольства. И вот сейчас они беседовали втроем: Абрамсон, посол и русский милиционер.

- В инюрколлегию[1] нам все равно придется обратиться, - сказал адвокат. - Они оформляют сопутствующие документы. Может и с телеграфным аппаратом там удастся договориться. Ну и прессу надо поднапрячь, нашу, естественно. Пусть поднимут скандал. Мол человеку не позволяют получить наследство, хотя советские утверждают, что их государство демократичное.

- Да все просто, - сказал сэр Фрэнк Робертс. – Я, как представитель нашего государство в чужой стране, имею права выписывать паспорта потенциальным гражданам нашей Великобритании. Вот я и выпишу временный паспорт гражданину Овчаренко. Как человек с двойным гражданством он имеет право не только свободно к нам приехать, но и снять временное жилье в нашем жилом корпусе. То есть – жить в посольстве, где его никакое КГБ не достанет.

- Вот здорово, - вскинулся Овчаренко. –Только мне еще надо со службы уволиться. А пока я считаюсь милиционером и ко мне могут применить дисциплинарные наказания.

Завтра приду, а вы пока в Известиях разместите через инюрколлегию сообщение о том, что если получатель наследства Овчаренко не может выехать, он может вступить в права наследника прямо в России, прибыв в посольство Великобритании. И подготовить надо для Хрущева вырезки из зарубежных газет, критикующих антидемократическое поведение властей в отношении меня. Скандал никому не нужен, а уж Хрущеву, который себя считает миротворством, тем более.

Выйдя из посольства Овчаренко привычно оглянулся в ожидании наружной слежки, обнаружил их на другой стороне улицы и уверенно направился на квартиру «Мосгаза». По сводкам стало известно, что в Москве в квартире на Ленинградском проспекте, погиб 11-летний Саша Лисовец. Сценарий преступления был прежним: визит мужчины под видом сотрудника «Мосгаза», вопрос о том, один ли дома ребёнок, а затем в ход был пущен топор. После первого удара Саша побежал, пытался спрятаться в туалете, но нелюдь догнал и добил ребёнка.

Из квартиры не было похищено ничего — преступник не смог взломать дверь в комнату, где стоял шкаф с ценностями.

В ходе опроса жильцов дома выяснилось, что в тот период времени, когда погиб Костя Соболев, в несколько квартир заходил незнакомый мужчина, представлявшийся сотрудником «Мосгаза», пришедшим для профилактического осмотра газового оборудования.

То есть именно то, что писал я в рапорте, непринятом во внимание районным начальством.

Поэтому Овчаренко, который мыслями уже был в Лондоне и перепрофилировал фабрику на снаряжения для инвалидов, пошел прямо по адресу на улицу Щепкина, где, к сожалению, была только Алевтина Дмитриевна, закричавшая о том, что её гражданский супруг, Владимир Ионесян является... сотрудником КГБ, выполняющим специальное правительственное задание. И что она – известная работница искусств, балерина.

Один из сексотов стоял на лестнице наблюдая за мной и, услышав этот вопль, подошел и предъявил удостоверение сотрудника комитета.

- Что вы хотите от этой женщины, - спросил он Овчаренко?

- Это – любовница преступника, который убивает жителей в квартирах топором! – возмутился в свою очередь участковый. Если вы зайдете в комнату, то найдете там телевизор, похищенный с последнего места убийства. Вы что – сводки не читаете!

- Есть телевизор? - спросил смущенный комитетчик.

- Ну да, принес недавно, - сказала балерина, – на работе премировали.

Ну а дальше дело, которое уже было на контроле у министром охраны общественного порядка и заместителя главы правительства, пошло раскручиваться заново. Так как о ходе расследования докладывали главе СССР Никите Хрущёву, участкового оттеснить от операции не удалось. Никита Сергеевич, услышав про капитана, сказал:

- Наш пострел везде поспел! – и распорядился включить капитана в следственную группу.

Так что в посольство мне на следующий день зайти не удалось, ибо задерживали мы поганца не в Москве. Операцию по задержанию убийцы проводил глава милиции Татарской АССР. Вокзал в Казани был буквально напичкан сотрудниками в штатском, дабы не дать

Ионесяну ни единого шанса сбежать. В качестве приманки на поезде из Москвы должна была прибыть загримированная под Дмитриеву опытная сотрудница Московского уголовного розыска.

Но всё прошло гладко — Ионесяна задержали на перроне без каких бы то ни было эксцессов.

И наконец, спустя время Овчаренко вновь подошел к замечательному архитектурой зданию на Софийской набережной, бывшей усадьбе «сахарного короля» П. И. Харитоненко, где он до революции хранил свою коллекцию живописи...

[1] Иногда алчные зарубежные адвокаты предлагали Инюрколлегии начать розыск наследников еще до смерти наследодателя: «Так, мол, и так... В Ницце проживает холостой солидный ювелир Иван Папандупало, родом из Жмеринки. Прямых наследников нет, завещания тоже. Начинайте искать его родственников, а то Папандупало уже на ладан дышит, вот-вот Богу душу отдаст, а гонорара очень хочется».

И начинался поиск по советским архивам, а когда там ничего не находилось, на последней странице «Известий» появлялось объявление типа «Ищем родственников Ивана Папандупало, родившегося в 1892 году в Жмеринке и умершего пару дней назад во Франции».

В те времена, когда роились грёзы В сердцах людей, прозрачны и ясны, Как хороши, как свежи были розы Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слёзы... Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране... Как хороши, как свежи ныне розы Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы. Вернуться в дом Россия ищет троп... Как хороши, как свежи будут розы, Моей страной мне брошенные в гроб!

Игорь Северянин

Оказывается я с самого начала был подвязан с Инюрколлегией. Обойти её в СССР невозможно. Адвокат никогда не получит визу и не найдет наследника. А даже, (фантастически), найдя, не сможет произвести никаких значимых юридических действий в СССР. Меня даже в посольство не пропустят.

Все было решено за моей спиной, а лишь потом включился в ситуацию КГБ. Так что из посольства мы почапали (поехали на громадной машине посла) в эту самую «коллегию».

СССР был всегда кровно заинтересован в поступлении в страну валюты, поэтому им и была создана Инюрколлегия. Работала она по такому принципу – с зарубежными адвокатами заключалось соглашение, согласно которому в случае нахождения в зарубежных странах наследодателя, а в СССР – наследников, каждая из сторон получала по 10% от суммы наследства.

Досужие разговоры как Советское государство забирает себе все наследство или заставляет переводить его в Фонд мира или детский дом были неправдой: наследникам предлагалось или забрать сразу всю сумму в рублях по курсу, или перевести деньги во «Внешпосылторг» и получить возможность отовариться в «Березке», или даже разрешали съездить на часть суммы в загранпоездку.

Слухи о том, что от наследства ничего не остается, распускали сами наследники, дабы избежать нежелательного внимания к своей персоне со стороны третьих лиц. Ведь хотя чаще всего сумма наследства и составляла несколько десятков тысяч, но и случаи получения наследства от \$100.000 и выше, тоже были не редкость. Получателям больших наследств просто намекалось, что за малую толику в Фонд мира Советское государство и всё прогрессивное человечество будет наследнику очень благодарно. Но чтобы ставить это обязательным условием – этого не было. С суммы наследства кроме тех 10% гонорара в СССР не брался даже налог на наследство, который взимался в стране, где проживал наследодатель.

Но советские люди еще помнили времена, когда за родственников на Западе они могли поехать на Восток, поэтому намеки понимали с полуслова и делились, определяя размер «пожертвований» сами.

Юристы Инюрколлегии сидели на зарплате, гонораров от наследников не брали, и Минюст за этим строго следил[1].

Меня приняли тепло. Предложили перечислить малую сумму в формирующийся Советский фонд мира (СФМ). Перечислил 50 тысяч по курсу: 1 фунт стерлингов = 2 рубля 52

копейки.

Общая сумма наследства не учитывалась в СССР, так как находилась в действующей фабрике, в разнообразной недвижимости. И налог за них с меня в Англии уже удержали. Поэтому в Швейцарском филиале Лондонского банка у меня осталось не так и много – 700 тысяч фунтов стерлингов. С них я и заплатил десять процентов отечественной сторонам. Пятьдесят тысяч согласился получить рублями и стал обладателем огромной суммы, с которой меня сразу удержали налог на яйца (На бездетность). Не такой уж и маленький – шесть процентов. Деньги разместили в центральной сберкассе и сразу выписали сберегательную книжку. Предлагали через перевод во Внешшосылторг устроить мне чеки для магазина Березка – отказался. Негде мне пока хранить дефицитные ценности. Квартиру участкового (хоть и убогую) у меня через несколько дней отберут, пять дней осталось отработать в милиции.

Так что по выходу из Инюрколлегии я пошел на площадь трех вокзалов – искать бабушек, сдающих комнаты. Сопровождения мне на этот раз контора не выделила.

Не то, что я был расстроен, но как-то вяло себя чувствовал. Столько планов было в голове. Одна надежда, что после беседы Совет директоров все же согласится с новым хозяином и наладит выпуск модернизированных костылей из авиационного алюминия. А может и не авиационного, какие-то приварки или припарки в металл надо будет добавить для крепости, но чтоб не увеличить вес. Я не технолог.

По дороге проверил содержимое карманов. Всего семь рублей у меня осталось на все про все. Я сделал полуоборот и пошел на Красную площадь, там в ГУМе видел окошко сберкассы на первом этаже. На площади стояли красивые машины – гоночные. Но как и обычно днем – пустынно. Да и прохладно сегодня, весна никак не завоеует прочные позиции в этом году.

Я был пока еще в форме – в шинели и в сапогах на кителе. Участковым предписывалось ходить по форме. В отличие от оперативников. В ГУМе, вызвав своей сберкнижкой шок у кассирши, снял двести пятьдесят рублей. (Не успел отойти от кассы, как женщина начала названивать. Скорей всего в КГБ. Понимаю её потрясение, такие деньжищи одной записью, причем – сегодняшней!)

Н Казанском удалось снять приличную комнатку у чистенькой старушки в её двушке с огромными окнами и потолками на Кирова. Недалеко, кстати, от ЦК ВЛКСМ. Но нам туда не надо, вроде. Комнаты отдельные, длинный коридор и чистенькая кухня налево от входа. Роскошная квартира!

Оказывается, сын – геолог, а второй – служит срочную. Вот и решила она полгодика сдавать комнату приличному человеку, а на полученные деньги купить мальцу после дембеля полное гражданское «обмундирование». Берта Иосифовна оказалась обрусевшей полькой, вдовой сотрудника милиции, погибшего при выполнении задания. А квартира ей досталась от отца – ученого из группы Вавилова, репрессированного и амнистированного Хрущевской оттепелью.

Так что устроился я хорошо. Даже холодильник небольшой на кухне имелся. И все за семьдесят рублей в месяц. Зарплата продавца или медсестры!

[1] Владимир Жириновский, наверное, не любил вспоминать почему в 1983 году он ушел из Инюрколлегии, в которой работал с 1975 года, специализировавшись на наследственных делах в Германии. А Владимира Вольфовича «попросили» уйти оттуда когда узнали, что он получил от клиента в благодарность две турпутевки за границу.

Жириновский уходивший из теплого места в Инюрколлегии не хотел, злился и доказывал, что он заплатил клиенту за эти путевки свои собственные кровные рубли, но его попросили написать заявление «по собственному желанию».

Oadam (oadam) - ЖЖ, <https://oadam.livejournal.com/239754.html>

Я попрошу прощения,
Но... потом,
когда придет пора искать Спасенья.
Когда пойду к Голгофе под крестом,
чтоб испытать предсмертные мученья.
И в тот момент,
когда мне гвоздь вобьют
в
насилием распахнутые руки,
я попрошу у Бога
дать приют,
дать избавленье от последней муки.
Ну, а пока прощенья не прошу,
нелепости судьбы переживаю,
ошибки на суку свои сушу,
и милости от Бога не желаю.
Владимир Круковер

Получил повестку как тунеядец. А чё – не работаешь, значит тунеядец.

Как бы это нелепо не звучало, но ужесточить борьбу с уклоняющимися от работы гражданами-тунеядцами, было решено как раз во время знаменитой «оттепели», когда во главе государства стоял Никита Хрущев. Принятие указа «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими паразитический образ жизни» и внесение в Уголовный Кодекс статьи №209 стало для общества полной неожиданностью. Ведь с Хрущевым изначально были связаны надежды на изменения в сторону либерализации, особенно после его разгромной речи с критикой культа личности на XX партийном съезде. Но уж все получилось так, как получилось. И нововведения начали претворяться в жизнь.

Конечно, прежде всего они касались алкашей и бродяг, но порой применялись и к людям творческого труда. "Не состоишь в Союзе писателей - тунеядец! - сказали в свое время Бродскому). Но пока Иосиф Александрович вкалывает где-то в геологии рабочим, а мне повестка из Кировского РОВД пришла сегодня.

Просто необходимо поделиться диалогом, достойным пера Гоголя. Итак, явился по повестке в РОВД, дежурный направил в комнату участковых. Представился.

- Так, - сказал старлей, выписывавший повестку, ты у нас временно прописался у гражданки Дажинской. И уже две недели там проживаешь, а на работу не устроился. Когда будешь работать?

- Да я пока и не собираюсь работать, - сказал я, ибо действительно хотел отдохнуть, определиться с будущим. Мне даже в посольство не надо было часто ходить, так как совет директоров пока только примерялся к новому заказу и посол обещать присылать сотрудника, если будут новости.

- Тогда я с тебя сейчас возьму подписку, что ознакомлен со статьей 209 – тунеядство. В течение двух месяцев не устроишься – передам дело в суд. И на что ты живешь, если не работаешь?

- Наследство получил.

- Ну не знаю. Наследство, конечно, хорошо, но у нас в Москве не работать нельзя. А где раньше работал?

- В МУРе.

- И кем ты там работал? (Ехидно)

- Участковым на Красной Пресне.

- Врешь?

- Чего бы мне врать, вот смотри в трудовой.

- А чего уволился-то? Или устав нарушил и попался?

- Ничего я не нарушал. Говорю же – наследство получил.

- Большое?

- Да не очень, наличными там всего семьсот тысяч с лишком фунтов было.

- Каких таких фунтов?

- Английских.

- Врешь?

- Нет.

- А сколько это в рублях?

- Ну, фунт в рублях стоит где-то два с половиной рубля.

В этом времени хорошо учили считать в уме, так что старлей быстро разинул рот:

- Это чё, полтора миллиона рублей получил?!

Ну не совсем так. В фонд мира перечислил, налоги бриттам заплатил, за бездетность вычли... В общем – вот. И я протянул ему сберкнижку.

Конечно, 125000 рублей привели в шоковое состояние всех участковых. А потом и весь райотдел, так как новость вмиг облетела оба этажа и гараж.

А перед участковым стал во весь рост вопрос: можно ли обвинить в тунеядстве и нетрудовых доходах обладателя ста пятидесяти тысяч рублей? Затянувшееся недоумение разрешил начальник РОВД, который спустился посмотреть на советского миллионера.

- Мне насчет тебя звонили, - сказал он. – Ждут в МУРе, награды там на тебя из министерства пришли какие-то. Я тебе машину дам, чтоб подвезли.

В это странное утро комедия ситуаций продолжилась. Меня повысили в звании до майора (это за маньяка), а за старые заслуги (внедрение к Бармалею и возврат бриллиантов) наградили медалью "За отличие в охране общественного порядка", которой награждались солдаты и офицеры правоохранительных органов и военнослужащие Внутренних войск за подвиги и достижения, проявленные в охране общественного порядка и борьбе с преступностью. Медаль вручалась от имени Президиума Верховного Совета СССР и других советских республик. Но мне её вручил Чванов без особой торжественности.

- Что ж ты из милиции ушел, – спросил он горько, - обуржуазился что ли?

- Не ушел, ответил я. – Вы сами видели, как мое новшества встречали выговорами. Собачью тему отобрали, из уголовки поперли. Что ж мне, так и пахать участковым за сто двадцать рублей до старости! Я вот, например, хочу для МУРа специальные машины купить,

на которых полиция в Лондоне ездит. А меня их страны не выпускают.

- Знаю, знаю, - ответил сыщик. – Это Никита Сергеевич запретил тебя выпускать, не уверен, что не убежишь.

- Да на хрена мне бежать-то. Я с такими деньгами и на родине неплохо устроюсь, только мне много не надо. Мне полезным хочется быть и деньги не чиновникам из министерства отдать, а конкретно их применить на пользу людям. Питомник забачать породистых овчарок. Готовить собак для службы в милиции по всем правилам и отдавать обученным кинологам. Технику закупить достойную за рубежом! Ту, которую они лучше чем мы делают. Да много чего... - Я махнул рукой и пошел себе.

- Ты куда? – спросил Чванов.

- В магазин. Обмыть надо медаль то с погонами.

- Все есть у меня в кабинете. Сейчас накрою поляну. И ты заранее голову не вешай, я вот с Вадимом Степановичем Тикуновым поговорю насчет тебя. Не один Хрущев у нас вопросы решает.

Товарищ Тикунов возглавлял милицию РСФСР в трудное время — в 1961-1966 годах. Мы говорим «милицию РСФСР», а не СССР — потому что в те годы союзного Министерства внутренних дел не существовало. Оно пало жертвой неумной реформаторской мании советского лидера Никиты Хрущева. В

1960 году вождь-«кукурузник» разогнал МВД СССР, оставив только министерства союзных республик. Да и сами эти ведомства теперь стали называться иначе. Вместо привычных министерств внутренних дел (МВД) появились министерства охраны общественного порядка (МООП).

Но именно в эти годы расцвета хрущевского самодурства Тикунов «продал» много полезных для милиции решений. Многие из этих решений позднее приписали знаменитому Щелокову — другу Брежнева, который сменил Тикунова на посту начальника советской милиции. Так, именно Тикунов, а не Щелоков первым предложил отмечать день советской милиции (10 ноября) как общесоюзный праздник. И бесплатный проезд в общественном транспорте по предъявлении милицейского удостоверения появился тоже при Тикунове.

Но наиболее важным (можно даже сказать — историческим) событием для отечественной милиции стало появление новых служебных «аксессуаров» — резиновых дубинок и наручников.

А у нас тем временем дошло до анекдотов. Начал я, майор (уже майор!) в отставке:

- Представляете, - говорю, - прихожу домой, открываю шкаф - а там голый мужик!

- Ну что же тут удивительного, - сказал Чванов, - все жены - такие стервы, что хочешь отмочат...

- Да при чем тут жена? Я же холостой!

Минутку все молчали, потом дошло. А я добавил:

Собираюсь на работу, перекидываю содержимое карманов одних джинсов в другие. На полке последовательно появляются: бумажник, складной нож, пачка сигарет. 7-летняя соседка грустно констатирует:

- Деньги, оружие, наркотики...

Теперь засмеялись сразу.

И Чванов включился:

- Следи за вещами внимательнее, Золушка...

- Это почему?!

- Твой кучер - крыса!

Смеялись громче, чем от моих шуток. Время иное, юмор немного более прямолинейен. До сих пор не определился – хорошее время или плохое. В общем-то, как и сама жизнь – в полоску.

На тротуаре, рядом с Антилопой, стоял великий комбинатор. Облокотившись о борт машины, он говорил:

– Я обманул вас, Адам. Я не могу подарить вам ни «Изотто-Фраскини», ни «Линкольна», ни «Бьюика», ни даже «Форда». Я не могу купить новой машины. Государство не считает меня покупателем. Я частное лицо. Единственно, что можно было бы приобрести по объявлению в газете, это такую же рухлядь, как наша Антилопа.

– Почему же, – возразил Козлевич, – мой «Лорен-Дитрих» добрая машина. Вот если бы еще подержанный маслопроводный шланг, не нужно мне тогда никаких «Бьюиков».

– Шланг я вам привез, – сказал Остап, – вот он. И это единственное, дорогой Адам, чем я могу помочь вам по части механизации транспорта.

Ильф и Петров - Золотой теленок

Именно этот факт о невозможности в СССР потратить миллион и поразил Бывшего военного и бывшего милиционера Овчаренко в самое сердце. Действительно, он не мог просто так купить ни машину, ни квартиру, ни приличную одежду. Он даже в гостинице не мог остановиться надолго, как житель Москвы. Вот если бы был прописан в другом городе – тогда пожалуйста, а будучи москвичом – идите ночевать по адресу прописки, пусть и временной.

Конечно, он мог купить и машину, и ночевку в люксе, и модный костюм, но не открыто, а путем махинаций и переплатив, естественно. Восхищаясь улицам, свободным от машин и пробок, с аппетитом поедая пищу, не испорченную химией, радуясь однушке в Вязьме, попаданец просто, сам того не осознавая, радовался второй возможностью жить в молодом теле. Теперь по мере привыкания к ситуации, он все четче разглядывал уродство государства вечного дефицита и жестких рамок бытия его граждан!

Поэтому, Владимир чаще просто гулял по старой в его сознании Москве, радуясь майским денечкам. И с иронией вспоминал давно читанную книгу про Остапа Бендера, не знающего куда деть миллион. Он в неделю он заходил в посольство Великобритании, вызывая недоумение у дежурных милиционеров, связывался с руководством фабрики и узнавал новости.

Единственное, что действительно радовало, так это возможность питаться в дорогих ресторанах. Где, кстати, его узнавали и уважали, как ценителя хороших вин и деликатесной пищи. Ну как деликатесной, такой просто и не было в рационах восторга. Негде было заказать свежих устриц или жареную рыбу фугу. Под деликатесными подразумевались качественно приготовленные солянки, борщи и ромштексы с котлетой по-киевски, где филе отделяют от костей и кожи и слегка отбивают, а затем заворачивают в него кусочек масла с зеленью.

Ресторанов тогда в Москве было не так много, и не все они были доступны, но в 60-х доступность была на порядок выше чем в коммерческие времена попаданца.

Каждый московский ресторан имел свой характерный запах. В «Праге» это был старорежимный запах настоящего консоме и топленого масла. Собственно, до сих пор

густой аромат крепкого бульона остаётся истинной приметой высокой кухни. Кроме бульона, в «Праге» привлекал салат «Столичный» — вариация старого доброго Оливье, выложенная горкой в салатнице. Раковых шеек, рябчиков и паюсной икры уже не было, но была отварная курица, маринованный виноград, розочки из отварной моркови, свежие огурцы в любое время года и прочие необычности.

В «Арагви» пафоса было меньше, а еда была интереснее. Цыплята табака и шашлыки с горячей лепешкой, закуски и дымок мангала...

Берлин, он же Савой, регулярно менявший название, был ещё одним популярным и разгульным местом. Менее чопорный, чем Метрополь или Националь, Савой был расположен не хуже и прекрасно отделан. Гордость ресторана составлял фонтан посреди зала с живыми карпами, откуда официант по заказу клиента вылавливал рыбку сачком и уносил её на кухню готовить. Часам к 9 вечера из фонтана начинали вылавливать уже клиентов, которые по дороге в сортир неизбежно поскользнулись у фонтана или просто не замечали его и с шумом падали в воды, распугивая рыбу. Остальные посетители непременно аплодировали каждому новому падению.

В то время все без исключения рестораны в вечернее время украшала табличка на двери «Мест нет». Иногда табличка была рукописной, но чаще это было солидное изделие в рамке, с золотым шрифтом на красном фоне, под стеклом. Солидно и основательно. Вход в приличных заведениях охранял швейцар, зачастую весьма живописного вида, в мундире. Цена за вход была не высока - один рубль.

Механически "миллионер" отмечал, что цены в ресторанах были очень умеренными а наценка на спиртное минимальной, почти незаметной, не как сейчас. Если бутылка водки в магазине стоила 3.62, то в ресторане она могла стоить 4 рубля, а коньяк за 4.12 на столе обходился в 4.50 – не накладно[1].

Вызов к Тикунову для «миллионера» - пока в кавычках, снимающего комнатку в Москве, был неожиданным.

Тут необходимо небольшое отступление. За почти столетнюю историю советско-российской милиции лишь двое руководителей сумели проявить себя во главе ведомства, многое сделав для совершенствования деятельности МВД.

Если заслуги «долгоиграющего» министра Щёлокова общеизвестны и неоспоримы (даже несмотря на неоднократно предпринимавшиеся попытки очернить его из-за вскрытых материально-финансовых нарушений в ведомстве в последние годы руководства), то достижения его предшественника (по сути) на этом посту - министра охраны общественного порядка РСФСР с 1961 по 1966 год Вадима Степановича Тикунова - незаслуженно умалчиваются. Замечу - первого министра милицейского ведомства советского периода с высшим юридическим образованием!

А ведь многие революционные начинания в МВД, реализованные в период Щёлокова (что было легко осуществить под покровительством Брежнева), были задуманы именно Тикуновым. И лишь подковёрные интриги не позволили ему до конца реализовать свой высочайший управленческий потенциал.

Чванов действительно заинтересовал министра необычной (в последний год) биографией демобилизованного капитана Овчаренко, успевшего послужить и в ведомстве Тикунова. И не просто послужить, но и заработать две правительственные награды.

Тикунов был типичным партийным аппаратчиком, но все время пытался вносить

новизну в руководимые им процессы. Это-то и мешало ему стабильно развивать свою карьеру при Брежневе. Поэтому и завершил её

в должности Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Республике Верхняя Вольта[2].

Сам Тикунов говорил о своём новом назначении:

Хорошо ещё, что в Верхнюю Вольту (не существующую) отправили, а могли бы и в Нижнюю загнать.

Вадим Степанович считал, что награды за два подвига начинающего милиционера Овчаренко были чрезмерно скромные. Только за бриллианты он заслуживал ордена. Но ордена разделили между собой кураторы работы неофита под прикрытием.

Да и за маньяка следовало расщедриться на большее, чем внеочередное звание. Тем более, что парень уже уволился из органов и ему от майорской звездочки никаких выгод.

Подтянутый, несмотря на мешковатую гражданскую одежду из «Большевички», молодой мужчина с открытым и одновременно суровым лицом отличался от рядовых посетителей могущественного министра полной свободой поведения, которое вовсе не выглядело развязанностью. Напротив, он прошел, поздоровался и сел в ближнее полукресло так, будто он был начальником, а пришел к нему сам министр.

И разговор начал с удивительной просьбы: попросил разрешения снабдить МУР хорошей зарубежной техникой.

- Я посоветовался с коллегами из инженерного бюро моей фабрики, - сказал он, - так те советуют новую разработку - Lincoln Continental.... Ну, Линкольн Континенталь. Это с учетом наших, не везде хороших дорог и нашего не очень очищенного бензина. В 1961 году нет другого, настолько опередившего других автомобилестроителей автомобиля. Если раньше большинство люксовых автомобилей были построены по тем же стандартам качества, что и остальные автомобили, то Lincoln Continental 1961 года был спроектирован и построен в соответствии с новым набором стандартов, которые должны обеспечить надежность и долговечность, намного превосходящие другие премиальные марки. Удивительно, но Ford Motor Company настолько уверена в своем новом Lincoln Continental, что предложила двухлетнюю или 24 000-мильную гарантию - в два раза больше, чем на любой другой автомобиль. Это мы можем 38640 километров почти сорок тысяч километров проехать гарантированно, а если что-то сломается, то отремонтируют или заменять деталь бесплатно. Член совета купил и не нарадуется. Правда дороги там немного лучше, чем у нас. Автомобиль, правда, американский, но в Лондоне есть филиал их фирмы, так что оформят мои юристы сделку.

Тикунов слушал парня, открыв рот. Он общался в высшей категории власти со многими, но такой свободы и уверенности мало у кого видел. Притом, говорил посетитель неприятные вещи, о которых вслух обычно умалчивают. Ну и то, что он уверенно позиционировал себя владельцем фабрики в чудом государстве, капиталистом удивляло.

Человек был выше его понимания и к собственному недовольству министр был вынужден спросить:

- Сколько машин вы хотите подарить?

- Сотню для начала. Я звонил в Форд Моторс, они за небольшую доплату согласны оборудовать каждое авто под полицейские нужды. Скидка на опт, доставка... в 2500 долларов обойдется каждый.

- И конечно, чтоб сделать такой подарок вам надо ехать в Англию? – ехидно спросил

министр. Ему казалось, что он просек наивную хитрость посетителя. Но гость обломал его надежды:

- Нет, зачем. Мои юристы все сделают и перешлют груз парходом в ближайший к нам порт. Наверное, в Ленинград удобней всего...

И Тикунову вновь пришлось мысленно открыть рот и некоторое время посидеть, приводя мысли в порядок. А потом ответить, испытывая отвращение к самому себе:

- Не получится. Мы не можем без специального согласования переводить автопарк милиции на другие модели, тем более не отечественные. И с США мы, как вы знаете, у нашего государства совсем не дружеские отношения. Как после событий на Кубе воспримет мировая общественность покупки техники у агрессора.

- Коммерция выше политики... - начал было Овчаренко, но оборвал себя. – Да, вы правы! Как то я не подумал. Ну давайте я в дружественной стране закуплю машины, вон «Татра» хорошо себя зарекомендовала...

- Нет, наше министерство не может принять от частного лица такой дорогой подарок. Вы можете просто перевести деньги через Инюрколлегию в наше министерство, а мы уж распределим их так, чтоб никому не было обидно.

- Простите, я не готов просто так – не адресно расходовать свой капитал! – резко сказал Овчаренко и распрощался.

Министр хотел вернуть наглеца, заорать ему в спину, но удержался. Он понимал, что советский миллионер прав с точки зрения логики, но государством правили не логика, а жесткие догмы коммунистического общества.

Все это понимали, но никто ничего не мог сделать.

[1] Текст — Андрей Бугайский, специально для Cozy Moscow

[2] Республика Вёрхняя Вольта (фр. République de Haute-Volta), ныне Буркина-Фасо — самоуправляемая автономия во Французском сообществе, а позже — независимое государство в Западной Африке. Название происходило от реки Вольта, истоки которой находятся на территории страны. Столицей был город Уагадугу.

В Европе теперь никто на пианино не играет. Теперь играют на электричестве.

—*На электричестве играть нельзя. Током убьет.*

—*Убьет?*

—*Нет, они в резиновых перчатках играют.*

—*Да, в резиновых перчатках можно.*

"Мимино" - цитаты

Из министерства я пошел в посольство. Мне нравилось владение фабрикой в могущественной Великобритании, мне хотелось хоть чуток прогрессировать этот мир, но эволюционировать, находясь в СССР я не мог. Все мои попытки потратить зарубежные деньги на благо России наткнулись на особую – советскую бюрократию, преодолевать которую было опасно: могли и посадить за антисоветчину.

Посол принял меня почти сразу.

- Если вам нужна личная машина, - сказал сэр Фрэнк Робертс, - мы можем выделить одну из посольских вместе с шофером.

Я не настолько деловой человек в Москве, чтоб испытывать неудобства в передвижении, - ответил я. - Могу просто договориться о заказе такси на день, полдня или, например, неделю. Премия сверх счётчика сделает меня желанным пассажиром у всех таксистов.

- Аналогичная ситуация и с жильем, - продолжил посол. – Ваша фабрика может оплатить долгосрочную аренду квартиры или гостиничного номера и вы, как имеющий наше гражданство, пусть и временное, можете проживать там как владелец фабрики.

- Да мне, вроде, есть где жить. Особых неудобств не испытываю – целая комната в центре Москвы не так уж плохо.

- Вы наверное не осознаете уровень своего богатства! - воскликнул Рыцарь Великого Креста Королевского Викторианского ордена. – Если пересчитать 700 тысяч фунтов в золото, то получится громадная сумма. Судите сами: унция нынче стоит 35 долларов при курсе курса фунта к доллару 1 к 2,8. Итого 700 тысяч это 56 000 унций. Или скромные 1741 кг600 грамм жёлтого металла. Почти две тонны золота лежат у вас в банке! И это не считая фабрик, которая, кстати, на несколько лет завалена военными заказами Великобритании.

Я только и смог, что сказать:

- You're joking, right? (Это шутка?)

- What jokes are there, I am surprised! (Какие уж шутки, я удивляюсь!)

Да, - пересел с поближе к послу. – В таком ракурсе я свое положение не рассматривал. Что ж, если я открыто выражу нежелание жить в СССР, то в гостинице меня могут подвергнуть провокации. Вы как-то предлагали перебраться в посольство.

«Ну да» есть и в английском, так как посол сказал буквально:

Yes, there, now that's more becoming. (Ну да, так гораздо лучше). Недавно освободилась гнездышко одного из советников, там ремонт через два дня закончится. Время же терпит? Или надо срочно убраться со столичных улиц.

- Терпит. Пока я не выразил явного отторжения власти ждут. Ждут от меня конкретных

действий. Кто же откажется от двух тонн золота!

Обедать я направился в Савой, который был известен своим рестораном - он считался одним из самых дорогих в Москве. Простой гражданин мог туда попасть за огромные по советским меркам 25 руб. на лапу швейцару. В ресторанном зале имелся бассейн с живой рыбой, которую можно было выбрать себе на обед. Завсегдатаями этого заведения помимо иностранцев были торговцы гвоздиками и мандаринами с Центрального рынка из Закавказских республик, поэтому я приучил метрдотеля накрывать мне столик в отдельном кабинете. И не столько взятка послужила приязни администрации этого ресторана ко мне (я там часто обедал), сколько рассказ о том, как я стал миллионщиком и простота моего поведения. Я не выкобенивался, не швырялся сторублевками и если чего не знал – спрашивал. Лица кавказской национальности вызывали у подготовленной obsługi брезгливость, как и у меня. К тому же я научил местного повара готовить гуляш повенгерски[1], которого, к удивлению, в этом времени повара не знали. Нет, ну знали в теории, но практикой не осознавали. Что главное в таком гуляше? Паприка!

Там и произошел у меня инцидент с группой артистов из Грузии. В Москве как раз гастролировали представители Тбилисской филармонии, в которой работал и молодой певец. И Вахтанг повадился обедать именно в этом ресторане, так как с детства был позером и ассоциировал себя с аристократами. Его, например, из комсомола исключили за то, что почистил ботинки пионерским галстуком – перед девочками выпендривался. В 15 сделал на ноге татуировку «З + В», что означает «Зоя плюс Вахтанг». Так он доказал сверстникам, что встречается с самой красивой девушкой в их квартале. Ему поверили, но на самом деле у них не было ни одного свидания.

В моем будущем времени Кикабидзе до сих пор сохраняет благородную осанку и выглядит настоящим аристократом. Ничего удивительного в этом нет, ведь он имеет дворянское происхождение как по отцовской, так и по материнской линии. Предки Вахтанга Константиновича - грузинские князья и представители одной из ветвей царской династии Багратиони.

Чем уж я ему не понравился, но он отдернул штору и заявился ко мне в кабинет со словами:

- Зачем от народа прячешься, слюшай? Я, может, совсем князь – с народом сижу за одним столом.

Он не успел развить свою пьяную претензию, как неизвестно откуда появились два молодца (не те, что раньше, а другие) не одинаковых с лица и мигом заломили артисту руки за спину. Играя роли официантов они даже извинились передо мной за беспокойство. Шторы задернулись, шум стих. Через некоторое время опять возник.

К тому времени я уже допил послеобеденный кофе с капелькой рома и направился на выход. Действо, творящееся в зале, мне понравилось. Множество молодцов не одинаковых с лица волокли к выходу торговую шушеру с московских рынков. Давно пора было очистить приличные места, а желательно и весь город, от этих мироедов кавказского происхождения. Ведь зарабатывают огромные деньги, а у рядового горожанина едва на пару мандарин средство хватает. Но дети просят заморский фрукт! Неужели так трудно развить торговлю с государствами, где эти фрукты порой на помойку выбрасывают?

Я вышел, провожаемым любезным швейцаром (открыл дверь и ладонь подставил) и направился к стоянке такси. Хотелось съездить на природу, чтоб побродить – подумать.

- А свежи меня, дружище, - сказал я, усаживаясь справа в заднее кресло «Волги», - в «Аптекарский огород». Ну, что – не знаешь? В филиал Ботанического сада Московского университета.

(«Аптекарский огород» — самый старый ботанический сад в России, основанный Петром I в 1706 году. Имеет статус памятника истории и культуры Москвы, памятника садово-паркового искусства XVIII века и особо охраняемой природной территории (ООПТ) Старейшая часть Ботанического сада Петра I биологического факультета Московского университета).

[1] Гуляш – это настолько густой суп из мяса без костей и овощей, что нередко его относят к рагу. Изюминка блюда в его остроте, ведь важными компонентами в рецепте являются чеснок, перец болгарский и, конечно же, паприка, которая и придает супу красный оттенок. Кроме того, специя обогащает суп исключительным ароматом.

*Им никогда не быть в мозолях, росу лугов не ощущать,
Им никогда не пахнуть солью и кровью им не истекать,
Их на поленья можно резать, не больно им – им все равно,
И называют их: «протезы», за то что чувств им не дано...*

Александр Матус - Ноги отца

Ботанический сад Владимира Овчаренко умилил. А хлопотливые лаборантки в уже полетному халатиках без пальтишек развеяли тягостное впечатление недавнего разговора о невозможности подарить МУРу хорошие авто. Так что дальнейшая дорога по Москве, по её не шибко оживленной части была приятной.

Бывший вор уже просто ругал себя за стремление навязать несговорчивому правительству подарки от своих многих килограмм золотого наследства. Мелькали даже мысли из прошлой жизни:

«А что – переведу в воровской общак пару полтонны золотом, - думал он – так в историю воровского мира войду навечно!» В том, что воровской мир будет процветать и спустя годы, он не сомневался, ибо и сам этот общак держал в далеком 2010 году.

От размышлений его оторвали две чудесные вещи, которые как бы и не могли происходить в этой старинной России, - мотороллер с кузовом, который развозил по домам товары и вертолет, тащивший в небе куда-то здоровенный пароход на крыльях. (На фото 1960 года).

Но хорошая гордость за такое передовое государство сразу смылась от созерцания инвалида на самодельной тележке, который вяло, как перевернутый жук, шевелился на асфальте. Люди обходили безногого брезгливо (Фото 1961 года).

Овчаренко подошел и, вдохнув запах застарелого пота, мочи и гомыры. Вспомнилось послевоенное детство, когда коньяк с двумя костями был востребован среди небогатой публики. Коньяком называлась гомыра, денатурированный спирт, который продавался в керосиновых лавках и стоил 18 дореформенных рублей. На бутылках с гомырой изображали череп с костями, как на электробудках. Его покупали те, у кого были не керогазы, а спиртовые примусы, и некоторые мужики предпочитали денатурат сучку -водке за 23 рубля 50 копеек. Те, кто побогаче, покупали водку столичную, за тридцать рублей семьдесят копеек, это считалось дорого. К столетию Ленина, помню пели:

Водка стоит три ноль семь,
Мяса, масла нет совсем.
Дорогой Ильич, проснись
И с Никитой разберись.

Я еще раз осмотрел эту дощечку с подшипниками, толкушки, которыми бедняга придавал ход шаткому сооружению, тело на боку. Как ни странно, но мужик был в пиджаке и при галстукке, так что я, превозмогая рвоту, наклонился и помог ему утвердиться на шаткой основе. Невольно вспомнились коляски для инвалидов в моем будущем. Даже с ручным управлением они были шикарными по сравнению с этим убожеством, что ж вспоминать про те, которые на электрическом ходу.

Идея с инвалидами меня захватила. Но как-то из прошлого (которое для всех – будущее) всплыла картинка пьяного инвалида-колясочника с наградами на гимнастерке, которого вместе с группой нищих всегда привозили в переход от зоопарка к метро. Я как-то с ним разговорился и узнал, что мужик по-пьяне отморозил ногу, а с началом Горбачевской перестройки его завербовали в нелегальную артель попрошайек, которую крышевали уголовники. Ему оставляли десять процентов из собранного, зато каждый день. И коляску выдали, и привозят/отвозят!

Но редкие на улицах инвалиды этого времени отличались разительно.

Невольно вспомнилось, что в начале 60-х годов слушал по радио выступление московского сапожника Ивана Румянцева на передаче, посвященный военной тематике. Гостем Румянцев стал потому что был рядовым солдатом и дошел аж до Берлина, где принял участие в штурме рейхстага и был ранен в голову.

Оказавшись перед микрофоном, Иван внезапно зарыдал, а после произнес: «Не думал, что доживу до такого дня. Ведь меня вся страна будет слушать. А то все эти годы живем впятером в комнате 15 квадратных метров в подвале. Куда ни ткнусь, всюду гонят: "Ну, воевал! Ну, получил награды. Чего тебе еще надо?"». Румянцев был ранен в голову в последнем бою войны – при штурме рейхстага. Но ничто не заставило дрогнуть номенклатурные сердца...

Этот случай в полной мере описал не только отношение советской власти к 2,5 миллионам солдат, вернувшихся с фронта инвалидами. Он показал молчаливую покорность советского народа, который не смог отстоять прав своих защитников и дал большинству из них спиться по богадельням, подвалам, различным притонам и старым квартиркам.

В СССР с инвалидами и до войны не особо церемонились. Вспомнить хотя бы "Дело Ленинградского общества глухонемых", которых обвинили в создании "фашистско-террористической организации". Всего было арестовано 54 человека, 34 из них были расстреляны, 19 — отправлены в лагерь.

После Великой Отечественной войны армию инвалидов пополнили ветераны, вернувшиеся с фронта с увечьями и контузиями. Никто не знает точно, сколько их было. По официальным данным, около 2,5 млн человек. Но, скорее всего, — больше. Потерявшие руки и ноги, не имеющие зачастую никакой поддержки, кроме небольшой пенсии, многие из них спивались и начинали нищенствовать. Советское государство, принимая меры по борьбе с попрошайками, многим из таких инвалидов предлагало переезжать в специальные дома инвалидов-ветеранов войны, открытые на Валааме, в Горицах. Постепенно нищие и инвалиды исчезли с улиц советских городов — кто-то отправился в интернат, кто-то — засел дома. Исчезли они и в том числе с молчаливого согласия общества.

Другая немалая часть инвалидов войны, получивших не только физическое увечье, но и глубокую психическую травму, не в силах справиться с собой, оказалась на обочине общества. Эти люди деградировали, спивались, попрошайничали или уходили в преступные группы. Ветеранские же организации, как было сказано, имели настолько ярко выраженный официальный характер, что в них не допускалось даже мысли о борьбе за права инвалидов или о создании каких-либо иных инвалидных обществ.

И все же по слухам в 1955 году на Старой площади перед зданием ЦК КПСС состоялась первая демонстрация инвалидов войны на мотоколясках с экономическими требованиями. Среди участников преобладали мужчины-ампутанты. Организатором пикета был двадцатичетырехлетний Юрий Киселев.

«Надо побольше узнать про этого Киселева,» - подумал Владимир, - распрямляясь и думая, где помыть руки.

- Ты не журишь, я не пьяный, - снизу вверх проговорил безногий. – Пойдем в ларек, я тебя угощу за доброту. Там пиво почти не разбавленное дают, 22 копейки кружка. А то, что воняет от меня, так не взыскуй – осколок там у меня все хозяйство поуродовал, не только ноги. Не могу держать в себе ссаку – течет.

Делать Овчаренко было нечего – никто и ни где его не ждал. Так что он пошел за инвалидом и узнал много интересного. Оказывается, в этом времени никаких официальных организаций инвалидов, кроме ВОС и ВОГ (слепых и глухих) в СССР не существовало. Зато был советский комитет ветеранов войны - СКВВ, который возглавлял дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский, ; ответственным секретарем у него был Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев.

- Ну ни фига себе! – выразил Овчинников свое удивление. – А что, артелей инвалидов так и нет?

- Кукурузник все национализировал, падла. Мы теперь в КБО включены, комбинаты бытовой обслуги. Сетки вяжем, обувь ремонтируем. А кто и пошибче может: пошив и ремонт одежды, металлоизделий, мебели, фотографии есть. – Калека выразительно посмотрел на лишь пригубленную кружку Овчинникова, получил её и сделав пару глотков продолжил: - Ты погляди, погляди. Перед войной у инвалидов было более двух тысяч артелей. свой товар делали, да! Где ты нынче достанешь, например: сапожный вар, фоторамки, бумагу для папирос, тару для бакалеи и канцелярские принадлежности. А в 1953 г. вышло постановление правительства о национализации и укрупнении артельных предприятий. Отсюда и ассортимент пропал, ну какой ассортимент когда план чиновники спускают нынче. Ну какая тут работа по ихнему плану!

- Во-та смотри, - добавил он, прикуривая, - во-та зажигалка добрая. И кто её сделал? А сделали её инвалиды, слепые люди. Ты много таких зажигалок в магазине видел? Не много, так как планом они не предусмотрены. А вот грузины её в своем Тбилиси делают и продают[1].

Распровавшись с инвалидом и вручив ему столик (восторг, слезы!). Овчинников пошел в библиотеку и попросил дать ему все, что есть по инвалидам в СССР. Выяснилось, что государственная идеология способствовала формированию в общественном сознании представления о том, что в советском обществе проблем инвалидов не существует. (Как и секса!) Тяжелобольные инвалиды были помещены в дома инвалидов или вынуждены были находиться в своих квартирах, поскольку городская инфраструктура не позволяла им даже выйти из дома. Слово «пандус» отсутствовало в лексике советского человека, как и понятие инвалидной коляски. А вот места в транспорте для инвалидов имелись. Такой парадокс советского мышления!

Невольно вспомнились Овчаренко стихи поэта, с которым корешился на пересылке. Александр Матус писал стихи, как дышал, но слаб был перед активностью Зеленого Змия. Поэтому попал под следствие за что-то, да еще и в разгар «Усиления ответственности за..» и в пьяном виде. Три дня они провели в одной камере, где опытный вор оберег Сашу от оголтелых соседей первоходков. Стихи были на реальном материале и назывались: «Ноги отца»:

...А мастер сделал их искусно, вложил в них душу и талант,
Надел на них сапожки с хрустом и языком прищелкнул – франт!

О, мастер был доволен ложью... Не знал или думать не хотел,
Как эти ноги не похожи на настоящие, на те.

Им никогда не быть в мозолях, росу лугов не ощущать,
Им никогда не пахнуть солью и кровью им не истекать,
Их на поленья можно резать, не больно им – им все равно,
И называют их: «протезы», за то что чувств им не дано.

А эти ноги на пружинах,
Что прислонились у стены,
Хоть и не много лет служили,
Но вот уж больше не нужны.

Сидение в библиотеке все же привело советского миллионера к некой ясности по поводу инвалидов. В энциклопедии прямо было написано, что:

«В СССР осуществлялись определенные меры по использованию профессиональных возможностей лиц с нарушенной трудоспособностью в условиях гарантированности социальной защиты со стороны государства. Одним из первых документов, регулирующих данную проблему – Постановление СНК РСФСР «О предоставлении инвалидам, и подпадающим под действие законов о государственном страховании и социальном обеспечении, но принадлежащим к трудовым слоям населения права обучения и переобучения в профессионально-технических школах для инвалидов» от 08.08.1928. Вместе с тем, работа по профессиональной ориентации, образованию, производственной адаптации и трудоустройству инвалидов велась, но была недостаточной.

А главное он вспомнил и узнал, что в союзе, кроме слепых, есть ещё и общество глухих. ВОС и ВОГ созданы в 1925-1926 годах, сотни тысяч человек, и самое главное - свои производственные мощности, хозрасчет и почти полная свобода в экономической деятельности. Овчаренко хочет Линкольны для милиции? Так можно завести их в виде готовых машинных комплектов и собрать на мощностях инвалидов. Под названием Коммунар или Кировец. Я даже не могу представить себе чиновника-бюрократа, возражающего против милицейского спецавтомобиля Дзержинец, с любовью собранного руками советских инвалидов!

Вот с такими одушевленными мыслями пришел он к себе в комнату и завалился спать.

Чтобы проснуться в два часа ночи и отправится в ночи с полной обреченностью и натуральным раздром в мыслях и чувствах!

[1]На фото: Бензиновая зажигалка сделана на тбилисском производственном предприятии Общества слепых Грузии (ОСГ). Корпус выполнен из металла, рукоятка — из пластмассы. По размерам очень компактная: 7 x 6 x 1,5 см. Своей оригинальной формой обязана тем, что является прямой репликой австрийской зажигалки IMCO Gunlite 6900

*Ну что с того, что я там был.
В том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл,
я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне,
война участвует во мне.
И пламя вечного огня
горит на скулах у меня.
Юрий Левитанский*

Вот уж чего не ожидал, так того, что хозяйка (интеллигентная и не бедная старушка) вдруг выставит мне претензии.

- По ночам шатаешься, спать мне не даешь. Зырк – на кухню, зырк – дверь входная хлопнула. А я лежу и заснуть боюсь, а ну как посторонний кто зашел. Шебутной ты, не хочу больше ночами зыркать – не спать.

- Так что ж мне, съезжать?

- Ты лучше мне за беспокойство доплату сотвори. На пятнадцать рублей с тебя больше хочу брать...

- Да нет, - взбесился я (последнее время нервы в совершенном беспорядке), - съеду. И не только съеду, но и зайду в райсовет – узнать, платишь ли ты государству налоги за жильцов. На любой заработок положено налог платить. А ты, похоже, мошенница, левый доход скрываешь, тайком комнату сдаешь. За это и квартиру могут отобрать или уплотнить тебя!

Оторвавшись на жадной бабке я собрал в спортивную сумку свое нехитрое барахло и вышел, не обращая внимания на старушки причитания. Ключ на тумбочку у входа положил и вышел.

Спустился, покинул подъезд и махнул, удачно появившемуся такси с зеленым огоньком.

Посол не смог меня принять, но один из его советников одобрил идею с помощью советским инвалидам. Правда Великобритания и о своих-то калеках после войны с Германией толком не заботится. То бишь, пенсии платит вполне достойные, но до конкретной помощи инвалидам в отличии от США, где даже виагра ветеранам бесплатная, а еще полностью бесплатная медицина и сиделки тоже оплачиваются из федерального бюджета, бриты пока не додумались. Зато в СССР некоторые инвалиды получают бесплатно чудо-машину: «Запорожец»! Только очереди многим не дожидаться – помрут от старости.

На нашу беседу в комнату рекреации (от лат. recreatio восстановление) подтянулись и другие сотрудники посольства.

- Советские люди повсеместно читали книгу Бориса Полевого: «Повесть о настоящем человеке», - рассказывал я. - вот сегодня иду к герою этой книги, реальному человеку.

- Ну, если быть объективными, то pilots on prostheses (летчики на протезах) воевали не только в СССР, - сказал консул. - Японский летчик Йохеи Хиноки был тяжело ранен в правую ногу во время воздушного сражения в 1943 году. Сумел выйти из боя и вернуться на базу. В госпитале раненую ногу ему ампутировали. На время он стал инструктором

авиашколы, но затем вернулся в часть. Всего он сбил 12 самолетов противника. А у нас на родине на протезах летал Дуглас Роберт Стюарт Бадер. Он вступил в Королевские ВВС в 1928 году, а в 1931-м во время тренировки потерпел аварию и был тяжело ранен. Ему спасли жизнь, но он потерял обе ноги. Его уволили из ВВС, но он продолжал летать, и в 1939 году его восстановили в ВВС, так как он был весьма известным летчиком. Кстати, в Битве за Британию он одержал 20 личных побед и 6 немецких самолетов сбил в группе.

- В августе 1941 года его сбили над Францией, он попал в плен, откуда был освобожден в апреле 1945 года, - равнодушно добавил я.

- Он несколько раз пытался бежать, под конец у него фашисты просто отобрали протезы! – возмутился консул. - В у нас есть фильм и книга про его жизнь и карьеру. Бадер был возведён в ранг рыцаря-бакалавра в 1976 году и продолжал летать до 1979 года. Он скончался в 72 года от сердечного приступа.

Ну наш герой тоже наградами не обижен, - сказал я, - он уже генерал и продолжает трудиться. Вот, к примеру, заказ от нашей страны на новые изделия моей фабрики сейчас от нашего разговора с ним зависит.

Все-таки есть прелесть во второй жизни, которая не успевает дарить свои подарки и чудеса. Совершенный им подвиг был достоин и отдельной книги, и снятого по ней позднее фильма. После возвращения к своим ползком по лесу, обморожения и ампутации обеих ног этот человек не сломался и не сдался. Он не только встал на протезы, но и вернулся в авиацию: само по себе это было сродни чуду. Но Маресьев не просто вернулся в небо, он вернулся в истребительную часть, продолжив вести бой за свободу и независимость своей Родины.

Удивительно в этой истории и то, что, вернувшись в боевую часть после ампутации обеих ног, Маресьев сбил 7 боевых самолетов, доведя свой список воздушных побед до 11 вражеских машин. Тогда же он был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наш O'clock с английским чаем закончился тем, что советник пообещал озадачить посла переговорить с главами правительства на тему помощи фабрикой Овчаренко инвалидам легкими протезами и – со временем – колясками. Требовалось убедить ответственных, что заказ моей фабрике обойдется СССР в два раза дешевле и что костыли и протезы новаторские, из авиационного металла. Кстати, пока единственные в мире и только то, что я – россиянин позволит государству получить продукцию!

Заодно решили технический вопрос и я вселился в квартиру на территории посольства, где еще не закончили ремонт, но спальня и кабинет были уже готовы. Выделили мне и машину с соответствующим флажком о причастности к другому государству и водителем в фуражке, под которой невинно моргал офицер MI5 или MI-6 (не разбираюсь я в этих нюансах).

И вот на этой машине еду я на прием (тоже советник договорился) к ответственному секретарю Советского комитета ветеранов войны Алексею Петровичу Маресьеву.

Еду, пытаюсь вспомнить песню на слова Юрия Левитанского: «Ну что с того, что я там был». Вот уж настоящий воин, не с сосны слова брал для стихов... Насколько я помню поэт со второго курса института добровольцем ушёл на фронт в звании рядового, служил в частях ОМСБОН, стал лейтенантом, затем военным корреспондентом, начав печататься в 1943 году во фронтовых газетах. После капитуляции Германии Левитанский[1] участвовал в боевых действиях в Маньчжурии.

Ну что с того, что я там был.

Я был давно. Я все забыл.

Не помню дней. Не помню дат.

Ни тех форсированных рек...

Берковский его пел... Точно, Берковский - по YouTube я его слушал в первой жизни.

(Я неопознанный солдат.

Я рядовой. Я имярек.

Я меткой пули недолет.

Я лед кровавый в январе.

Я прочно впаян в этот лед —

я в нем, как мушка в янтаре...

Причудливо мое бытие, но ели это козни высших сил, то подскажите - зачем? И что я должен сделать?

Но что с того, что я там был.

Я все избыл. Я все забыл.

Не помню дат. Не помню дней.

Названий вспомнить не могу.

А может сие - просто сбой в компьютерных ячейках космической Матрицы, в которой студенты исследуют эволюцию биологического разума. И кто-то неверно вписал код или просто запустил файл вторично?..

Но что с того, что я там был,

в том грозном быть или не быть.

Я это все почти забыл.

Я это все хочу забыть.

Так и не разобравшись в своем бытие я вышел из машины и, провожаемый уважительными взглядами немногих прохожих (ну что за почитание у нас иностранцев!) взбежал по лестницам к кабинету к Маресьеву. Хорошее время – ни тебе пропусков, ни охранников дюжих в приемной. Комсомолка в в блузке и с красным платочком на шею сидела на стуле – ждала очереди. Вышедший здоровяк сказал:

- А захотите оба, что тут тянуть.

Ну да, я знал, что герой постоянно поддерживал себя в отличной физической форме (катался на лыжах, коньках, велосипеде, занимался плаванием) - установил личный рекорд, переплыв Волгу (2 км 200 м) за 55 минут, но никак не рассчитывал встретить столь юного и бодрого человека. (На фото)

И в разговоре он был быстр, активен. Мигом смекнув что почем (так и в Париже побывал на Конгрессе сторонников мира, кандидатскую защитил по истории). При все этом обращался он ко мне и к девушке исключительно на Вы, не перебивал, выслушивая уважительно. В целом вел себя, как интеллигент в пятом поколении.

Девушка, кстати, оказалась куратором. И горячо сказала, что никакой помощи от райисполкома она не получила, хотя дважды ходила к его руководству.

- "Госопекаемые", как официально принято называть инвалидов в домах инвалидов, - рассказывала она, - плетут авоськи и похоронные венки, клеят конверты, вяжут носки - это единственная возможность их нищенского заработка, из которого, к тому же, по положению

министерств социального обеспечения 50 % отчисляется в доход государства. Имеющиеся библиотеки, иногда кино или лекции, малосодержательны и не дают хоть сколько-нибудь реального представления о происходящем в мире. Питание скудное и однообразное, нередко недоброкачественное. Медицинское обслуживание на уровне младшего медицинского персонала, которого, к тому же, из-за низкой зарплаты, катастрофически не хватает.

- Кошмар! – реагировал Маресьев. – А пенсии у них есть?

- В среднем по пятьдесят – шестьдесят рублей, ну ветераны и участники ВОВ получают небольшую надбавку. Но в моем Доме лежат большей частью гражданские[2].

- Кошмар! - повторил Маресьев. – Надо бы организовать пожертвования.

- Пожертвования – одноразовая акция, - вмешался я. – Надо шефство организовать. Есть подходящий рабочий коллектив?

- А вы к нам работать не пойдете? – мгновенно среагировал Алексей Петрович. Видно с кадрами у них напряженка. – Зарплата у нас символическая, но зато трудовой стаж идет.

- Ну мне, право, как-то и неловко даже символическую зарплату теперь получать, - сказал я смущенно.

- Ах, ну да, ну да. Никак не привыкну, что с живым миллионером разговариваю. В Франции у нас на Конгрессе выступал один, а вот так лицо в лицо не приходилось. В общем, будем прорабатывать этот вопрос, вот я себе записал памятку: Дом инвалидов на ул. Лосиноостровская, д. 27. Завтра на утренней планерке подниму вопрос, если что – маршала попрошу, Александр Михайлович Василевский, наш председатель, человек отзывчивый. И ваш, – он повернулся ко мне, - вопрос будем решать, искать ходы. Честно говоря я и сам бы от новых протезов не отказался, если они, как вы говорите, даже бегать позволяют и гнуться, как здоровые ноги.

- Для вас, Алексей Петрович, по индивидуальным чертежам сделаем. Вы у нас рекламным образцом будете... шучу.

Распрошались. На обратном пути обнаружил лифт, запрятанный в соседней кишке коридора. Наташа, так звали комсомолку, Кажарская проявила явный интерес к мне. А че, я вроде как еще молодой и лицом не урод, да и фигура спортивная. И одет прилично. Да еще и загадочный миллионер – какая девушка не захочет попробовать на вкус такого мужика? Поэтому пошли на выход вместе (она и показала лифт) и на улице я предложил девушке пройтись. Так за разговором и забрели в «Арагви», в котором девушка ни разу не была. Я начал расхваливать цыплят-табака и прочую грузинскую кухню, а тут и ресторан попался на пути. (Ну а что, опыт в обращении с девушками больше чем вековой у меня – порочного). Сунул трояк швейцару на входе, прошли к гардеробной, я куртку сдал, Наташа – пальтишко.

[1] За время воинской службы был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями и не только советскими, но двумя медалями Монголии

[2] В 1956 году минимальный размер пенсии по старости в СССР устанавливался в сумме 30 рублей в месяц.

*А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
— Мы в очереди первые стояли,
А те, кто сзади нас, — уже едят.*

*Но снова объяснил администратор:
— Я вас прошу, уйдите, дорогие!
Те, кто едят, ведь это — делегаты,
А вы, прошу прощенья, кто такие?*

Владимир Высоцкий

Пока наш герой сидит с девушкой в ресторане и, чувствуя себя чуть ли не педофилом (хотя девушке 21 и ему 26), пытается ухаживать, отвлекаясь лишь на фаршированные куриные гребешки, гурийскую капусту и лобио с орехами, ожидая главное блюдо - Оджахури[1] (жареное мясо с картофелем), и рассказывает ей советский анекдот про то, как выходят два грузина из «Арагви». «Слушай, дорогой, а кто это на коне сидит?» — спрашивает один, указывая на памятник. «Ты разве не знаешь? Это — Юрий Долгорукий, основатель Москвы», — отвечает товарищ. «Надо же, какой молодец, — растрогался первый. — Такой прекрасный город вокруг нашего ресторана построил...

Так вот, пока наша молодежь вкушает кавказские яства в любимом когда-то кабинете Берии с небольшим балконом, выходящим прямо в соседний зал - «Столичный», мы по прихоти автора посмотрим небольшие сцены, происходящие в высших эшелонах власти СССР 1961 года.

Маресьеву не удалось пробиться к Хрущеву. Он встретился с Микояном, перехватив его как раз в том ресторане, где недавно обедали Овчаренко с Наташей Кажарской. Анастас Ованесович (он просил называть его Ивановичем) за неимением в Москве армянского ресторан, забегал порой в грузинский, где для него готовили армянские блюда.

Следует напомнить, что Анастас был прекрасным хозяйственником. В становлении советской лёгкой и пищевой промышленности он сыграл важнейшую роль. Мороженое и сгущёнка, колбасы и сухие завтраки, шоколад и бисквиты, томатный сок и лимонад, разнообразные мясные, рыбные, овощные консервы — их массовое производство было налажено в СССР во второй половине 1930-х годов именно под его руководством. Не без участия наркома пищевой промышленности появились «рыбный день» в столовых и знаменитая «докторская» колбаса. И главное, он не стеснялся заимствовать хорошее, прогрессивное у идеологических соперников — западных капиталистов. Он даже пытался наладить производство гамбургеров и кока-колы по американскому образцу, но в 1938-м ему поручили возглавить наркомат внешней торговли страны, и воплотить эту идею в полном виде Анастас Иванович не успел. Зато вместо кока-колы стали выпускать русский квас, а вместо гамбургеров — недорогие котлеты в булочке, ставшие популярными и получившие в просторечье название «микояновских» котлет. Ещё одной инициативой Анастаса Микояна стал выход в 1939 году первой большой советской поваренной книги «Книга о вкусной и

здоровой пище».

Так что, угостив героя армянской кухней, Анастас предложил отведать и вино.

- Многие считают, что в Армении только коньяк растет, вот попробуй, Алексей Петрович, это вино. Что, вкусное? Я тебе пошлю несколько бутылок. Это вино не из винограда, а из граната. Недавно научились делать. Правда, чудесное! А насчет твоего миллионера я соберу совет. Косыгина приглашу, министра обороны на всякий случай, а Суслов и сам припрется в старых галошах[2], как же без него. Я тебе перезвоню...

Он действительно собрал через неделю обещанный состав.

И вот на сцене:

Комедия в двух действиях в стихах

Действующие лица:

Анастас Иванович (Ованеесович) Микоян[3] - первый заместитель главы правительства СССР;

Алексей Николаевич Косыгин - член Президиума, член Политбюро ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР;

Дмитрий Фёдорович Устинов - министр обороны СССР, член ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС, член Политбюро ЦК КПСС;

Ну и Михаил Андреевич Сулов, который контролировал деятельность отдела культуры, отделов агитации и пропаганды, науки, школ и вузов, отдел информации ЦК, отдел молодёжных организаций, а также два международных отдела, став, тем самым, главным идеологом страны. - куда ж без него.

Сцена представляет собой кабинет Косыгина. Перпендикулярно к его рабочему столу стоит еще один, покрытый зеленым сукном. На столе лежат блокноты с авторучками, стоят бутылочки с нарзаном и боржоми, стаканы. За столом в полукреслах сидят действующие лица.

Действие первое

Микоян (прокашлявшись). Приходил ко мне наш герой Маресьев. Живой, здоровый, не считая ног (хи-хи), перекусили мы с ним, вина выпили.

И сказал он мне о чуде,
Не о девках и верблюде,
А о том, что есть чудак -
Миллионщик и мудак,
Что желает всем без ног
Преподавать большой урок.
Из дюрала костыли
Чтоб по свету побрели.

Косыгин (читая бумагу). Вот, подробный бизнес-план, из Лондона будут поставлять современные протезы.

Экономика у нас
Вся тяжелая как раз,
И немного полегчить
Не мешает, так уж быть.

Устинов. Очень много наших воинов, получивших на войне и на службе, нуждаются в протезировании. И мы недостаточно им помогаем в этом.

Ну и что, что он – буржуй,
Хоть во всех буржуев плюй,
Но раз хочет помогать,
То не надо прогонять.

Суслов (сиплым голосом) Сложная международная обстановка, гонка вооружений в основных капиталистических странах, интересы защиты нашей Родины требуют от командиров, политорганов и партийных организаций и впредь неустанно совершенствовать боевую готовность войск, укреплять воинскую дисциплину среди личного состава, воспитывать его в духе преданности Родине, Коммунистической партии, заботиться об удовлетворении духовных и материальных потребностей воинов[4].

Ты плевать-то погоди
На меня ты погляди!
Хоть военный ты сейчас,
Но немного пед-аст,
Ибо только пед-аст
Англичанам волю даст!
Удивляюсь я на вас,
Чё вы баετε сейчас?
Нет, подачек не приму
И Хрущеву цинкану![5]
Пусть подпилит вам рога,
Дабы не проспать врага.

Действие второе

Сцена представляет собой кабинет Хрущева. Похожий на сталинский стол с аналогичной "загрузкой" на фоне всё тех же настенных деревянных панелей. Портрет Ульянова (Ленина), хоть и другой, а по смыслу - всё то же. Только телефонов поболее, и 2 модели самолётов. Плетёное кресло в ленинском стиле, длинный рабочий стол для совещаний, который являлся продолжением оси зрения с кресла Хрущёва за его рабочим столом на 10 персон, стулья вдоль стены напротив стены с 4-мя окнами, и портрет Карла Маркса напротив портрета Ульянова (Ленина). Напротив двери слева от стола Хрущёва - 2-я дверь и часы. Всё просто и спартански. Напротив Хрущева сидит Суслов.

Суслов. И, представляешь, наглецы приняли решение обсудить на Пленуме это предложение.

Я им, сюка, говорю,
Что никак не потерплю!
А они в ответ – плевать,
На тебя нам, б-ядь, насрать.

Хрущев. Пусть выносят. Коммунисты единогласно отторгнут эту буржуйскую провокацию! Сталина на них нету!

Обнаглели, так их мать,
Значит надо указать.

Чтоб не смели возражать
Я их буду обижать.
Семичастного позвать
Он их сможет постращать.
Ты, братан, пока иди,
И на людях не п-зди.
Меры я с умом приму,
Чтоб все было по-уму.
КОНЕЦ

А тем временем в ресторане подошло время черного кофе со сливками и пирожных. Овчаренко, употребивший сто пятьдесят грамм КВВК (коньяк выдержанный высшего качества — напиток, стандартная крепость которого достигает 43-45%, а выдержка — 8-10 лет), разливался соловьем:

- ...открылся ресторан в 1938 году с подачи Лаврентия Берии. В 1930 году Лаврентий Берия зашел в столовую на Пушечной улице и столкнулся там с молодым энергичным поваром Лонгинозом Стажадзе. Молодой человек встретил Берию, показал ему, как устроена кухня. В итоге Берия задумал открыть в Москве ресторан грузинской кухни. Через несколько лет он пригласил к себе этого повара и поручил ему новый ресторан. Название он придумал сам в честь реки в Грузии. Хотя Стажадзе имел образование всего в 4 класса, он сделал ресторан одним из лучших в Москве: наладил снабжение, подобрал хороших поваров, остальной персонал.

- Скажи, Владимир, - прервала девушка миллионера, - я тебе нравлюсь?

- Ну да! – как-то смущенно ответил Овчаренко...

[1] "Оджахури" с грузинского переводится как "семейное", это действительно блюдо для всей семьи. Сочная свинина и жареный картофель с румяной корочкой, приправленные ароматными специями, чесноком и свежей кинзой

[2] Суслов в молодости болел туберкулезом и боялся рецидива болезни и простуды. Поэтому в жару он ходил в плаще, шляпе, ну и в галошах. Он, вероятно, был последним из жителей Москвы, который продолжал их надевать. Суслов ходил в старом пальто и как-то Брежнев, шутя, предложил членам Политбюро скинуться по десятке и купить Михаилу Андреевичу новое пальто. После этого Суслов срочно приобрел новое пальто, но в калошах так и ходил до самой смерти.

[3].

В конце 1970-х годов про него была сложена поговорка: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича»

[4] Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС

[5] Цинкануть на уголовном жаргоне - значит донести, сообщить или передать что-либо на словах. Например, "птичка на хвосте принесла, что цинканули на тебя мусорам".

Дай вам Бог с корней до крон
без беды в отрыв собраться.
Уходящему — поклон.
Остающемуся — братство.
Вспоминайте наш снежок
посреди чужого жара.
Уходящему — рожок.
Остающемуся — кара.
Всяка доля по уму:
и хорошая, и злая.
Уходящего — пойму.
Остающегося — знаю.
Край души, больная Русь, —
перезвонность, первозданность
(с уходящим — помирюсь,
с остающимся — останусь)...

Борис Чичибабин

Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет. Как не вспомнить шутку незабвенной (нынче живой и веселой) Раневской: «Семья заменяет все. Поэтому, прежде чем ее завести, стоит подумать, что тебе важнее: все или семья. Под самым красивым хвостом павлина скрывается самая обычная куриная жопа».

Так что, смутившись своим молодым телом и лицом, я – старый внимательно оценил попытку сближения с девушкой и отменил это действие. По крайней мере – на время. Плохо то, что меня уже озвучили миллионером с двойным гражданством, а невинный вид современных комсомолок отнюдь не гарантирует их бескорыстность и половую распущенность.

Так что Наташу проводил до общежития и распрощался, даже не поцеловав. Хотя она и ждала, приблизившись. А я сел обратно в авто, дающее мне относительную, но дипломатическую неприкосновенность, свалил в свой новый дом на территории Британии. Проехав мимо очередей, выплескивающих на улицу (дают дефицит, например – туалетную бумагу) загрузил.

А спустя время, когда мне позвонил по телефону посольства Маресьев и сообщил, что вопрос о моей помощи инвалидам вынесен на Пленум, я живо представил себе комедию в двух действиях. В которой маршал, министры и прочее начальство обсуждают – разрешить или не разрешить советскому человеку, получившему зарубежное наследство, подарить инвалидам протезы! Идиотизм ситуации заставил вспомнить стихи Бродского из собственного будущего:

Холуй трясется. Раб хохочет.
Палач свою секиру точит.
Тиран кромсает каплуна.
Сверкает зимняя луна.

Се вид Отечества, гравюра.
На лежаке — Солдат и Дура.
Старуха чешет мертвый бок.
Се вид Отечества, лубок.

Собака лает, ветер носит.
Борис у Глеба в морду просит.
Кружатся пары на балу.
В прихожей — куча на полу...[1].

Убога страна, в которой начетчик Суслов способен старой калошей придавить любой росток нового! Страшно государство, коим правит невежественный Хрущев. Страшен мир, в котором, словно язва лепры разрастается диктатура одной партии, живущей по заветам Сталина!

Тут необходимо небольшое отступление, поясняющее непримиримость Хрущева по отношению к советскому миллионеру.

«В конце 1960 года Никита Хрущев отправился с визитом в Берлин. В городе, разделенном на Восточную и Западную часть, контролируруемую двумя противоборствующими военными блоками, процветала нелегальная торговля, и советский лидер патетически воскликнул: «Берлин превратился в грязное болото спекуляции!»

Один из берлинских чиновников, уязвленный такой оценкой, огрызнулся: «Такой черной биржи, как ваша московская, нигде в мире нет!»

Для Хрущева эти слова были подобны плевку в лицо. Не отличавшийся уравновешенностью советский лидер назначил рассмотрение вопроса о борьбе с «валютчиками» и «фарцовщиками» на Президиуме ЦК КПСС.

В одном из залов Кремля для руководителей государства устроили выставку предметов и ценностей, изъятых в ходе расследования дела.

31 декабря Хрущев посетил эту выставку, причем экскурсоводом выступал Председатель КГБ Шелепин. После этого Президиум ЦК КПСС заслушал доклад КГБ о расследовании дела.

Посвященные знали: ожидается буря. И она действительно разразилась. Хрущев, перебив докладчика, задал вопрос: «Что ждет Рокотова и Файбишенко?» Ему ответили: лишение свободы на срок от 3 до 8 лет. Указ Президиума Верховного Совета СССР вводил ответственность за незаконные валютные операции в виде лишения свободы на срок до 15 лет, однако он вступил в силу уже после ареста «фарцовщиков», а закон обратной силы не имеет.

Хрущева это привело в ярость. Его пытались успокоить другие члены Президиума, но Никита Сергеевич ничего слушать не хотел. В этот момент в нем словно ожил молодой Хрущев из 1930-х годов, который в период «большого террора» столь рьяно рвался карать

«врагов народа», что унимать этот порыв приходилось лично товарищу Сталину.

Под давлением Хрущева Мосгорсуд после нового рассмотрения дела вынес Рокотову, Файбишенко новый приговор, в соответствии с внесенными в законодательство изменениями – 15 лет лишения свободы.

От расстрела не спасло даже заступничество главного чекиста

Но неистового Никиту Сергеевича уже было не остановить. На митинге в Алма-Ате Хрущев снова завел разговор о «деле Рокотова». «Вы читали, какую банду изловили в Москве? И за все ее главарям дали по 15 лет. Да за такие приговоры самих судей судить надо!», — гневно отрубил партийный лидер.

В Президиум ЦК КПСС было внесено предложение о новом изменении наказания за незаконные валютные операции. 1 июля 1961 года Председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев подписал указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил о валютных операциях», согласно которому статья 88 УК РСФСР «Нарушение правил о валютных операциях» стала предусматривать применение исключительной меры наказания – смертной казни.

Стоит ли говорить, что «дело валютчиков» было снова пересмотрено? Верховный суд РСФСР приговорил Яна Рокотова, Владислава Файбишенко и Дмитрия Яковлева к расстрелу. Заодно пострадал председатель Мосгорсуда Громов – за приговор, вынесенный в соответствии с законом, его сняли с работы...[2]»

Я, честно говоря, не совсем понимал сам себя. Ведь наступал на те же самые грабли, пытаюсь быть полезным своей стране, народу. В прошлой жизни это желание привело меня на тюремные нары. И лишь став вором я смог строить свою жизнь так, как мне самому хотелось. Обретя же новое существование снова впрягся в оглобли старых заблуждений: решил возродить собаководство. В результате лишился и собаки, и возможности руководить процессом. Захотел инвалидам помогать – хрен тебе по самую маковку. Спрашивается, а чем английский народ и английские ветераны Отечественной войны хуже русских? Им что – помещают удобные протезы и экономичные мини-коляски на бензиновом ходу!

Выезд запрещен, ибо я до сих пор числюсь гражданином СССР? Так могу же через посольских юристов отказаться от гражданства. Тем более, что у меня уже есть (пусть и временное) гражданство Великобритании. Вот он паспорт с «двуспальным английским лёвою»!

А после Горбачевского развала союза я вполне могу вернуться на родину. Но уже миллиардером, авторитетным магнатом – ведь я знаю чьи акции надо скупать, в чьи начинания надо вкладываться. Western Union, Microsoft, Google, Apple... а кто мне мешает создать электромобили раньше Макса. Тем более, что в Великобритании нет юридического закрепления термина «естественные монополии». Примеры обществ, которые «необходимы всем», касаются железнодорожных структур, передачи и распределения электроэнергии, водоснабжения и канализации. Так что моя монополия на предметы гуманитарного характера для помощи инвалидам, вполне естественная.

[1] Иосиф Бродский "НАБРОСОК"

[2] <https://back-in-ussr.com/2015/04/kak-hrushev-s-farcoy-borolsya.html>

..Поэзия - не поза и не роль.

Коль жизнь под солнцем - вечное сражение, -

стихи - моя реакция на боль,

моя самозащита и отмщение!

Аркадий Кутилов

Как не странно, но именно наивный (хоть и криминальный) попаданец в образе Владимира Овчаренко, сдвинул отставку Хрущева. Он был воспитан в советском духе поэтому не предполагал, что патриотизм — последнее прибежище негодяя[1]. Он просто хотел поделиться частью неожиданного богатства с народом, среди которого вырос и, даже, получил вторую жизнь, с людьми, его окружавшими, как привык делиться в первой – воровской - жизни с коллегами по уголовной профессии, подогревая сидельцев, внося долю в общак и поддерживая откинувшихся.

Экономика Советского Союза в это время представляла собой вторую в мире по объёму ВВП (по паритету покупательной способности) систему общественных отношений в сфере производства, обмена и распределения продукции различных отраслей народного хозяйства. На её долю приходилось около 20 % мирового промышленного производства.

Товарно-денежные отношения в экономике СССР играли второстепенную роль. На рынок поступало лишь 14 % всей промышленной продукции СССР, остальные 86 % промышленной продукции распределялись минуя рыночные механизмы, административно-командными методами.

Тем ни менее Советский Союз оставался второй по величине экономикой мира как по номинальному ВВП, так и по ВВП (ППС) на протяжении большей части холодной войны до 1988 года, когда номинальный ВВП Японии стал вторым по величине в мир

И конечно же при ВВП около 400 млрд. долларов наследство Овчаренко не представляло особого интереса для государства[2].

И не только эта битва маленького человека за право облегчить жизнь инвалидам послужила камешком, обрушившим лавину. Трудно осознать весь вред, который он принес нашему государству!

Хрущёву удалось лишить святости советскую цивилизацию, государство, разрушить его духовные связи с народом, оторвать партию от народа и одновременно создать комплекс вины в тех, кто строил и защищал Союз. Прежние герои, защитники и созидатели стали «кровавыми палачами» или «подручными палачей», «винтиками» сталинской «империи зла».

Маховик массовых репрессий против «обычного народа» работал гораздо мощнее, чем в 1939— 41-м и в 1945— 53-м. В 1974 году председатель КГБ Юрий Андропов заявил, что за десять лет при Брежневе не посадили столько, сколько при Хрущёве за один год.

Начал Никита Хрущёв свою деятельность с разрушения сельского хозяйства, русской деревни — основы жизнедеятельности русской цивилизации на протяжении тысяч лет. Для всех врагов России и русского народа этот ход — старая проверенная классика.

В то время, когда США с каждым днём наращивали морскую мощь, Хрущёв учинил подлинный разгром флота. Погром открытый и показательный. 8 декабря 1955 года адмирал

Н.Г. Кузнецов был отстранён от руководства ВМФ. Сразу же тяжёлый крейсер «Москва» был исключён из состава флота с передачей корпуса на разделку. Крейсер пр. 68-бис «Дмитрий Пожарский», сданный флоту 31 января 1955 года, оказался последним в этой серии. По решению Правительства 2 сентября 1959 года были сняты со строительства и переданы на «иголки» шесть крейсеров: «Архангельск», «Варяг», «Владивосток», «Кронштадт», «Таллин» и «Щербаков». Сокращая флот, офицеров выбрасывали на гражданку без квартир и пенсий, а пенсии урезались. Страницы газет и журналов пестрели фотографиями бывших лётчиков, танкистов и моряков, уходивших в... свиноводство.

Никита Сергеевич был опытным мастером придворных интриг. Он умело избежал от своих соратников по постсталинскому триумvirату, Маленкова и Берии, в 1957 году сумел устоять во время попытки своего смещения со стороны «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Спасло тогда Хрущёва вмешательство в конфликт министра обороны Георгия Жукова, чьё слово и оказалось решающим.

Не прошло и полугода, как Хрущёв отправил своего спасителя в отставку, испугавшись роста влияния военных.

Активными участниками заговора, помимо Брежнева, были председатель КГБ Владимир Семичастный, секретарь ЦК КПСС Александр Шелепин, Подгорный. Чем дальше тем больше расширялся круг участников заговора. К нему примкнули член Политбюро и будущий главный идеолог страны Михаил Сулов, министр обороны Родион Малиновский, 1-й заместитель председателя Совета Министров СССР Алексей Косыгин и другие.

Среди заговорщиков было несколько различных группировок, которые рассматривали лидерство Брежнева как временное, принятое в качестве компромисса.

В общем, сценарий 1964 года сработал на три года раньше – в 1961. Но Овчаренко, который и в прошлой жизни думал о политике только с точки зрения амнистий, сопровождавших смену руководства страны, вовсе и не осознавал грядущие перемены. Он озадачился совсем другим – возможностью улизнуть из союза. Нет, он не оставил идею помогать землякам, россиянам, но отложил эту идею на время. Поэтому они с советником из разведки подобрали из второстепенных работников посольства человека, хорошо владевшего русским, загримировали его и тот ездил в посольском авто вместо Овчаренко, всячески демонстрируя свою независимость.

А новоявленный миллионер готовился в группе отъезжающих на родину граждан Великобритании улизнуть на ближайшем авиарейсе. Стандартна подмена, практикующаяся среди разведчиков. Кто-то приезжает и остается, а кто-то по его документам уезжает.

А тем временем Хрущёв решил расправиться с неугодным противником. Он никак не мог репрессировать Маресьева (не вызвав этим бунт в собственных рядах), но прихватить на липовом преступлении враждебного гражданина мог вполне. И они с Семичастным обсуждали этот шаг, склоняясь к тому, что лучше всего обвинить непокорного в изнасиловании. Хрущёв был уверен, что могущественный комитетчик ему покорен. А Семичастный сразу поделился «хотелкой» Никиты с Алексеем Косыгиным, который после того совещания очень ратовал за участие миллионера в изготовлении прогрессивных протезов.

В общем камешек, предвестник переворота, подталкивал сам Хрущёв...

А тем временем Володя Овчаренко, успевший в посольском заточении обзавестись бакенбардами и усами с подусниками (в отличие от бороды баки бросаются в глаза и

отвлекают внимание от детализации лица, сравнений с привычным образом Овчаренко), научившийся носить за щеками пластиковые шарики, меняющие абрис лица, и пользоваться тростью, прихрамывая на якобы поврежденную ногу (двойная стелька и раздражающий пластырь в подколенной ямочке), ехал в Иркутск. Ну никак он не мог покинуть Россию, не зная, когда сможет вернуться, не повидав себя самого, юного в эту пору, еще не служившего, но уже пробующего писать заметки в газету и наивные стихи.

Он даже помнил один такой – юношеский, написанный после охоты, на которую ходил по сибирскому обычаю с десяти лет:

Кричал он, как ребенок,
только громче,
Отчаянно метался, верещал.
Он будто ждал от человека
помощи
И потому на выстрел
набежал.

Взорвалось эхо лаяньем
собачьим,
Угрюмо смертью глянуло
ружье...
Катилось тело заячье
как мячик,
Как грязное, измятое
белье.

Рябиной бусинки в снегу
порозовели,
Окутал пар
нахлынувших собак,
Глаза стрелка
азартом потемнели,
Был судорожно резким
первый шаг.

Качались ветки елей
укоризненно
Гарь пороха сносило,
лай стихал...
Лежала тушка заячья
безжизненно,
Зрачок стеклянно
небо отражал.

Любопытно, что в Сибири с гончими в советское время не охотились, а охота с лайками

отличается в корне. Наверное, какой-то фильм, рассказывающий про забавы помещиков, послужил толчком.

Так что именно в то время, когда Хрущев делился с Председателем КБ планом обуздания непокорного миллионера, Овчаренко сел на ТУ-104, купив билет за огромные деньги – 83 рубля.

[1] Патриотизм стал одним из общих мест в наших разговорах, и Джонсон неожиданно произнёс, сильным и решительным тоном, афоризм, на который многие накинутся: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Но полагаю, что он не подразумевал реальной и щедрой любви к нашей стране, но имел в виду тот патриотизм, который так многие, во все времена и во всех странах, делали прикрытием личных интересов.

[2] ВВП СССР в 1970 году составил 433.4 млрд. долл

*...Родной сибирский говорок,
меня ты, паря, уберег
от всех прилизанных речей
из гладких ровных кирпичей,
где нет наличников резных
и голубятен озорных,
как над тобой, моя изба,
как над тобой, моя судьба.*

*Я был во всем огромном мире
послом не чьим-нибудь — Сибири,
хоть я совсем не дипломат.
И до конца — в ответ наветам —
сибирским буду я поэтом,
а тот, кто мне не верит в этом,
что ж — тот ничо не понимает!*

*Евгений Евтушенко,
27 августа 1973 г., Иркутск*

Вы ездили поездом в СССР? Нет, вы точно ездили поездом в советском союзе? Именно так думал я, наслаждаясь поездкой и невольно сравнивая с такими же в будущем. В том двухтысячном будущем, когда получил возможность объездить полмира. Убогость капиталистического железнодорожного сервиса по сравнению с нынешним – советским поражала!

Нет конечно, кондишен в купе, электричество вместо печек зимой, сервис – все вроде на уровне. Но где вальяжность поездки, удовольствие от нее, входящее частью в отпуск сибиряка, следующего в санаторий на Черном море непременно через Москву.

В общем я, как бы прощаясь с Россией и желая повидать себя самого, не полетел на ТУ-104. В самый последний момент передумал. Не потому, что боялся обнаружить себя при посадке, нет – в этом времени еще нет строгого контроля за авиа пассажирами. Просто вспомнилось как в прошлой жизни, когда папа еще был жив, мы всей семьей ездили на море. В двух спальном купе и через Москву...

Вот я и купил купе в поезде Москва-Пекин. Двухместное (я выкупил оба места), с креслом у столика, с вишневым бархатом обивки и с умывальником на два купе (забавно устроенным – когда открываю свою дверь, то дверь в смежном купе блокируется).

Наш «международный» вагон соседний с рестораном и я с нетерпением ждал, когда он откроется. В памяти и осязаемо слюноотделением вспомнились московские ромовые бабы, которые мы, поспев к подходу поезда в Иркутске (стоянка 25 минут), покупали вместе с чешским пивом прямо в вагоне-ресторане.

Вежливый стук проводника совпал с ритмичным стуком колес на стыках, набиравшего скорость поезда.

- Ваши билеты, пожалуйста... Кто-то подсядет в пути на второе место? Возможно?

Понятно. Может желаете чего, покуда ресторан не открылся? Пивко есть чешское, конфеты, жареная курица. Хлеб есть Бородинский. Ну ладно, тогда я вам чаек принесу. Собственной заварки с душицей. Если что – кнопочку нажмите вот тут.

Радио, тихонько игравшее гимн СССР, сообщило о концерте по заявкам. Запела Клавдия Шульженко:

Клёны выкрасили город
Колдовским каким-то цветом,
Это снова, это снова
Бабье лето, бабье лето!
Что так быстро тают листья,
Ничего мне не понятно...
Я ловлю, как эти листья,
Наши даты, наши даты...

Я откинулся на спинку мягкого кресла. Мне было невероятно хорошо. И от того, что еду с удобствами. И от того, что на время скрылся от возможных хищников КГБ. И от того, что еду на Родину. Сибирь, как я люблю её!

И сразу вспомнились еще не написанные стихи Жени Евтушенко, с которым был лично знаком.

Родной сибирский говорок,
как теплый легонький парок
у губ, когда мороз под сорок.
Как омуль, вымерший почти,
нет-нет, он вдруг блеснет в пути
забытым всплеском в разговорах.
Его я знаю наизусть.
Горчит он, как соленый груздь.
Как голубика — с кислицей
и нежной дымчатой пыльцой.
Он как пропавшая с лотка
черемуховая мука,
где, словно карий глаз кругла,
глядишь, — и косточка цела.
Когда истаивает свет,
то на завалинке чалдоночка
с милком тверда, как плоскодоночка:
«Однако, спать пора — темнеет...»
А парень дышит горячо.
«Да чо ты, паря!» — «Я ничо...» —
«Ты чо — немножечко тово?
Каво ты делаешь?» — «Никаво».
«Ты чо мне, паря, платье мяшь?» —
«А чо — сама не понимаешь?»

Стихи прекрасно ложились на постукивание вагонных колес по рельсам, поэтому я

начал читать его уже вслух:

И на сибирском говорке
сердечко екает в руке
сквозь теплый ситец, где цветы
горят глазами темноты.

И вновь с чалдоночкой-луной
в обнимку шепчется Виллой,
и лиственничною смолой
тягуче пахнет поцелуй,
и вздох счастливо виноват:
«Задаст мне мать... Уже светат».

Родной сибирский говорок,
меня ты, паря, уберег...

Отъехавшая после стука дверь купе прервала меня.

- Чаек, пожалуйста, - в руках проводника был поднос, на котором стояли серебристый подстаканник с ароматным (на все купе) чаем, вазочка с печеньем и горка синих упаковок «железнодорожного» сахара (на два кусочка каждая). - Ресторан откроется через полчаса, но я могу вам блюда прямо в купе доставить.

Я на миг задумался, потом отрицательно мотнул головой:

- Спасибо, сегодня сам схожу, а потом – да.

Отхлебнул чаёк. Да, не соврал проводник – чай шикарный. И не только за счет душицы, но и в целом, по сравнению с теми пакетиками, которые будут продаваться в будущем...

Евтушенко, сколько споров о нём было. Я Евгения знал хорошо, вместе охотились на медведя в его родном поселке Зима, в «Молодежку» иркутскую он часто заходил, бухали, его поэму там впервые опубликовали... Или опубликуют. Я тогда еще не свернул на темную дорожку, стихи писал.

И сейчас еду к себе – вот такому, чистому и наивному. А поэма был про тореадора. Помните:

«Я публика,
публика,
публика,
смотрю и чего-то жую.
Я разве какое-то пугало?
Я крови, ей-богу, не пью.

Самой убивать -
это слякотно,
и вот, оставаясь чиста,
глазами вбивала по шляпочки
гвоздочки в ладони Христа.

Я руки убийством не пачкала,
лишь издали -
не упрекнуть! -

вгоняла опущенным пальчиком
мечи гладиаторам в грудь.

Нормальный был Женя (тьфу, есть а не был), талантливый человек, живущий той правдой, которую искренне считал истинной правдой. Поэтому и:

«Есенин, милый, друг друга мы браним
Парнас российский дрязгами засерен,
Но все ж мы чем-то связаны одним –
Любой из нас хоть чуточку Есенин...». Да, именно поэтому он способен был сказать:
«...не учил меня быть коммунистом –
он учил меня Блоку и женщинам,
картам, бильярду, бегам.
Он учил не трясти
пустозвонным стихом, как монистом,
но ценил, как Глазков,
звон стаканов по сталинским кабакам...»

Истинный талант сочетает «Хотят ли русские войны?» и «Идут белые снега», мало задумываясь о том, что мелкие существа будут судить-рядить о нем в соцсетях и на кухне за стаканчиком водки. Он сам выбирает, где и как ему жить, но проживая в США он остается в сотни раз большим русским, чем тетя Мотя из Хайфы, и в сто крат большим патриотом, чем лживый Солженицин или двуличный Жириновский. Его работы бессмертны, в отличие от творчества будущих (после разрушения СССР) мотыльков: манерного завистника Быкова, простоватого Боба Дилана, злобной компиляторши Светланы Алексиевич...

Между прочим в СССР Евгения приняли (уже приняли) в Литературный институт без аттестата зрелости (из школы выгнали за хулиганство) и почти одновременно - в Союз писателей, в обоих случаях сочтя достаточным основанием первый сборник.

А ведь и я мог пойти по этому пути возвышения. Нет, не как поэт – куда мне до «идут белые снега, как по листьям кружа...», но как журналист. Девчонки и водка, что уж лукавить, сбили меня с пути. Учился же без напряжения в вузе, три с половиной года армии могли обернуться воинскими сборами и военной кафедрой, больше трех лет бы сэкономил. А в журналистике вполне мог бы и собкором стать для центральной газеты или журнала всесоюзного...

В животе, промытом чаем, квакнуло. Ах да, ресторан. Прошел тамбур и вот я занимаю место за угловым (привычка с прошлой жизни прятать спину) столиком и говорю официанту (в этом времени мужчины охотно идут в сферу услуги):

- Никого больше не подсаживай. Мне – полный обед по твоему выбору и триста грамм водочки...

*Мне стало грустно просто так
Без видимой причины
Из за какой-то ерунды, какой-то чепухи.
Когда грустят серьезные, солидные мужчины
Они не сочиняют печальные стихи.
Они не едут в ресторан,
Что у аэродрома,
И не сидят нам три часа
За рюмкой коньяка,
Им не приспичит улететь за триста верст от дома
Без отпускных и багажа подняться в облака...*

Сергей Иоффе [1]

Вот вспомнились, заученные когда-то стихи иркутского поэта. Стоило лишь сойти на перрон вокзала, сесть в трамвай, который въехал на огромный мост через Ангару, как вспомнились стихи местного стихотворства. Он их, помнится, написал в период гонений на весь Иркутский творческий бомонд. Это произошло после того, как Юра Самсонов не опубликовал в нашем альманахе «Ангара» запрещенную повесть братьев Стругацких: «Сказка о тройке»[2]!

Но до этого еще много лет. Я к тому времени уже отслужил и успел поступить в универ на отделение журналистики. Я – прошлый. Помню, как же – помню, как комитетчики металась на черных «волгах» по городу, газетные киоски опустошали, изыскивая номера альманаха.

Впрочем меня в этом времени армия только ждет. И я – постаревший – способен отговорить себя юного не делать глупости. Хотя я их все равно сделаю...

Трамвай шел, как и раньше, неспешно и на перекрестке Карла Маркса и Ленина я спрыгнул, не ожидая остановки. Двери в этом древнем трамвае открывались вручную, хотя по Москве уже ходили новенькие, с пневматическими дверями.

На пересечении двух центральных улиц в небольшом, но нарядном скверике стоял громадный памятник Ленину. (Вот он, на фото). Помнится, в последние годы правления «кукурузника» ночью некие молодцы ухитрились выбить на постаменте стишки:

*Водка стоит три ноль семь,
Мяса, масла нет совсем,
Дорогой Ильич, проснись
И с Никитой разберись!*

В Иркутск еще при царях ссылали вольнодумцев, так что народ в этом, вообще-то - купеческом, городе был непокорный.

Я сел на лавочку, поглядывая на перекресток по которому ехали редкие машины: «Москвичи», «Волги», «газики». Следовало покопаться в своей, несколько покалеченной при переносе в другое время и другое тело. Я помнил о том, что у меня в той жизни был брат –

физик, но не помнил деталей нашего общения. Судя по времени и зыбким отрывкам в сознании я все больше склонялся к творческому пути. Как и моя основа, которая весной 1961 года то ли где-то учится, то ли где-то работает. Призвать его должны только на следующий год, но вот когда он стал подвержен военным обязательствам – убей, не помню!

- Це дило треба разжувати, сказал я «Ленину» и пошел в гостиницу «Сибирь», которая, как подсказывала память, должна была быть на улице Ленина недалеко от огромного комплекса Обкома КПСС. В те годы это была единственная благоустроенная гостиница в столице Восточной Сибири. Среди ее постояльцев было немало известных стране и миру личностей. В период Великой Отечественной войны, во время гастролей, в ней останавливались народная артистка СССР О.В. Лепешинская, джаз-оркестр под руководством Л. Утесова и многие другие. В 1941–1942 годах здание гостиницы занимал госпиталь № 1221 общехирургического профиля, часть помещений была отдана под жилье эвакуированным артистам Киевского государственного театра оперы и балета имени Т. Шевченко. При гостинице был отличный ресторан я там в десятом классе как-то просидел целых три рубля с одноклассницей. Но она того стоила! Хотя дело дальше поцелуев и не пошло, но вот сейчас вспомнил с нежностью.

- Мне отдельный номер, можно люкс, - сказал я, протягивая паспорт с вложенной в него двадцати пяти рублевкой. Обычно хватало червонца, но я помнил этот советский отель, как неприкасаемый для простых граждан, вот и решил не рисковать отказом.

- Поищем, - проворковала пышная дама за прилавком. – Вот, есть двухкомнатный полулюкс за семь рублей. Будете брать?

- Возьму. На неделю, пожалуйста.

- Так, на семь дней. Расчетный час в полдень. Багаж будете сдавать на хранение?

- Да у меня багажа-то только сумка.

- Тогда с вас 49 рублей. Вот ключ.

И она протянула мне солидную деревянную грушу на которой болтался ключ от комнаты.

Номер оказался недалеко от лестницы, покрытой ковровой дорожкой, прижатой металлическими трубками. С прихожей, с отдельным туалетом, залом и спальней. По-советски просторный, с огромными окнами, выходящими на улицу с тополями. В зале на тумбе стоял телевизор «Рекорд», был буфет с посудой и маленький холодильник. В спальне рядом с двуспальной кроватью находился радиоприемник. Роскошь по нынешним временам. И всего за семь рублей. Впрочем, семья на эти деньги может и неделю прожить.

Я принял душ, под конец с удовольствием прихватывая губами чистейшую воду. Нигде не пил такой вкусной воды, как близь Ангары! Вышел, не обтираясь (очень сильно топили в гостинице). Сибиряки холода не боятся, зато тепло одеваются и не экономят на обогреве. Стал перед большим зеркалом в спальне и заново осмотрел свое новое тело. Я - первый был худощав, с тонкой костью и не слишком сильный. Мышечную мощь подменял реакцией, скоростью. Поэтому любил настольный теннис, но не любил тягать гантели (коими очень увлекались советские парни шестидесятых). К старости, после лечения рака простаты гормонами, разжирел, но основной жир пришелся на живот. Так что выглядел, как пузырь на тонких ножках. Мой донор, человек пожертвовавший мне тело после смерти, был мужиком с крепким костяком, немного короткими ногами, густо поросшими светлым волосом и с выраженными мышцами икр. Плечи широкие, предплечья хорошо прокаченные... Офицер, воинская косточка. Это тело заставило меня бегать утрами - мышечная память заставила и

не пренебрегать спортом. Благо, в СССР в каждом дворе была спортплощадка, как минимум: турник, брусья, качели и волейбольная сетка. Теннисные столы тоже стояли повсеместно, проблема была лишь в шариках, которые (если из Китая) являлись дефицитом). А ракетки мастерили сами, покупая обычную - дощатую и обклеивая резиной или губкой, или полностью, вырезая и склеивая из многослойной фанеры.

В общем своим телом я остался, как и в первом знакомстве там, в Вязьме, доволен. Поэтому быстро оделся и отправился в ресторан, проход в который был не только с улицы, но и с вестибюля гостиницы.

- Будете комплект номер один, - спросил официант, - или второй номер, рыбный.

- А что в первом?

- Щи с мясом, котлета с картофельным пюре и компот. Девяносто семь копеек.

- А рыба какая?

- Уха на таймене и сборная, на таймене дороже. На второе жареный хариус. Есть малосольный омуль и ленок.

- Несите тогда на таймене. Только сперва ленка малосольного и водочки лучшей графинчик.

Тайменя я в первой жизни ловил на мыша, руки трещали пока выводишь, да и без сачка хрен возьмешь. Обычно, когда заглотнет приманку, слегка подтягивали к берегу и стреляли в голову. Выпотрошив, присолив его по разрезанному хребту и вывешиваешь за хвост на дерево - пусть обвянет, обдуются жирная рыбина. Из кусочка головы и подгрудных плавников тайменя сразу варишь уху, начистив в нее без экономии аж

четыре картофелины! И луковицу целиком в кипящее варево, чтоб удалить ее к концу безжалостно...

Воспоминания нагнали слюны, так что, тяпнув водочки, зажевал нежным, чуть соленым мясом ленка и с наслаждением опустил ложку в жирную уху с кусками бескостной рыбы, присыпанной поверху зеленым лучком. Уху тут подавали в старинной глиняной глубокой миске.

...Чуть позже, осоловевший от сытной вкуснятины, завалился в номере на широкую кровать и в полудреме задумался о житие в Англии. Насколько он знал в эти годы там еще не расчистилось от частых дождей небо, еще давили город туманы. Это уже в следующем веке, когда он бывал там туристом, солнечных дней стало больше. И единственное, что отравляло прогулки, - обилие черных тел, демонстрирующих свое пренебрежение к культуре и местному населению.

«А чё бы мне не поехать через Китай, - мелькнула на грани засыпания мысль. - Мао сейчас с СССР не очень-то дружит, зато к «проклятым капиталистам» лоялен. Валюта ой как нужна! Вот поездом Москва-Пекин и поеду, а на границе паспорт Великобритании предъявлю. Так и выскользну».

Поезд Москва - Пекин, так как был образован политическим решением самого высшего уровня, какое только возможно, закономерно отобрал транссибирскую корону флагмана сети у Владивостокского курьерского и получил №1/2. И сохранял номер первые годы, до 1961 точно.

Комплектовался поезд вагонами только высшего и среднего класса, плацкарта там не было. В спальных вагонах были умывальники и душевые, а также два вагона-ресторана (один из них играл по совместительству роль и вагона-библиотеки-читального зала).

Ещё при жизни Сталина, силами ЖДВ, с 1947 г. начала строиться трансмонгольская линия через Наушки - Улан-Батор, сокращавшая путь на Пекин аж на 1100 км. Достроили её в самом конце 1950-х, хотя к Улан-Батору линия подошла ещё в 1950 г. Так вот, после её пуска красные китайцы, уже имевшие определённые амбиции, сразу поставили вопрос о втором поезде на Москву. Поскольку линия через Харбин обслуживалась советскими бригадами, то монгольский маршрут по эквиваленту решили отдать китайцам. Пункт перестановки тележек был сооружён на китайско-монгольской границе.

24 мая 1960 года стартовал первый поезд (всего за полтора месяца до рокового шага советской стороны - внезапного отъезда советских специалистов из Китая).

Как писали в «Женьминь Жибао»: «На протяжении 50 лет этот известный всему миру «восточный экспресс» неоднократно становился свидетелем счастья и горя, печалей и радости, которые были в отношениях между двумя великими государствами – Китаем и Советским Союзом. Однако дружба и теплые чувства между народами всегда были на первом месте».

[1] Иоффе Сергей Айзикович родился 11 января 1935 г. в Смоленске. Детство Сергея Иоффе прошло в поселках довоенной БАМ, строителем которой был его отец. Школу и педагогический институт окончил в Иркутске. Работал на студии телевидения, в газете «Советская молодежь», на студии кинохроники, преподавал в университете. С ранних лет печатался в иркутских газетах и журналах. Автор поэтических сборников, трех книг литературных эссе о русских поэтах. В последние годы жизни Иоффе работал в жанре прозы. Реалистичны и проникновенны повести «Был человек» (1986) и «Любит, не любит...» (1993), которая издана посмертно. Скончался Сергей Иоффе 24 января 1992 г. в Иркутске.

[2] В феврале 1969 года бюро Иркутского обкома партии приняло постановление об идейно-политических ошибках, допущенных в альманахе "Ангара". Поводом к этому послужила публикация повести братьев Стругацких "Сказка о Тройке". Произведение это было признано идейно порочным и аполитичным, номера "Ангара" с повестью изъяты из массового библиотечного пользования и переведены в спецхран, а главный редактор альманаха писатель Юрий Самсонов освобождён от должности. Публикацией "Сказки" завершился недолгий, около двух лет, но, пожалуй, самый интересный период в истории альманаха, который сегодня называется "Сибирь".

*Разрешите обосраться
Ангел мой, Хранитель мой,
Лучше к Дьяволу податься
Мне с похмельной головой.*

*Что мне Ангелы? Пернатых
Что нудячут про мораль,
Бью по рожге я лопатой,
Глядя в Дьявола оскал...
В.Круковер*

Казалось бы, само восстание из смерти в другом теле могло научить меня верить чудесам. Но все равно, столкнувшись с ирреальной проблемой я растерялся.

А вы не растерялись бы, если перед вами возникла прозрачная стена, которую нельзя преодолеть. Не твердая, а тормозящая, «замораживающая» все попытки двигаться вперед. Нечто, в чем вязнешь, как в дегте.

Но... по порядку.

Вечером я осознал свою ошибку в крупной взятке администратору гостиницы. Ко мне начали ломиться шлюхи и мошенники. Звонили по телефону, нагло стучали в дверь. Вершиной подобного нашествия явился старшина милиции, который сперва подослал ко мне девчущку (она тот час начала раздеваться и осторожно рвать над грудью блузку), а потом явился самолично, предъявив обвинение в насилии над несовершеннолетней.

Старый, как мир, прием. Исполненный грубо, бесцеремонно.

- Ты бы, старшина, сперва уточнил, кто тут проживает, прежде чем разводом на бабки фраера, как ты вообразил, ушастого заниматься, - сказал я, не вставая с кресла и созерцая над собой его жирное потное пузо в прорехе фирменной рубахи. – Ты бы, падла курчавая, сперва подумал, прежде чем ко мне соплюшку эту подсылать! - И я предъявил ему свой аглицкий пачпорт «с двуспальным андийским левою». – Ты хоть понимаешь, старшина, что тебе будет за попутку обокрасть иностранца? Да что там обокрасть – ограбить!

В этом времени в провинции СССР еще боялись иностранных граждан. Наверное потому, что знали – за каждым незримой тенью находится недремлющее КГБ.

Толстый мент (именно мент, а не милиционер) в буквальном смысле пал на колени. И взмолился о пощаде, не преминув с сельской хитрости спросить:

- А чего, как русский, регистрировались.

- Так я и есть русский, дурилка картонная (интересно, кино про Горбатого уже сняли), я просто очень большой начальник и у меня два гражданства: российское и английское. Вот сейчас еду в Китай, а в Иркутске остановился город поглядеть. Вот теперь доложу в министерство, что милиция в Иркутске грабежами гостей города занимается. Как твоя фамилия, не расслышал?

- Я не говорил! – подсвинком взвыл толстяк. – Я прощения прошу, не подумал!

Выспроводив толстяка я принял душ и пошел завтракать. Благо, ресторан для жильцов работал с утра, а не с двенадцати, как большинство в СССР, и работал по ценам обычной столовой. Я не стал выкобениваться и взял завтрак №2: омлет с судаком в томате и крепкий чай с ромбобой. Чай принесли в аккуратном чайнике вместе с красивой чашкой местного – «Хайтинского» фарфора. Знаменитого, кстати. А фабрика эта на речке Хайте умрет после перестройки меченого. Я, кстати, в школьные годы, в ихнем пионерском лагере летом подрабатывал инструктором по плаванию (была такая должность для комсомольцев старших классов с зарплатой в 73 рубля и бесплатным питанием (и отдыхом)). Я проводил утреннюю зарядку для всех отрядов и во время купания отвечал за надзор с малышами. Хотя утонуть в огороженном мелководье было трудно, да и пионервожатые с воспиталками наблюдали за своим отрядом.

...И пока шел к своему прошлому дому, где моему телу уже 18 лет, все погружался в воспоминания. Школьные, новогодние, первомайские, дворовые. У одних память сохраняет только хорошее, у других – в основном плохое. Я из первых. Дворы в те времена, в те послевоенные годы, да и позже – до восьмидесятых, очень много значили для детей, живущих в окружающих домах. Именно там формировались истинно социальные отношения. Вот и сейчас, когда я зашел в свой двор через проходной подъезд улицы Марата, там кипели ребячьи страсти. Мальчишки играли в прятки «С колом». Перед началом игры все «канаются» на палке, и чья рука оказалась вверху, тот и "вода". Потом берут кол длиной 1-1,2 м и забивают его камнем или доской в землю. Каждый игрок, кроме "воды", бьет по колу один раз, а последний игрок - пять раз. Потом все разбегаются и прячутся, а "вода" вытаскивает кол. После того, как вытасчен кол, он идет искать игроков. Кого найдет первым, тот становится "водой", и игра начинается сначала. Спрятавшиеся игроки могут, в то время пока нет водящего возле кола, подбежать к нему и снова забить кол в землю. После чего желающие перепрятываются, а водящий снова вытаскивает кол из земли.

А недалеко, прямо напротив гаражей, девчонки резались в лапту – предтечу американского бейсбола. (Лапта — русская народная командная игра, в которой используются мяч и бита. Это очень древняя игра. Археологи находили мячи и биты, датируемые XIV веком при раскопках Новгорода. Упоминания о лапте встречаются в памятниках древнерусской письменности. У игры на Руси было множество названий: «Шибка», «Битка», «Хлопка», игра «в беглые», «в шары». Существовало и множество разных правил игры в лапту. Эта забава была чрезвычайно популярна. В других странах были игры похожие на лапту»).

Я высмотрел у черного хода второго подъезда лавочку и уселся, созерцая. В этом времени мужчина, наблюдающий за детьми, еще не вызывал ассоциации с педофилами. Вообще никаких грязных ассоциаций не вызвал. Да и двери в сквозных подъездах были по теплой погоде нараспашку. Я бывал в Иркутске в 1992 году и заходил во двор. Вместо площадки для игр с качелью, беседкой и песочницей вырос еще один пятиэтажный дом, а во дворе не было ни единого ребенка, зато семейство гаражей разрослось до безобразия. На подъездах висели металлические двери, окрашенные унылой шаровой краской и они перестали быть сквозными – черный ход был заделан железным щитом.

Вышел я! Еще подумал – какой тощий. Сделал шаг от скамейки, прикидывая как начать беседу. Скажу, наверное, что знаю – у тебя в ящике с шахматами и книгами лежат заныканные две бутылки с абрикосовым ликером, а ты тайком от мамы к ним прикладываешься...

Сказать ничего не успел – увяз. Мироздание разрешила философскую проблему – «Парадокс убитого дедушки». Русский физик Игорь Дмитриевич Новиков еще в 1970-х подогнал целую научную базу для объяснения этого парадокса. Согласно его объяснению, существуют так называемые геодезические кривые времени, которые не позволят путешественнику нарушать какие-то ни было причинно-следственные связи. Путешествие будет возможно только в той области, где существуют эти кривые. Благодаря замкнутым кривым времени, события в прошлом будут цикличны и не смогут повлиять на настоящее. Короче говоря, убить дедушку будет попросту невозможно.

Что делали бы вы, если перед вами возникла прозрачная стена, которую нельзя преодолеть. Не твердая, а тормозящая, «замораживающая» все попытки двигаться вперед. Нечто, в чем вязнешь, как в дегте. Но самое удивительное, что мое барахтанье никто не видел, будто эта преграда еще и скрывала меня.

«Судьбу не изменишь! – с сердцем прошептал я. И отправился на трамвайную остановку. – Нечего мне в Иркутске памятью сердце травить, поеду в Лондон через Китай.

- Разрешение на выезд и загранпаспорт, - сказала кассирша.

- Нет необходимости, я – подданный Великобритании, протянул я паспорт. – Мне просто на границе штампик поставят.

- Вы, однако, хорошо баετε по русскому.

- Так я и есть русак, просто у меня двойное гражданство.

- А так бывает?

Ох уж этот сибирский говорок с экономией гласных !

- Бывает, бывает. Ну так что с билетом?

- Сейчас старшего вызову, однако.

Пришел старшой. Посмотрел мой паспорт и принял Соломоново решение – «нехай с ним на границе разбираться». Ну не любит сибиряк гласные.

А я, напротив, задумался: у меня же въездной в СССР визы нет. Такой паспорт может вызвать лишний интерес, звонок в Москву, доклад моему куратору КГБ... На конце цепочки сам Хрущев. Упрячут в психушку или этапируют в Москву...

- Вы знаете, я передумал. Дайте мне до Улан-Батора билет. Я, видите ли, турист.

Монголия в гораздо большей степени, чем Болгария, заслуживала право называться «16-й республикой СССР». Там всё было советское на каждом шагу, и виды Улан-Батора 1960-х вполне могли бы сойти за Улан-Удэ.

- Поезд через неделю будет, Пекинский. СВ брать будете с доплатой?

- Через неделю... Простите, а самолет туда летает из Иркутска.

- Откуда же я знаю? Вон авиа касса в углу, там спрашивайте.

Переместился. Оказалось – летает часто. В Пекин с посадкой в Монголии. Понадеялся что на этом маршруте контроль будет не таким строгим, взял по английскому паспорту билет на редкий в этом времени маршрут ТУ-104, самолет без пропеллера, на котором многие летать боялись. Рейс на завтра в 10-30. Поехал обратно, уже не на трамвае, а на «Победе» - такси взял. Доехал до центральной площади, сошел, сунув таксисту трешку (на счетчике было рубль тридцать). Решил прогуляться.

Центральная улица Карла Маркса. Кинотеатры Художественный и Гигант, в вестибюлях играет музыка небольших оркестров, работают буфеты, в Гиганте даже есть пиво Жигулевское. Ресторан Сибирь, паршивый, как помнится. По правую руку редакция «Советской молодежи», в которой публиковал свои ранние опысы. Сейчас редактором,

вроде, Леня Ханбеков. Его потом в Москву переведут в СК ВЛКСМ. Решил зайти, но дорогу преградила прозрачная силовая стена. Не положено! Мироздание рушить не гут!

Плюнул в это ограничение и поворотил обратно. У Гиганта мне всучили за два рубля билет за полста копеек на крутую картину: «Великолепная семерка». Зашел, выпил в буфете коньяку, взял стаканчик пломбира, прошел в зал. Интересно, билеты проверяют только перед залом, а в вестибюль заходи, кто желает. Ну что ж, до сих пор голливудский боевичек производит впечатление. На животном уровне. На «Семь самураев» небось, так толпа не ломилась! Что-то я брюзжу. Совсем нервы ни к черту! Пока брел домой услышал разговор:

- А он как побегит, побегит и прямки – в маГАЗин!

Примечание: Громыко действительно ездил инкогнито к Мао Цедуну, но в 1959 году.

Цветет монгольская твердыня.
В цветущий край летят шмели,
И птицы свищут над ирисом.
Монгола пастбища вдали,
Блистают юрты белым плисом.
Степь пахнет пряным чабрецом,
На солнце греет лапки суслик —
Предстала степь перед творцом
И Керулен течет по руслу...
Довженко Николай

Перрон вокзала встретил меня пожилой монголкой в национальном костюме, которая, присев, справляла малую нужду прямо перед вагоном. По серому асфальта растеклась желтая лужа, а бесстыдница, подтянув штаны и оправив юбки, почапала по своим делам. Как выяснилось, прямых рейсов до Англии тут вовсе нет. Лететь с двумя пересадками, причем одна – в Турции, не хотелось. Поэтому решил доехать до Пекина, а уж оттуда махнуть в Лондон. Вспомнил, что Улан-Батор показался английскому писателю Пол Терру русской военной базой посреди Азии. Поэтому гулять даже по городу не стал, а сразу на такси - на вокзал, если это убогое, хоть и асфальтированное пространство с хилыми деревянными сараюшками, можно называть вокзалом.

Я до сих пор толком не отошел от таможенного контроля в Иркутске и теперь был той самой пуганой вороной, что куста боится. Слава тебе, Господи, что все же провинциальная робость перед иностранцами помешала таможеннику связаться с руководством. А комитетчик – смуглый выпендренчик в обычной для Иркутска форме гражданской авиации, больше старался произвести впечатление на молоденькую билетершу, да и английского похоже толком не знал. Так что мой паспорт проканал (не вызвал подозрений) и без въездной визы, а я все разговоры в аэропорту вел только на английском.

Сел в самолет и сидел сжавшись, все боялся, что рейс застопорят. Будто, черт побери, в первый раз за границу лечу.

Ну да ладно, главное не опростоволосится в Монголии, которая нынче полностью зависит от России-спасительницы от япошек с китайцами. А вот в Китае встряхнусь уверенней, ибо у Мао Цедунa сейчас с Хрущевм напряженные отношения. Так что, опять люкс фирменного вагона в поезде Москва-Пекин, ресторан в соседнем вагоне, но уже, наверное, без ромовых лакомств. Но я сыт. Вполне прилично кормят в полете, хотя и летели чуть больше часа. А подавали в просторном салоне ТУ-104 (пассажиров немного, кресла расставлены свободней, чем в 2000 годах, курить разрешено) половинку жареной курицы, масло в упаковке, салат, кусочек ветчины и горстку черной икры, хлеб в упаковке белый и черный, томатный сок в нормальном (не пластиковом, коих в этом времени, слава Богу, нет) и сто грамм коньяка или стакан вина по желанию, но бесплатно.

Икра не поразила, ибо видел уже в гастрономах: икорка красная или черная стояла в стеклянных баночках прямо на прилавке, имелась в продаже в больших жестяных банках и продавалась на развес.. Она не считалась продуктом дефицитным и позволить ее себе мог практически любой работающий гражданин.

Продукт попросту не покупали, не считали его чем-то особо ценным. Черная стоила около 4 - 5 рублей в зависимости от региона и сорта. Приобретали ее на закуски к праздникам или завтраку простые советские граждане и студенты, при этом ажиотажа не наблюдалось. Красную покупали реже, она была на любителя, но раз в год приобреталась практически всеми весной к масленичным блинам. Стоила дешевле черной примерно на треть.

Первое время просто лежал в своем купе, изредка меняя позу и попивая сладкий и ароматный чай из стакана в мельхиоровом подстаканнике. Потом надумал размяться и в вагоне чуть не столкнулся с мужиком в фиолетовой, явно не советской пижаме. Его лицо показалось знакомым, но лишь в своем купе я, листая обязательную в этом поезде газету «Правда», я синхронизировал его с образом на фото. Андрей Андреевич Громыко – единственный из российских и советских министров иностранных дел, прослуживших на этом посту почти тридцать лет. Имя его гремело не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. В годы войны с фашистами при участии Громыко, была задумана Организация Объединенных Наций, а его подпись стоит под ее Уставом. Молодой аспирант экономических наук был переведен в Наркомат иностранных дел СССР в 1939 году в то время, когда в результате репрессий был уничтожен практически весь свет советской дипломатии. Молодой человек с экономическим образованием из белорусской глубинки практически сразу получил ответственный пост заведующего Отделом американских стран. Для того, мягко говоря, непростого времени это был невероятный скачок по карьерной лестнице. Почти сразу последовал вызов в Кремль, где Сталин в присутствии Молотова назначил Громыко советником посольства в США и одновременно посланником на Кубе...

Но почему он едет в этом поезде совершенно один, без обычной министерской команды. То, что министр практически и без охраны, не удивило – в этом времени и Хрущев гулял практически без видимой охраны. Я вновь вышел в коридор, откинул мягкое сидение у окна и присел, глядя на унылую монгольскую степь. Да, напарник у министра есть, ведут себя, как коллеги, чиновники среднего звена. Не удержался, окликнул:

- Андрей Андреевич, простите, какими судьбами?

Он сразу посерьезнел, прогулку прекратил, напарнику явственно мигнул, присел на соседнюю сидишку.

- Как вы меня узнали?

- Ну, не узнать вас советскому человеку где-то даже позорно. В нынешнем правительстве интеллигентные люди в редкости.

Разговорились, даже в ресторан пошли вместе – пивка попить. Оказалось, что министр едет на встречу с Мао инкогнито. Он сам сказал, когда узнал, что я английский богатей. Оказывается, слышал краем уха про мой конфликт с Хрущевым...

- Советское руководство приняло решение, - сказал он, - чтобы я, как министр, поехал в столицу Китая и побеседовал с Мао Цзэдуном по ряду вопросов, особенно в связи с напряженной обстановкой, которая сложилась тогда в отношениях между США и КНР из-за расположенных у побережья Китая островов. Китайское руководство охотно согласилось на этот визит. Езду я в Пекин инкогнито, то есть без объявления об этом через средства

массовой информации.

И добавил:

- Никиту Сергеевича, как я думаю, должны скоро снять с должности, пока еще каких дел не наворочал. Это ж надо, испортить отношение с наследником иноземной промышленности! Похерить отношения с возможным товарным коллегой в самой Англии, которая не слишком дружественна к нам из-за нашей растущей экономики. А как вам удалось выбраться?

- Ну кто будет задерживать, ведь мне гражданство Великобритании дали, как и паспорт соответствующий. Я нынче не совсем советский. (А сам подумал, что зря разоткровенничал: запрут меня в бригадирском вагоне, да вернут в столицу в кандалах).

Но Громько, вроде, не полагал удерживать меня, а напротив – предвкушал обновить торговое сотрудничество через связь с богатым наследником.

Незаметно разговор перешел на личность главы Китая.

- Мао Цзэдун уважает равного собеседника, - сказал Андрей Андреевич. Но когда дело доходит до острых вопросов политики, то у него на лице появляется маска. На моих глазах в Пекине он просидел весь обед рядом со своим главным гостем – Хрущевым, сказав не более десятка протокольных слов. Мои усилия и в какой-то степени усилия китайского министра Чень И положения не выправили. Мао даже план на случай ядерной войны с Америкой разработал. Если США нападут на Китай, китайские армии должны отступить из периферийных районов в глубь страны. Они должны заманивать противника поглубже с таким расчетом, чтобы вооруженные силы США оказались в тисках у Китая. А Советский Союз не должен давать на ее начальной стадии военный отпор американцам основными своими средствами и таким образом не мешать им проникать все глубже внутрь территории китайского гиганта. Лишь затем, когда американские армии оказались бы в центральной части Китая, СССР должен их накрыть всеми своими средствами.

Громько оказался не просто образованным человеком, но и разносторонним. Он разбирался в опере, в театральных постановках и даже брался судить о средневековой поэзии. В частности, ему нравился Франсуа Вийон – великий поэт, вор, преступник, авантюрист. Благо, я знал некоторые стихи этого французского проказника и с гордостью прочел его Балладу поэтического состязания в Блуа:

От жажды умираю над ручьем.

Смеюсь сквозь слезы и тужусь, играя.

Куда бы ни пошел, везде мой дом,

Чужбина мне — страна моя родная.

Я знаю все, я ничего не знаю.

Мне из людей всего понятней тот,

Кто лебедицу вороном зовет.

Я сомневаюсь в явном, верю чуду.

Нагой, как червь, пышней я Всех господ.

Я всеми принят, изгнан отовсюду...

Если тебя выбрали королем, а корона оказалась велика, то сначала она упадет тебе на глаза... И ты ничего не увидишь! Потом она опустится на уши... И ты ничего не услышишь! Далее она сползет на уста... И ты ничего не сможешь сказать! В конце концов она упадет тебе на шею... И станет тебе ошейником, за который тебя твои же рабы поведут на казнь! И ты все будешь видеть, все будешь слышать, и все сможешь сказать... Но тебя уже никто не будет слушать и тебе нечего будет сказать!

(с) Макиавелли Никколо

Лязгнув буферами поезд окончательно остановился у первого перрона. Китайский вокзал оказался нарядным, но в целом, несмотря на обилие бумажных фонариков и кумачовых лозунгов, Пекин выглядел бедным. Конечно, до промышленной революции в этой стране еще далековато. Но в будущем мы их железным дорогам будем завидовать...

Я сказал: «мы», по-прежнему причисляя себя к советским. А я ведь уже английский подданный. И пока правят коммуяги, мне в Россию ходу нет. Конечно, есть робкая надежда на Громыко, который жаждет торговать с Великобританией, но надежда эта более чем робкая. Кто там придет вместо Хруща? Брежнев? Тот еще перец, подпевала более влиятельным, а во второй половине правления – полный овощ.

С Андреем Андреевичем мы тепло распрощались еще в поезде. А у вагона его приняла влиятельная группа представителей Мао. Так что по привокзальной площади я брел один, стараясь не потерять себя в невероятной толкотне китайского быта. Хотя и был голоден, но заглянул на привокзальный базарчик, откуда доносились аппетитные запахи жареного мяса.

И сразу убрался оттуда, сдерживая рвотные позывы. Очень уж ударили по нервам жареные собачьи тушки на одном из прилавков, от которого шустрый торгош быстро отрезал куски для желающих полакомиться.

Вспомнил, что узкоглазые еще и кошек хавают! Моя неприязнь (еще с первого бытия) к азиатам еще более укрепилась. Она росла в Иркутске после общения с бурятами, которые культурой не отличались. Помню, препод в универе, кандидат мать его, вел у нас основы журналистики и требовал его лекции учить наизусть. Тем, кто отвечал близко к его компиляциям, представляющих ту самую убогую диссертацию, ставил зачет. Достаточно было перед экзаменом прочитать конспект. А вот меня, учившегося заочно и не знавшего особенностей общения с преподами, выставил за дверь.

Я сказал ему:, что «зарисовка – это обобщение фактов и описание обстановки. Исходя из названия, можно догадаться, что такого рода журналистские тексты не обладают глубиной, завершенностью и аналитическими размышлениями, как и наброски художников...»

А он:

- Вы не читали мои лекции. Выйдите за дверь.

Я с-сука уже второй год работаю в газете профессионально, а тут какой-то фраер...

Вышел, попросил студентов конспект, читаю: «Зарисовка, однако, это один из художественных жанров журналистики, который отличается образностью. Однако зарисовка не имеет столь информативного значение, как информация ил статья...»

Вернулся, процитировал. Получил зачет...

А еще наши буряты собирались около танцплощадок в парках и водили хоровод, причем

парни громко пукали. А того, кто громче перднет, девушки из внутреннего круга терли носом. У них поцелуи так толком и не вошли в обычай – трутся своими короткими носопырками друг о друга, как и многие северные народности: нанайцы, долганы, нганасаны, якуты...

Все дело в том, что в СССР малые народы продвигали. Хотя профессоров из них выходило немного, а вот кандидатов и замов в учреждениях было полно. Особенно в районах близких к автономным областям...

Но эти северные люди хотя бы не едят кошек и уважают собак, дорожат ими. А в Китае есть специализированные фермы, где животных разводят и откармливают на убой. Иногда мясо отправляют на фабрики для производства колбас. Есть в Китае и рестораны, специализирующиеся на приготовлении кошатины. Одним из самых вкусных блюд считается «Бой дракона, единорога и тигра» (среди дополнительных ингредиентов — мясо змеи и собаки). В книгах рецептов Кантонской кухни раскрываются секреты приготовления кошачьего мяса. Несчастных варят в кипятке живьем, предварительно содрав шкуру или переломав кости. Повара считают, что от страданий вкусовые качества мяса улучшаются. А ещё в Китае верят, что, употребляя кошек в пищу, можно побороть астму и туберкулёз. Деликатесом такое мясо не считается и стоит недорого — около 20 юаней за килограмм. А вот внутренние органы ценятся выше: кошачьи мозги — 60 CNY/кг, кишечник — 100 CNY/кг.

Сие, на мой взгляд, не только отвратительно, но и ведет к деградации нации. Понимаю, в прошлом народ постоянно голодал и привык есть все, что шевелиться. Включая насекомых. Не зря их сравнивают со саранчой. Но нынче в 1961 году голод он государства отступил. Есть даже общественные столовые. Впрочем, они в следующем веке останутся рабами духа с оберегаемыми гнусными традициями. И никакие чудо-пианисты или спутники вокруг темной стороны Луны не исправят общую порочность народа.

Но я уже и доехал, не заметив дороги, до аэропорта Beijing Capital International Airport который начал свою работу в марте 1958 года и на тот момент был единственным центром для обслуживания полетов во всей стране. Убогий такой аэропорт: одно небольшое здание терминала, которое сохранится и до нового века, но станет шикарным для пассажиров VIP. Впрочем, меня не интересовали удобства. Было стремление побыстрее попасть в Лондон. Хорошо, что вылет английского лайнера был через два часа. Повезло. Лететь предстояло авиакомпанией BEA, которая выполняла рейс на турбореактивном самолете de Havilland DH.106 Comet 4B G-APMD, в переводе - "Комета" по маршруту Лондон – Пекин. Это был поистине революционная машина, летавшая в полтора раза быстрее лучших поршневых авиалайнеров. Однако, как это порой бывает, первенец получился далеко не идеальным, наш ТУ-104 считался более надежным в мире реактивной пассажирской. Но и его со временем опередит американский Боинг[1].

Я купил, естественно, самые дорогие билеты. Места оказались буквально за кабиной пилотов, а общий салон мне, после полета на советских самолетах, показался очень тесным. Капитализм умеет считать выгоду.

Зато на вип-местах было нормально. Кресла раскладывались в кровати, выдавались подушки, а после набора высоты стюард предложил виски или французское шампанское, тарталетки с красной икрой и вареную индейку со спаржей.

Встроенные в кресло наушники передавали приятную музыку. Так что, поев и выпив вискаря я задремал. Ощутил лишь, как стюард накинул мне на ноги плед.

...А когда проснулся, лететь еще оставалось не менее семи часов. Ну так почти 15 часов проспав в самолете я смог бы только напившись до синих соплей. Мало того, что потряхивает, так и гул реактивных сопел все равно слышен, несмотря на удобные места впереди.

Подошел стюард (на рейсе сплошь мужчины, не пришло еще время девушек, да и пассажирская авиация для многих не повседневность, а романтика и риск), спросил:

- Would you like to have a bite? (Не желаете ли перекусить?)

Ответил, что желаю, но попозже. Через часик. Спросил, не помогут ли мне связаться с администрацией завода, недавно умершего господина Шепард[2].

- I his nephew. Heir. (Я его племянник. Наследник.)

Тут же включилось уважение к успешным гражданам великой Великобритании. Просьба была продублирована пилотам, радист передал сообщение и вскоре сам капитан воздушного судна сообщил, что администрация фабрики оповещена – «You will be met in the third terminal (Вас встретят в третьем терминале).

Успокоенный я решил пройтись по авиалайнеру. Тем более, что и надо было оправиться. Что ж, в высшем классе для пассажиров и туалет был отдельным, ничем не превосходящий те, к которым я привык в прошлой жизни. Зато для пассажиров общего салона крутили кино. Чудо фильм про первопроходцев, осваивавших дикую природу Америки, под названием The Yearling, рус. дословно — «Годовальй» или более известный, как «Олененок») — американский детский фильм 1946 года. Экранизация одноимённой повести Марджори Роулингс (англ.), обладатель двух «Оскаров» и одного «Золотого глобуса». Несмотря на время съемок – цветной!

Присел, благо мест в общем салоне полно. Хоть и смотрел в прошлой жизни, но смотрел с интересом, сопереживал. Заодно и аппетит «нагулял»

На первое был томат паста суп в чашке, а на второе бедро курицы зажаренное без костей. Ну и салат, и бокал красного вина (неплохого), и соус в отдельной посуде. А вот хлеба один тоненький кусочек. Англичане, что с них взять.

А потом опять вздремнул и на посадку шел бодрый, побрившийся (станком в тесном туалете – потом узнал, что стюард мог побрить прямо в кресле), с щекой в газетной наклейке на порезе. Но не Известия, как в СССР, а Дейли Миррор, первой газетой по будням разошедшейся тиражом в миллион экземпляров еще в 1911 году....

[1] Компания Boeing была основана в 1916 году, когда американский лесопромышленник Уильям Э. Боинг основал компанию Aero Products Company в Сиэтле, штат Вашингтон.

[2] Шепард: Профессиональное название, означающее «пастух, пастух овец», от древнеанглийского sceaphyrde.

*В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.*

*А для низкой жизни были числа...
Николай Гумилев*

Миновав два государства я не смог зайти на собственный завод, на наследную фабрику. Не пустила охрана.

Оказывается, я имею право пока распоряжаться счетом в банке и несколькими домами в Лондоне, в США и в Италии. Ну и личной яхтой в порту. И даже доходами от производства. А вот для проникновения на фабрику, где в числе прочих выполняют военные (секретные) заказы, должен пройти дополнительную проверку и получить согласие экспертов Службы безопасности (MI5).

По поводу изготовления инвалидной технологии меня пригласили в следующий день на Совет директоров, который проводится не на фабрике (по причине её недоступности для хозяина), а в шикарный ресторан, который в этот день будет обслуживать только нашу группу.

Ну а пока повезли вступать во владение особняком.

Скромным таким, на собственной земле (кусочек земли в 5 гектаров Виндзорского парка), где неподалеку стоит знаменитый замок королевы Елизаветы. Сказали, что место чудное, заповедное и что у меня мимо дома ходят непуганые олени. Лопухи, мол, диаметром 3 - 4 метра, речка течет, где можно рыбу ловить. Ну и домик небольшой – всего 13 туалетов. Да еще гараж и гостевой домик.

Я подумал, что надо еще баньку построить, русскую! Слуги, вроде, приходящие, но основной костяк тут живет, с черного хода их комнаты расположены. Вот они выстроились перед парадным подъездом. Предупреждены, хозяина встречают. Слуги – это те, кто в синих рабочих костюмах или в ливреях. А те кто просто в костюмах – охранники от слуг отличаются кнопкой микрофона в ухе. А впереди на лихом коне... фу – пешедралом сам «Butler» - дворецкий, батлер – главный лакей!

В доме я бегло взглянул на свой кабинет (стены - темное дерево, стол на львиных лапах и виндзорские стулья и кресла – пожалуй, самый английский из всех типов мебели. Только перед камином стоит полу-кушетка, даже на вид удобная), а библиотеку, малую и большую залы и прочие отсеки двухэтажного полу-замка не стал осматривать. Усееется. А вот в гараж пошел с удовольствием. Какой мужик откажется посмотреть винный погреб или гараж (кстати, винный погреб имелся, о чем узнал позже), традиции для бриттов священны.

Интерес представляли семейные автомобили - это интригующий взгляд на богатство автомобильной культуры Британии. Кстати, шестидесятых подъездные дорожки британских домов выглядели совсем по-другому - на них не было автомобилей с датчиками парковки, информационно-развлекательными системами или активно-гибридными двигателями. В то время в них доминировали автомобили Austin, Ford, Standard, Hillman и Morris, о чем с любовью вспоминает мой батлер Билл Джонс. И продолжает рассказ:

- Это был период, когда Британия все еще считала, что производит лучшие автомобили в мире, и изо всех сил пыталась смириться с тем, что ее золотой век закончился. Ford гордился тем, что его Anglia была широко принята в качестве патрульной полицейской машины (см. фото).

- Эх, - вздыхает он, поглаживая пышные бакенбарды, - многие старые британские марки исчезли в этом десятилетии из-за постепенно растущего импорта. Но смотрите, эти чудесные машины берег ваш дядюшка. Вот это - Buick Special 1952 года, 190 лошадей под капотом. А рядом - Cadillac Eldorado 1954 года. Его зовут «автомобиль миллионеров». По легенде, в мифической стране Эльдorado спрятаны сокровища. И конечно Cadillac Eldorado 1961 года, 240 лошадиных сил, представляете. А едет бесшумно!

- Это хорошо... - вспомнил я приверженность знатных англичан к собаководству. – А псарня где?

- Не любил ваш родич животных. Кота и того от его взгляда слуги прятали, а кот – мышелов знатный.

- Это дело мы поправим. Скажи, как там в Восточном Лондоне – очень плохо? Сильно кризис ударил по простому народу?

- И не говорите, кошмар!

С утра подготовь мне фотографа и охрану, поедем смотреть. А вечером у меня встреча с Советом директоров в Simpson's. Я в традиционных модах не очень разбираюсь, скажи портному, чтоб все подготовил для строгого ужина.

Суэта стихла к вечеру. Портной снял мерки. На ужин подали бекон с яйцом и какао с круассаном. Мою кровать под балдахином согрели грелками (в спальнях Англии традиционно не топят), но я долго не мог заснуть. Ворочался в несомненно очень мягкой перине, как принцесса на горошине, вставал, бродил по кабинету, бесцельно трогая стол и панели, пару раз сходил в туалет, благо дверь в него рядом с кроватью.

Наконец не выдержал, назвал кнопку вызова дежурного лакея (valet de chambre... камердинер) и попросил горячего грога. Выпив полкружки ароматного напитка как-то успокоился и сладко заснул, разбросав подушки.

*Так начинается голод:
с утра просыпаешься бодрым,
потом начинается слабость,
потом начинается скука,
потом наступает потеря
быстрого разума силы,
потом наступает спокойствие.
А потом начинается ужас.*

Даниил Хармс

Общеизвестен тот факт, что в Англии нет своей высокой культуры еды. Англичане любят сэндвичи с майонезом, рыбу во фритюре с жареной картошкой, мясную запеканку и многие другие блюда с большим содержанием вредных жиров. Я бы даже сказал, что это крестьянская простая еда и подаётся она в традиционных пабах на каждом углу. Своеобразный местный Макдональдс для крепких желудков. Ужин в шикарном ресторане подтвердил это.

Знаменитый Simpson's с поразительной частотой упоминают и показывают в исторических костюмированных постановках BBC. Раньше туда заходили Чарльз Диккенс, Артур Конан Дойль, Бернард Шоу и многие другие знаменитости своего времени. Он открыт с 1828 года и долгое время был знаменит благодаря клубу по шахматам. Подходя к ресторану, вы как раз увидите на вывеске изображения мозаичных шахматных фигурок.

Ресторан находится недалеко от станции метро Covent Garden, рядом с отелем Savoy. В основном его посещают пожилые англичане, местная интеллигенция, послы и некоторые туристы.

Именно в этом месте стоит попробовать мясо. Его торжественно вынес повар в высоком накрахмаленном колпаке и на серебряном блюде нарезал тонкими безупречными ломтиками у нас на глазах.

Я толком и не успел разглядеть членов управления моей фабрикой. Большинство, естественно, инвесторы, ждущие только прибыли на свои акции, но есть и работники командного аппарата. Главный бухгалтер Смитт Ватсон, главный инженер Рауль Дисседорф и заместитель директора – он же Председатель Совета директоров сэр Пауэр Джонс.

А рядом со мной восседает тощий секретарь Совета – юрист фабрики господин Голлагэр Эллис. (Запомнить бы все эти имена?)

Разговор по делу не ведется. Еда – дело святое, традиции.

Наконец следует неизменный пудинг. Наверно, все помнят: «Алиса, это пудинг! Пудинг, это Алиса». Как и традиционная овсянка, пудинг — наиважнейшая часть кулинарной культуры Англии.

Вообще, классический пудинг — это микс из объедков, закреплённый яйцами и топлёным маслом или жиром. Как и многие в разных культурах традиционные блюда он возник из кухни небогатых слоев населения. Подобно венгерскому супу-гуляшу, луковому

суп из Франции, паэлье — из Валенсии, польского бигоса или швейцарского фондю... Крупяные, овощные, мясные и, наконец, эффектный рождественский плам пудинг.

Нам подавали Йоркширский (Yorkshire pudding). Он готовится из жидкого теста одновременно с ростбифом. Форму для пудинга ставят под решётку, на которой готовится мясо. Когда форма наполнится жиром, стекающим с мяса, в неё выливают тесто и дают запечься около двадцати минут.

Ну а потом за кофе и коньком потек неспешный разговор. Учитывая, что часть важных господ курила сигары, Голлагэр Эллис – трубку, сэр Пауэр Джонс тоненькие папироски, я с остатками московской «роскоши» – болгарской Шипкой выглядел странно.

- Когда у вас экспертиза? - принижающе спросил один с густыми баками.

- Это вы не беспокойтесь, - ответил я развязно. – Я фабрикой и без визита в цеха способен руководить. Независимые экономисты подсчитали, что с освоением производства модернизированных мной костылей, прибыль фабрики вырастит на двенадцать процентов. Уж не говорю, об рейтинге и выходе на иностранных инвесторов. Уверен, наши американские друзья не обойдут вниманием эту золотую жилу. Так что я подумываю о строительстве отдельных цехов в Восточном Лондоне.

- Вы окончательно порвали с совет юни? – спросил кто-то с двумя подбородками и обкусанной сигарой.

- Уж коли я по воле судьбы и моего родича я стал бизнесменом, то предпочитаю отделять политику от деловых интересов. Говорил с мистером Громыко на эту тему, мы с ним в Китай в одном поезде ехали. Он будет лоббировать торговые контакты с Великобританию и с моим производством тоже.

- Тем более, что нам надо отмыть грязь, ведь фабрика моего дядюшки поставляла в войну фюзеляжи для ФАУ, которыми, кстати, фашисты потом бомбили Лондон. (Об этом на прошение и поведал мне министр). Буде новость проникнет в СМИ, ваши акции можно выкидывать в мусорный бак. Но, - я поднял руку и глядя на напряженные лица советников, добавил, - *Actions speak louder than words* (судят не по словам, а по делам). По этому выпуска костылей и продажи их инвалидам войны по сниженным ценам недостаточно. Нам нужно уже завтра проявить благотворительные шаги, показать заботу о простом человеке. А для этого коллективно при поддержке ведущих СМИ приехать в Восточный Лондон и заложить основу для открытия нескольких бесплатных столовых и пары магазинов по продаже поддержанной одежды и товаров первой необходимости. Своеобразный *second hand* — вторая рука. Вот взгляните, я вчера сделал там фотографии. Так мне стыдно, поверьте, садится за стол в малом зале ужинать. Кусок в рот не лезет.

Восточный Лондон в 1960 годах действительно поражал: безработица, бедность и бесконечные стройки. Я сразу решил в это нищету вложиться, разгрести... помочь людям. Они ведь на всем земном шарике почти одинаковые. И чем английские дети хуже русских? Вон, в СССР голода давно нет, а тут голодают конкретно живые люди!

Мне, кстати, удалось почитать перед собранием. Узнал, что в советы директоров большинства корпораций Великобритании и США входят как "внутренние" члены ("инсайдеры"), так и "аутсайдеры". "Инсайдер" ("внутренний член") – лицо, либо работающее в корпорации (менеджер, исполнитель или работник), либо тесно связанное с управлением корпорацией. "Аутсайдер" – это лицо, напрямую не связанное с корпорацией или с ее управлением. Синонимом слова "инсайдер" может быть "исполнительный

директор", а синонимом слова "аутсайдер" является выражением "неисполнительный директор" или "независимый директор". Так что я уверенно сообщил, что инсайдерам я даю прямое поручение выделить средства и сформировать ответственных за организацию. Тут же выписал чек на крупную сумму, чем побудил аутсайдеров тоже раскошелиться. Чеки попросил взять Смитт Ватсона, а главного инженера озадачил выбором помещений и подбором бригад для ремонта и установки оборудования. Рауль Дисседорф попытался отговориться занятостью, но я это пресек.

- Рауль, дружище! Про ваш вклад в дело спасение голодающих в зарубежной печать напишут, кино в новостях покажут. Парламент, надеюсь, тоже не умолчит о наших достижениях – дело государственное.

Расходились, каждый садился в свой красивый автомобиль, который подгоняли шоферы в форменных фуражках к парадному входу. Я тоже сел и покатил в свой загородный дом, где олени щиплют траву прямо напротив окон. Невольно вспомнились стихи Хармса про голод. «Так начинается голод». И так же вспомнилось недавно прочитанное в свежей газете: «... Когда Дункан Смит выскользнул из парламента и приказал своему заместителю выступить вместо него, несколько членов парламента глумились и издевались над голодающими семьями, которые выживают за счёт благотворительных организаций. Консервативные задние ряды гудели и фыркали, когда лейбористка Фиона Мактаггерт (Fiona MacTaggart) рассказывала о потрясающих сценах, которые она увидела в местном магазине Tesco в Слау (на юге Англии): бедные люди дрались за еду по сниженным ценам».

Репортером эти выступления были названы «одним из самых позорных эпизодов, когда-либо происходивших в парламенте».

Кстати, для многих кажется нелепым, что, несмотря на так называемое богатые государства, впервые после Второй мировой войны, к Красному Кресту обращаются с призывом о продовольственной помощи для растущего числа голодающих семей англичане. Как сказала в Палате общин теневой министр по труду и пенсиям Рэйчел Ривз (Rachel Reeves): «Это сказка о двух странах: налоговые сокращения для богатых и продовольственные банки для бедных».

А в отношении торговли с немцами во время войны - так в моем времени открыто писали и в справочники внесли, что большинство государств торговали и помогали финансово.

Для людей интересующихся этой темой уже не секрет, что настоящая история Второй Мировой невозможна без освещения того, что Гитлера смачно спонсировали международные фирмы. Через нити банковских и промышленных корпораций западной Европы и США фашистская Германия получала огромные суммы денег на развертывание своей деятельности.

Когда американские солдаты в июне 1944 г. вторглись в Европу на джипах, грузовиках и танках, произведенных "большой автомобильной тройкой" в результате осуществления одной из крупнейших, когда-либо реализованных военных программ, они были неприятно удивлены тем, что противник также передвигается на грузовиках "Форд" и "Опель", изготовленных на 100-процентных дочерних предприятиях, принадлежащих GM, и летает на самолетах, построенных компанией "Опель!»

В интернете, тем кто интересовался, можно было получить алфавитный список фирм, помогавших нацистам. Например, основатель шведского мебельного концерна ИКЕА Ингвар Кампрад и вовсе значился в материалах полиции безопасности Швеции в начале 40-х годов

прошлого века как активный нацист.

Не всем потом будет интересно знать, что и СССР до самого начала войны поставлял в Германию множество товаров. Немцы отмечали, что Советский Союз до Великой Отечественной войны очень аккуратно осуществлял поставки товаров в фашистскую Германию. Конечно, таким образом Сталин с коллегами пытался отсрочить войну, к которой Союз был морально не готов. Но русские только на подъем тяжелы, а после раскочки вполне активны. Да и жесткая военная дисциплина помогла активировать народные массы...

Но политика – явно не мое. А мне неизменного чая хлебнуть и в кроватку. Лучше, конечно, грогу горячего...

Эпилог 2 книги

Не буду хвастаться, рассказывая о своих (естественных для советского человека) преобразованиях в Лондоне. Они, кстати, широко освещались всеми видами СМИ, так что повторяться незачем.

Расскажу лишь о том, что поразило меня спустя пару месяцев, когда я открыл The Evening News (London newspaper) - Вечерние новости (лондонская газета)[1].

Я к этому времени не только прошел проверку спецслужб, но и получил приглашение в старейший лондонский клуб - Savile Club членами которого ранее были Роберт Льюис Стивенсон, Александр Милн и Редьярд Киплинг[2].

Так вот, Новости сообщили, что в СССР произошла смена правительства. Пленум ЦК КПСС освободил от занимаемой должности первого секретаря компартии Никиту Хрущёва. Произошёл очередной в советской истории "дворцовый переворот", руководство государство разделили между собой Косыгин и Громыко.

Я был потрясен. Хрущева сняли на три года раньше и есть подозрение, что мое финансовое возвышение сыграло в этом некоторую роль. А еще говорят, что один человек не может двигать историю. Еще как может!

Ну а я работаю. В военное производство не вмешиваюсь (какое – секрет, подписку давал в MI5), а свое идею воплощаю зримо. Первая партия телескопических (универсальных) локтевых костылей была роздана ветеранам войны в Лондоне бесплатно, что вызвало знатный ажиотаж. Ну и спрос, естественно. Заказы идут от благотворительных организаций, как от международных, так и от частных. Заказывают сразу партии от тысячи экземпляров. Поэтому инвесторы вложились на строительство нового цеха в Восточном Лондоне (что параллельно даст работу пострадавшим от кризиса).

Был звонок из Посольства СССР, просили наведываться. Соглашусь продавать и соотечественникам, но только взамен на поставке алюминия. Собственно, нравственно я не чувствую угрызений совести. Родина у меня одна. И она не столько СССР, сколько Россия и даже просто Сибирь. Ангара и Байкал навечно в сердце моем. Остаться русским можно в любой точке Земного шара, так что не понимаю эмигрантских тоскливых песен и иногда их не кручу на «Викторолле» (есть тут такой электрический граммофон). Зато кухня у меня большей частью русская и грузинская. Да и часть слуг родились в русских семьях. Тех самых, кто удрал из России еще в семнадцатом годе.

В моем инженерном бюро работают на легких и легко управляемыми колясками, которые можно складывать и перевозить даже в автобусах. К ним можно будет присобачить велосипедные одноцилиндровые бензиновые моторчики, превратив их в настоящее средство передвижения. Цены попервости будут высокими, но есть предпосылки, что общества инвалидов поспособствуют в их реализации частным лицам - поделятся благотворительными средствами.

Так что планов громадье!

Ну и чувствую я себя замечательно. И не потому, что богат, а из-за ощущения полной свободы.

От созерцания таких же свободных и гордых жителей этого красивого города, которые даже в нищете кризиса сохраняют свое достоинство.

И я с ужасом вспоминаю, что к 2000 году вельможных англичан на улицах потеснят толпы иммигрантов с темным светом кожи. И там где было благостно и чинно, станет грязно и шумно...

Боже, спаси Англию!

Конец 2 книги

[1] Газета была основана Кольридж Кеннард и Гарри Маркс. Первый номер вышел 26 июля 1881 года. Это была первая популярная вечерняя газета в Лондоне. Его цена составляла один полпенни, отличаясь от более серьезных газет, такие как "Времена". Первые выпуски печатались на голубой бумаге, а последующие - на желтой и зеленой.

[2] Сэвил Клуб это традиционный Лондон клуб джентльменов основана в 1868 году, многие члены которой имеют общий интерес к искусству. Расположен в фешенебельном и исторически значимом Mayfair, в его состав, в прошлом и в настоящем, входят многие известные имена.

Больше книг на сайте - Knigoed.net